

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

**ПРО
СВЕТ**
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*Виктору
Петровичу
Астафьеву 100 лет*

О ПРЕДИКАЦИИ В ТЕКСТАХ В. АСТАФЬЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА
«ТРОФЕЙНАЯ ПУШКА»)

ПАРАДИГМА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. П. АСТАФЬЕВА 1980–2000-Х ГОДОВ

2024 / № 3

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шапалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадаский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2024. — № 3. — 140 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2024. – No. 3. – 140 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ АСТАФЬЕВУ 100 ЛЕТ

Представляем тему номера.	6
<i>Леденёва В. В.</i> О предикации в текстах В. Астафьева (на материале рассказа «Трофейная пушка»)	8
<i>Щедрина Н. М.</i> Парадигма автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х годов	16

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ананьев Д. Н.</i> Текстема «Сыны ГУЛАГа» как средство создания образа и репрезентант одноимённого концепта в романе А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»	30
<i>Гукосьяни О. Ю.</i> Критерии влияния конфликтного взаимодействия в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19	40
<i>Кулакова В. А.</i> Особенности экспликации концепта «дуб» в языковой мифологической картине мира	50
<i>Кытманова Е. А.</i> Жанровый подход к научному тексту в отечественном языкознании 80-х–90-х гг. XX века	62
<i>Сатретдинова А. Х.</i> Семантико-функциональные особенности лексической редупликации в русском языке	75
<i>Старыгина Н. Ф.</i> Лапидарные номинативы в структуре фреймовой модели рекламы туристских услуг.	81
<i>Трофимчук П. И.</i> Проблема типологизации кинотекстов в аспекте их прецедентности. .	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Силаева М. В.</i> Функциональное значение образа слезы в творчестве В. Маяковского и Б. Рыжего	103
<i>Халилов Р. О.</i> Комедия В. П. Катаева «Дорога цветов»: аллюзии и социальный компонент.	111
<i>Чжу Цзывэй.</i> «Городской текст» в произведениях В. В. Набокова 1920-х годов: Петербург vs Берлин	121

РЕЦЕНЗИИ

<i>Дубова М. А.</i> Рецензия на книгу: Кулагин А. В. Высоцкий: Источники. Традиции. Поэтика. М.: Булат, 2024. 269 с.	131
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Малинская Т. В.</i> Международная научная конференция «Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи».	136
---	-----

CONTENTS

100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V. P. ASTAFIEV

Introducing the Theme of the Issue.	6
<i>V. Ledeneva</i> . About Predication in the Texts by V. Astafiev (Based on the Material of the Story “Trophy Cannon”)	8
<i>N. Shchedrina</i> . Paradigm of Autobiographical Type of Narration in the Works of V. P. Astafiev in the 1980–2000s.	16

LINGUISTIC STUDIES

<i>D. Ananyev</i> . The Texteme “Sons Of The Gulag” as a Means of Creating an Image and a Representative of the Concept of the Same Name in A. I. Solzhenitsyn’s Novel “The Gulag Archipelago”	30
<i>O. Gukosyants</i> . Criteria for the Impact of Conflict in Internet-Mediated Communication During the COVID-19 Pandemic	40
<i>V. Kulakova</i> . Features of the Explication of the Concept “Oak” in the Linguistic Mythological Picture of the World.	50
<i>E. Kytmanova</i> . Genre Approach to Scientific Text in Russian Linguistics in the 1980s–1990s . .	62
<i>A. Satretdinova</i> . Semantic and Functional Features of Lexical Reduplication in Russian	75
<i>N. Starygina</i> . Lapidary Nominatives in the Structure of a Frame Model of Advertising Tourist Services.	81
<i>P. Trofimchuk</i> . The Problem of Typology of Film Texts in the Aspect of Their Precedence	93

LITERARY STUDIES

<i>M. Silaeva</i> . The Functional Significance of the Image of Tears in the Works of V. Mayakovsky and B. Ryzhy	103
<i>R. Khalilov</i> . V. P. Kataev’s Comedy “The Road of Flowers”: Allusions and Social Component	111
<i>Zhu Ziwei</i> . “Urban Text” in Nabokov’s 1920s Works: St. Petersburg vs Berlin	121

REVIEWS

<i>I. Dubova</i> . Book Review: Kulagin A. V. Vysotsky: Sources. Traditions, Poetics. Moscow, Bulat Publ., 2024. 269 p.	131
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>T. Malynskaya</i> . International Scientific Conference “Semantics and Functioning of Linguistic Units in Different Types of Speech”	136
---	-----

ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ АСТАФЬЕВУ 100 ЛЕТ

Виктору Петровичу Астафьеву, одному из выдающихся, самых ярких представителей сибирской военной прозы, первого мая 2024 г. исполнилось сто лет со дня рождения. Отправившись на Великую Отечественную добровольцем, он служил связистом, разведчиком, сражался на Курской дуге и в Польше, был трижды тяжело ранен. За боевые заслуги Виктор Петрович награждён медалями и орденом Красной Звезды. Военная тема стала главной в его творческой жизни.

Произведения российского писателя, которые волнуют представителей разных поколений, изданы в тридцати трёх странах. В них В. П. Астафьев смог раскрыть своё осмысление войны, показать нечеловечески страшные события, описать подробности деревенского быта, труд в тылу и любовь на войне. С тончайшими деталями обрисованы характеры его персонажей, потому что писатель был сопричастен чужим страданиям, сердечно относился к миру и окружающим, утверждал абсолютные, понятные людям ценности.

К юбилею В. П. Астафьева, авторитетного, широко изучаемого классика своей эпохи, помещаем в нашем журнале статьи, в которых выявляются особенности повествования автобиографического типа в произведениях «Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Затеси». Внимание исследователей сосредоточено на писательской искренности, глубине постижения обсуждаемой темы, предмете астафьевских раздумий, чувстве ответственности за отдельного человека и весь народ, что выражено в текстах с художественным мастерством. На основе анализа разговорно-просторечной сниженной лексики в рассказе «Трофейная пушка» раскрывается важная для В. П. Астафьева идиостилевая особенность, связанная с использованием стилистического потенциала и коннотативного ореола указанных единиц: создание правдивых страниц прозы о войне, обрисованных с «жестоким реализмом».

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леканта
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

УДК 811.161. 1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-8-15

О ПРЕДИКАЦИИ В ТЕКСТАХ В. АСТАФЬЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ТРОФЕЙНАЯ ПУШКА»)

Леденёва В. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать разговорно-просторечное глагольное слово как средство предикации, характеризующее такую идиостилевую черту текстов В. Астафьева, как «жестокий реализм».

Процедура и методы. На основе нацеленной выборки из текста рассказа «Трофейная пушка» глагольных слов, принадлежащих к разговорно-просторечной сниженной лексике, раскрывается важная для В. Астафьева идиостилевая особенность, связанная с использованием стилистического потенциала и коннотативного ореола указанных единиц: создание правдивых страниц прозы о войне, обрисованных с «жестоким реализмом». В качестве методов анализа использованы описание семантики глагольной лексики с привлечением лексикографических источников, интерпретация, контекстуально-стилистический анализ.

Результаты. Исследование показало верность В. Астафьева принципу правдивого, без прикрас и ретуши, изображения войны, психологически тонкого, философски осмысленного отражения характеров и поведения людей в тяжелейших военных условиях – особого *бытия*. Показано, что не только в известном романе «Прокляты и убиты», но и в рассказе «Трофейная пушка», опубликованном в журнале «Знамя» в 2001 г., на закате жизни, прозе писателя остаётся присущей такая идиостилевая черта, как «жестокий реализм» – определённая константа его произведений о войне с фашистской Германией, передающая прагматические установки и интенции В. Астафьева.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает значимость изучения средств предикации для характеристики особенностей идиостиля писателя, выявления / подтверждения его констант; результаты могут быть использованы при изучении творчества, языка и стиля В. Астафьева, в вузовских курсах стилистики и лексикологии в качестве иллюстративного материала.

Ключевые слова: В. Астафьев, глагольная лексика, идиостиль, предикация, рассказ «Трофейная пушка»

ABOUT PREDICATION IN THE TEXTS BY V. ASTAFIEV (BASED ON THE MATERIAL OF THE STORY “TROPHY CANNON”)

V. Ledeneva*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The study of the colloquial verbs as a means of predication, characterizing such an idiosyncratic feature of V. Astafiev's texts as “cruel realism”.

Methodology. From the text of V. Astafiev's short story “Trophy Cannon”, verb words, that belong to colloquial vocabulary, were purposefully selected. An important feature of the idiosyle for the author is revealed with their help. It is connected with the use of the stylistic potential and connotative halo of

these units: the creation of truthful pages of prose about the war, outlined with “brutal realism”. The methods of analysis used are the description of the semantics of verbal vocabulary with the involvement of lexicographic sources, elements of component analysis, interpretation, contextual and stylistic analysis.

Results. The study showed V. Astafyev’s fidelity to the principle of truthful, unvarnished and retouched depiction of war, a psychologically subtle, philosophically meaningful reflection of the characters and behavior of people in conditions of military life – the special *existence*. It is shown, that not only in the famous novel “Cursed and Killed”, but also in the story “Trophy Cannon”, published in the magazine “Znamya” in 2001, at the end of his life, such an idiosyncratic feature as “cruel realism” remains inherent in the writer’s prose – the constant of works about the war with Nazi Germany.

Research implications. The study confirms the importance of studying the means of predication to characterize the idiosyncrasies of the writer, to identify / confirm its constants; the results can be used in the study of creativity, language and style of V. Astafyev, in university courses of stylistics and lexicology as illustrative material.

Keywords: V. Astafyev, verbal vocabulary, idiostyle, predication, the story “Trophy cannon”

Введение

В. Астафьева не только относят к классикам отечественной литературы XX в., сопоставляя ценностные ориентиры, нравственные истины, лежащие в основе его мировоззрения, с заповедями Владимира Мономаха, утверждая близость Ф. М. Достоевскому прагматических установок автора при создании психологически ёмких образов «с чётким разграничением добра и зла» или нравственными колебаниями в решении моральных проблем в отношении к любви, жестокости и страданию, при показе силы самопожертвования русского человека [3, с. 3; 2; 5], но и признают мощное философское начало его «пронзительной прозы», которая касается «временного и надвременного, человеческого и общечеловеческого» [10, с. 23], формирует впечатление, что «за потоком людских бед, радостей, поступков и проступков, рождений и смертей стоит нечто, не обозначаемое словом», но может быть охарактеризовано как особое «бытие» [8, с. 453]. И в транслируемой астафьевской прозой проблематике текстов очевидной становится «взаимосвязь, взаимодействие, взаимопроникновение быта и бытия, социального и экзистенциального» [10, с. 27], что особенно ярко проявилось в сквозной для творчества писателя военной теме [11, с. 101–102], отображаемой с «жестоким реализмом». Обращение к языку и

стилю В. Астафьева считаем актуальным в год его столетнего юбилея. Новизну работы обуславливает избранный материал, не получивший широкого освещения в русистике [ср.: 9].

Выдвинув цель проанализировать использование разговорно-просторечных глагольных лексем в качестве средства предикации, проявляющего такую идиостилевую константу прозы В. Астафьева, как «жестокый реализм», поставим задачей выделить и охарактеризовать семантику и коннотативный ореол данных единиц, учитывая, что жанр рассказа принадлежит функционально-смысловому типу речи повествование, при этом в монолог повествователя, однако, вплетены партии персонажей.

Развитие событий в рассказе, их динамика, имплицитная или эксплицитная характеристика поведения (в том числе коммуникативного) героев обеспечиваются привлечением глаголов в роли предикатов, что говорит о стилистической значимости этого лексического ресурса в языке художественной литературы. Гипотеза исследования связана с подтверждением важности для военной прозы В. Астафьева разговорно-просторечного глагольного слова с его отрицательным экспрессивным зарядом и коннотацией ‘народности’. Возбуждение этой коннотации стимулируется не только характером сюжета, изобра-

жаемых персонажей, стремлением автора справедливо показать колорит военного бытия, но и, прежде всего, особенностями формирования и развития языковой личности писателя, его социальными корнями [см.: 1, с. 113; 2, с. 56; 6, с. 140]. В качестве методов анализа используются контекстуально-стилистический, опирающийся на описание семантики средств предикации с привлечением лексикографических источников, интерпретация. Практическую значимость исследования связываем с показом на проанализированном материале того, что и в малых прозаических формах, к которым относится рассказ «Трофейная пушка», опубликованный в журнале «Знамя» в 2001 г., в конце жизни писателя-фронтовика, проявляются глубокие философские раздумья В. Астафьева о правде подвига и смерти, выживании и потерях, беспощадной жестокости и мудром, основанном на опыте милосердия на войне, раскрывается его трезвый, критический и поистине «панорамный взгляд на действительность» [7, с. 15] даже в представлении как будто бы незначительного для масштабов тяжёлой многолетней войны эпизода.

Разговорно-просторечная глагольная лексика – средство предикации, отражающее идиостилевую черту «жестокый реализм» в рассказе «Трофейная пушка» В. Астафьева

В творчестве В. Астафьева военная тема не могла не стать сквозной, центральной, связывающей его личность и с судьбой Родины, и с поколением писателей-фронтовиков, отразивших в «лейтенантской прозе» кровавый облик войны, показавших огромную цену Победы. Важным оставался для писателя как патриота, тонкого психолога и гуманиста человек в тяжелейших условиях особого военного бытия: «большинство причастных к войне и Победе поразились – какой “ком солдатской правды” он вывернул» [7, с. 21].

Раздумья В. Астафьева оформились в «историософию войны», в которой ощутил и гордость за победителей, и горечь от

осмысления неоправданности многих потерь [11, с. 104, 108]. Они эксплицированы не только в масштабных текстах романа «Прокляты и убиты», повести «Так хочется жить», «Эпистолярного дневника» («Нет мне ответа...»), но и в рассказе «Трофейная пушка», который запечатлевает драматический эпизод гибели людей вне боя – из-за неоправданного «геройства» приказавшего стрелять из трофейной пушки по врагу «сверхзелёного, неустрашимого бойца»¹ – младшего лейтенанта Растягаева. В рассказе отражён сложившийся в сражениях и отступлениях, ратном труде и быте коллективный менталитет солдата, познавшего военное бытие, его философия жизни, неписанными законами которой запрещено обречь на напрасную смерть.

В качестве средств предикации, позволяющих понять эти идеи и интенции автора, используются многочисленные разговорно-просторечные слова, органически свойственные идиолекту языковой личности В. Астафьева, как и диалектизмы, архаизмы, средства паремиологического фонда общенародного языка, фразеологизмы, вплоть до стилистически точно введённых в контекст вульгаризмов и бранных единиц (см.: – *Немцы, фашисты, говорю, уходят! – громче, как глухим, крикнул он. – Ну и хер с ними! – буркнул тот солдат, что закуривал, другой даже и не пошевелился, по тому, как оттопырилась и отодвинулась его нижняя губа, видно было, что он сразу и уснул; Снаряд разорвался далеко за бугром, взметнулся там метлою взрыв и тут же вместе с долетевшим звуком развалился в пухлый гриб, такой гриб на родине Растягаева называют дурно – бздёхом; – Ещё стрелять?! Подбавим им вон в штаны...*)².

«Предикация, как уже сложилось в синтаксическом аспекте исследования русского предложения, представляет собой соединение понятий о предмете и его признаке в синтагматическом сочетании опреде-

¹ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

² Там же.

ляемого слова с определяющим», – указывает Т. Е. Шаповалова [12, с. 101], опираясь на концепцию П. А. Леканта. Этот важнейший ментальный акт в творческой деятельности автора художественного текста позволяет с помощью ресурсов идиолекта сформировать и выразить оценки, дать характеристики событиям, персонажам, представить интерьер, пейзаж, портрет, раскрыть идейно-эстетические, социально-нравственные позиции писателя, проявить возбуждающее интерес адресата публицистическое начало, что выявляется также при контекстуально-стилистическом анализе текста В. Астафьева.

1) В авторской речи разговорно-просторечные глагольные лексемы как предикаты имеют следующую нагрузку:

а) характеризуют обстановку, в которой разворачивается событийная канва произведения, правдиво, не смягчая красок, воссоздают зримые картины прифронтовой полосы: *Горланят* в нём петухи, людей на улицах пока не видно, коровы недоенные мычат. *Попрятались* люди...; На заречном скате пологого широкого поля, с осени скошенного *таборилось* десятка три-четыре машин...¹. См.: *горланить* ('прост. Говорить, кричать или петь слишком громко, во всё горло'²); *попрятаться* ('разг. Спрятаться (о всех, многих)³'), *табориться* ('становиться въ полъ станомъ, обозомъ, отабориться')⁴;

б) используются для реалистически точного запечатления действий солдат и офицеров на фронте, показа их последствий или вполне возможных перспектив: *Иногда вспыхивает бой, наши натыкаются на заслон, на броневую группировку...; Здесь поработали наши иштурмови-*

*ки, поносили шапки крыши со строений...; Тогда двадцать четыре пушки с небольшим боезапасом останавят атаку противника, погасят вспышку, залаатают дырки на одном из участков фронта; Пушка тьякала злобно и недовольно, снаряды все ложились далеконько от цели*⁵. См.: *зала-тывать дырки* (*залатать / заткнуть дыры* – 'прост. Наспех или на время устранять какие-либо недостатки, пробелы, обычно в каком-либо деле')⁶; *натыкаться* (несов. к разг. *наткнуться* – 'Случайно или неожиданно обнаружить что-л., встретиться с кем-, чем-л.'⁷); *поносить* ('Снести всё или многое (одно за другим)')⁸; *тявкать* ('перен. прост. Ворчать, браниться'⁹, здесь – метафорическое 'производить выстрелы');

в) создают беспощадно-честные, даже натуралистичные бытовые зарисовки, не скрывающие тяжести условий существования человека на войне, в походной обстановке: *Они сейчас уже далеко от фронта, в дубовом лесу выжаривают вшей из одежды...; Обувь у солдат разбита, гимнастёрки полопались на спинах...*¹⁰ См.: *выжаривать* (несов. к *выжарить* – 'прост. Подвергнуть действию сильного жара, хорошо прокалить'); *полопаться* ('разг. Лопнуть в нескольких местах или о всём, многом'¹¹);

⁵ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

⁶ Затывать дыры (дырки). Заткнуть дыры (дырки) // Фразеологический словарь русского литературного языка: [сайт]. URL: [https://rus-phrasology-dict.slovaronline.com/4352-Заткнуть%20дыры%20\(дырки\)](https://rus-phrasology-dict.slovaronline.com/4352-Заткнуть%20дыры%20(дырки)) (дата обращения 01.06.2024).

⁷ Наткнуться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/наткнуться> (дата обращения: 10.06.2024).

⁸ Поносить // Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Dic.Academic: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/222634/Посносить> (дата обращения: 10.06.2024).

⁹ Тявкать // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/тявкать> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁰ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

¹¹ Полопаться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/полопаться> (дата обращения: 10.06.2024).

¹ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

² Горланить // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/горланить> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Попрятаться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/попрятаться> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Типография Т. Рис, 1866. С. 352.

г) отображают действия фронтовиков в нестандартных ситуациях, передают непосредственные реакции людей на обстановку, проявляя психологизм астафьевского повествования: *Солдаты **повылазили** из машин, лежали на прошлогодней кошенине, кусали соломины, смотрели в синенькое небо или спали; Эти баловни войны до сих пор ещё не отвыкли от того, что при виде «катюш» **шалели** все от мала до велика и галантно уступали им, как дворянам, любую дорогу¹. См.: **повылазить**²); **шалеть** ('прост. Становиться шальным, терять способность здраво мыслить, соображать'³);*

д) характеризуют поведенческие, в том числе эмоциональные реакции, коммуникативный настрой, симпатии / антипатии в межличностных отношениях сослуживцев, донося имплицитные (по преимуществу иронические) оценки того, что вызвало реакцию, т. е. представляют «человека внешнего», социального: – *Что-о? – **взъярился** майор; И они так и не узнали и никогда не узнают, как **вышибал** из него «высшее образование» визгливый старшина Закорюченко...; Солдат **ухмыльнулся**, нехотя встал, но сигарку не бросил, спрятал её...; Младший лейтенант Растягаев с распухшим носом **хрястнул** дверцей кабины газушки...⁴ См.: **взъяриться** («разг. Прийти в ярость»⁵); **вышибать** (разг. 'Выбивать, уничтожать следы, признаки', несов. к вышибить'⁶); **ухмыльнуться***

(‘разг. Усмехнуться, улыбнуться (обычно насмешливо, иронически, самодовольно и т. д.)’⁷); **хрястнуть** ('груб. прост. Сильно ударить')⁸.

2) В речи персонажей разговорно-просторечные глаголы-предикаты использованы В. Астафьевым не только для того, чтобы сформировать представление о культуре и образовании героев рассказа, потому что писатель правдиво показывает общее – тип обычного, крепкого в своих традициях, трудового в мирное время человека, а в изображаемых коллизиях представляет «обыкновенных солдат, копавших землю, жаривших в бочках вшей, материвших Гитлера и старшин, норотивших посытней **пожрать** и побольше поспать»⁹ (см. **пожрать** – ‘груб. прост. То же, что поесть’¹⁰). Наблюдения показывают, что писатель не лишает образы индивидуальности, однако прежде всего стремится передать сложившуюся у фронтовиков атмосферу ты-общения, объединяющую всех, кто вместе делает трудное ратное дело, ходит под пулями и снарядами, может оказаться в одной братской могиле, а потому отвечает друг за друга. Так В. Астафьевым отображён коллективный дух соратников, способных на самопожертвование: «Сознательное самопожертвование – один из первых возможных астафьевских ответов на вопрос о том, почему его “ребята” победили» [4, с. 56].

Интенция автора просматривается в тексте рассказа определённо. Этому есть прямые свидетельства, заложенные в репликах персонажей, когда за необдуманый поступок офицера, вызвавшего трагедию и общий гнев, корит себя солдат: *Старый солдат, почувствовав это, сказал*

¹ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

² Повылазить // Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Dic.Academic: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/222634/Повылазить> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Шалеть // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/шалеть> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

⁵ Взъяриться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/взъяриться> (дата обращения: 10.06.2024).

⁶ Вышибать // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/вышибать> (дата обращения: 10.06.2024).

⁷ Ухмыльнуться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/ухмыльнуться> (дата обращения: 10.06.2024).

⁸ Хрястнуть // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/хрястнуть> (дата обращения: 10.06.2024).

⁹ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

¹⁰ Пожрать // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/пожрать> (дата обращения: 10.06.2024).

ещё раз: – Простите, братицы. **Винюся.** Я **виноват, не очурал** младшего лейтенанта¹. См.: **виниться** (устар. и прост. Признаваться в своей вине, извиняться²), **очурать** (от **чур, чур меня**) – ‘уберечь от неправильного поступка’. Ср.: **Угомонись ты, младший лейтенант, навоюешься ещё**³ – здесь предикат **угомониться** в значении «Перестать делать что-л., прекратить какие-л. действия (обычно нежелательные, доставляющие кому-л. беспокойство⁴)» передаёт совет бывалого бойца неопытному командиру, к которому применима горькая астафьевская характеристика героической **«Войной балуются»**.

3) Анализ показывает, что разговорно-просторечные глагольные лексемы не чужды речевой партии майора Проскурякова, представленного бывалым и трезво понимающим различные фронтовые ситуации командиром, которому В. Астафьев даёт право оценивать, судить, разрешать конфликты, уберегать от напрасных жертв.

Разговорно-просторечные предикаты в передаваемых писателем внутренних монологах этого персонажа и непосредственных комментариях к ним стали средством жёсткого выражения с философских позиций критической оценки неоправданных назначений, награждений или наказаний, о которых не понаслышке знал писатель: **Майор Проскуряков ещё раз подивился и подосадовал на то, как быстро и легко стали печь у нас командиров, как просто и порой задарма, за красивые патриотические слова и умение выслуживаться начали давать награды и так же просто и легко спроваживать людей в штрафные роты...**⁵ См.: **выслуживаться** (несов. к **вы-**

служиться – ‘разг. Прислуживаясь, добиться чьего-л. расположения⁶); **подивиться** (‘разг. Дивиться, удивляться некоторое время⁷); **подосадовать** (‘разг. Досадовать в течение некоторого времени⁸); **спроваживать** (несов. к **спроводить** – ‘разг. Стараясь избавиться от кого-, чего-л., отправить, отослать куда-л.⁹).

В. Астафьев связывает с менталитетом честных боевых офицеров, которых представляет в рассказе образом майора Проскурякова, стремление думать, рассчитывать ход операции, чтобы сберечь, не потерять людей: на это высокое достоинство указывает предикат **плановать** (‘прост. То же, что **планировать**¹⁰): ...он уже мысленно **плановал, где выставить и окопать дежурную батарею, как расположить по избам бойцов...**¹¹ Образы майора Проскурякова и младшего лейтенанта Растягаева состоят в идейно-тематически мотивированной и прозрачной, по трактовке писателя, оппозиции одобряемого и неодобряемого: ‘думать и заботиться о бойцах как о людях’ – ‘бездумно героизировать’. Ценно, что именно суждениям проявляющего милосердие на войне майора Проскурякова В. Астафьев доверяет философский и жёсткий в его диалектике вывод о связи времени, памяти и правды в этом рассказе, как показал контекстуально-стилистический анализ.

«Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

⁶ Выслуживаться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/выслуживаться> (дата обращения: 10.06.2024).

⁷ Подивиться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/подивиться> (дата обращения: 10.06.2024).

⁸ Подосадовать // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/подосадовать> (дата обращения: 10.06.2024).

⁹ Спроводить // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/спроводить> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁰ Плановать // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/плановать> (дата обращения: 10.06.2024).

¹¹ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

¹ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

² Виниться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/виниться> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал «Знамя»: [сайт]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1326> (дата обращения 01.06.2024).

⁴ Угомониться // Малый академический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/угомониться> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵ Астафьев В. Трофейная пушка // Журнал

Заключение

Как показал анализ текста рассказа «Трофейная пушка», писатель использует глагольные предикаты, выраженные разговорно-просторечными лексемами с отрицательным коннотативным ореолом, для создания «жестокого реализма», демонстрирующего в неприукрашенном повествовании о людях и событиях на войне авторские интенции честности, прямоты, выражает критическую оценку бездумного «геройства», осуждение лжи в любом её проявлении – от красивых слов до неправильных приказов командования.

В. Астафьев справедливо рассчитывал на экспрессивные возможности этих единиц и эффект интимизации, доверительно-сти изложения, который и предполагает предпочтение стилистически сниженной лексики, потому что она имплицитно транслирует сему 'народное, народность', позволяет прежде всего героям «высказаться» непосредственно, безыскусно, что называется, по-русски прямо, благодаря чему автор смог дать критические, основанные на опыте и осмыслении пережитого на войне оценки.

Статья поступила в редакцию: ???.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкова И. В. Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (157). С. 112–116.
2. Волкова С. Н. Имена существительные в функции идентификаторов при антропонимах (на материале романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты») // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти д. филол. н., профессора К. А. Войловой, 25 февраля 2019 г. / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 52–57.
3. Гончаров П. А., Щербакова В. А. Мотив самопожертвования в первой военной повести В. Астафьева // Наука и Образование. 2020. Т. 3. № 2. С. 412–416.
4. Гончаров П. А., Щербакова В. А. «Свет их всё ещё идёт к нам, всё ещё сияет нам»: мотив самопожертвования в повести В. П. Астафьева «Звездапад» // Литература в школе. 2020. № 1. С. 52–67. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-52-67
5. Ляпаева Л. И. Нравственные истины в «Заповедях» Владимира Мономаха и «Затесях» Виктора Астафьева // Ямальский вестник. 2015. № 3 (4). С. 70–74.
6. Падерина Л. Н. Приёмы стилизации авторской речи в произведениях В. П. Астафьева // Эпоха науки. 2019. № 19. С. 139–145.
7. Перов О. Е. «Жестокий реализм» Виктора Астафьева: апология выживания и проповедь милосердия // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Кубанского государственного технологического университета и 45-летию кафедры русского языка: сборник статей / под ред. И. В. Рус-Брюшининой, Е. А. Березконой. Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2018. С. 14–27.
8. Потапчук Е. Ю. «Жгучая, смертная связь»: онтологические мотивы в произведениях В. П. Астафьева // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 4–5 (74). С. 453–455.
9. Ревенко И. В. Реализация текстовой категории времени в рассказе В. П. Астафьева «Трофейная пушка» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2009. № 2. С. 28–31.
10. Семькина Р. С.-И. «Реализм в высшем смысле» Ф. М. Достоевского и «жестокий реализм» В. П. Астафьева: к постановке проблемы // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 19–28.
11. Смирнова А. И. Великая Отечественная война в творческой биографии В. П. Астафьева: по страницам «Эпистолярного дневника» // К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: сборник научных статей по материалам научной конференции, 22 апреля 2015 г. М.: МГПУ, 2016. С. 101–109.
12. Шаповалова Т. Е. Слитная предикация в художественном тексте // Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 100–109.

REFERENCES

1. Bashkova I. V. [Creative Linguistic Personality and Variability of the Russian Language Picture of the World]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2015, no. 4 (157), pp. 112–116.
2. Volkova S. N. [Nouns as Identifiers for Anthroponyms (Based on the Novel by V. P. Astafiev “Cursed and Killed”)]. In: *Russkij yazyk v slavyanskoj mezhekulturnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati d. filol. n., professora K. A. Vojlovoj, 25 fevralya 2019 g.* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: Collection of Scientific Papers based on the Results of the International Scientific Conference dedicated to the Memory of Professor K. A. Voilova, February 25, 2019]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019, pp. 52–57.
3. Goncharov P. A., Shcherbakova V. A. [The Motive of Self-Sacrifice in the First Military Story by V. P. Astafiev]. In: *Nauka i Obrazovanie* [Science and Education], 2020, vol. 3, no. 2, pp. 412–416.
4. Goncharov P. A., Shcherbakova V. A. [“Their Light Still Comes to Us, Still Shines for Us”: The Motive of Self-Sacrifice in the Story “Starfall” by V. P. Astafiev]. In: *Literatura v shkole* [Literature at School], 2020, no. 1, pp. 52–67. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-52-67
5. Lyapaeva L. I. [Moral Truths in the “Commandments” of Vladimir Monomakh and “Zatesyah” of Viktor Astafiev]. In: *Yamal'skij vestnik* [Yamal Bulletin], 2015, no. 3 (4), pp. 70–74.
6. Paderina L. N. [Techniques for Stylizing Author's Speech in the Works of V. P. Astafiev]. In: *Epoha nauki* [Epoch of Science], 2019, no. 19, pp. 139–145.
7. Perov O. E. [“Cruel Realism” by Viktor Astafiev: An Apology for Survival and a Preaching of Mercy]. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskikh issledovanij: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta i 45-letiyu kafedry russkogo yazyka: sbornik statej* [Current Issues of Philological Research: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th Anniversary of the Kuban State Technological University and the 45th Anniversary of the Russian Language Department: Collection Articles]. Krasnodar, Kuban State Technological University Publ., 2018, pp. 14–27.
8. Potapchuk E. Yu. [“Burning, Mortal Connection”: Ontological Motives in the Works of V. P. Astafiev]. In: *Evrasijskoe Nauchnoe Ob'edinenie* [Eurasian Scientific Association], 2021, no. 4–5 (74), pp. 453–455.
9. Revenko I. V. [Implementation of the Text Category of Time in the Story by V. P. Astafiev “Trophy Cannon”]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva (Vestnik KGPU)* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafieva (Bulletin of the KSPU)], 2009, no. 2, pp. 28–31.
10. Semykina R. S.-I. [“Realism in the Highest Sense” by F. M. Dostoevsky and “Cruel Realism” by V. P. Astafiev: Towards the Formulation of the Problem]. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2016, no. 3 (26), pp. 19–28.
11. Smirnova A. I. [The Great Patriotic War in the Creative Biography of V. P. Astafiev: Through the Pages of the “Epistolary Diary”]. In: *K 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne: sbornik nauchnyh statej po materialam nauchnoj konferencii, 22 aprelya 2015 g.* [To the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: A Collection of Scientific Articles based on the Materials of the Scientific Conference, April 22, 2015]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2016, pp. 101–109.
12. Shapovalova T. E. [Integrated Predication in a Literary Text]. In: *Nominaciya i predikaciya v sovremen-nom russkom yazyke* [Nomination and Predication in the Modern Russian Language]. Moscow, Federal State University of Education Publ., 2024, pp. 100–109.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения; академик МАНПО;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of Modern Russian named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education; Academician of International Teacher's Training Academy Of Science;
e-mail: ledenevavv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леденёва В. В. О предикации в текстах В. Астафьева (на материале рассказа «Трофейная пушка») // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 8–15.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-8-15

FOR CITATION

Ledeneva V. V. About Predication in the Texts by V. Astafiev (Based on the Material of the Story “Trophy Cannon”). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 8–15.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-8-15

УДК 82.32

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-16-29

ПАРАДИГМА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТИПА ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. П. АСТАФЬЕВА 1980–2000-Х ГОДОВ

Щедрина Н. М.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить художественную специфику автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х гг.

Процедура и методы. Раскрываются составляющие автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева «Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Затеси». Внимание сосредоточено на писательской искренности, глубине постижения предмета, чувстве ответственности за человека и народ, выраженные художественно. Подход осуществляется с точки зрения литературоведческих понятий (автобиографический герой, автор-повествователь, авторская позиция). Используются биографический, структурно-герменевтический и культурно-исторический методы.

Результаты. Выявлены ключевые аспекты автобиографизма, отражающие авторскую концепцию произведения. Эстетическая, философская и психологическая парадигма астафьевских книг зиждется на исповедальности, публицистичности, лиризации повествования, процессах самопознания, роли автора-повествователя и открытости его позиции. Способы художественного воплощения связаны с индивидуальным жизненным опытом, переживаниями и авторской эмоциональностью писателя. Роль автобиографизма в произведениях классика русской литературы XX в. соотносятся с формальной и содержательной сторонами его творений: типами повествования, жанром, пространством и временем – становится инструментом самопознания и самоанализа, а также субъектным восприятием автором себя самого.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования определяется вкладом в разработку аспектов автобиографизма на конкретном материале произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х гг. В работе предлагаются пути анализа автобиографизма в рамках отдельного произведения и в целом последнего периода творчества писателя. Результаты могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской литературы XX в., в специальных курсах по творчеству писателя.

Ключевые слова: автобиографизм, автопсихологизм, автор-повествователь, авторская позиция, самопознание, исповедальность, самовыражение, лиризм, публицистичность

PARADIGM OF AUTOBIOGRAPHICAL TYPE OF NARRATION IN THE WORKS OF V. P. ASTAFIEV IN THE 1980–2000S

N. Shchedrina*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the artistic specificity of the autobiographical type of narration in the works of V. P. Astafiev of the 1980–2000s.

Methodology. The components of the autobiographical type of narration in V. P. Astafiev's "Last bow", "Cursed and killed", "Zatesi" are revealed. Attention is focused on the writer's sincerity, the depth of comprehension of the subject, the sense of responsibility for human and people, and their artistic expression. The approach is carried out from the viewpoint of literary concepts: autobiographical character, author-narrator, author's position. Biographical, structural-hermeneutic and cultural-historical methods are used.

Results. The key aspects of autobiography, reflecting the author's concept of the work, have been identified. The aesthetic, philosophical and psychological paradigm of Astafiev's books is based on confession, journalism, lyricism of the narration, processes of self-awareness, the role of the author-narrator and the openness of his position. Methods of artistic embodiment are associated with the individual life experience, feelings and author's emotionality of the writer. The role of autobiography in the works of the classic of Russian literature of the twentieth century correlates with the formal and substantive aspects of his works: types of narration, genre, space and time; becomes a tool of self-awareness and introspection, as well as the author's subjective perception of himself.

Research implications. The study contributes to the development of aspects of autobiography based on specific material from the works of V. P. Astafiev in the 1980–2000s. The paper suggests ways to analyze autobiography within the framework of a separate work and, as a whole, the last period of the writer's work. The results can be used in lecture courses on the history of Russian literature of the twentieth century, as well as in special courses on the writer's work.

Keywords: autobiography, autopsychologism, author-narrator, author's position, self-knowledge, confession, self-expression, lyricism, journalism

Введение

Организирующим центром автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х гг. является автор. Для выявления его феномена воспользуемся теоретическим инструментарием, разработанным в литературоведении и изложенным в трудах М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Б. О. Кормана, Н. К. Гей, В. В. Кожина и др.

Под автором будем понимать носителя определённой концепции, некоего взгляда на действительность, выражением которого является всё произведение [9, с. 62]. Учитываем, что автор не тождественен своим персонажам, что он также вмещает речевые стили своих героев, выражающие их объективный мир. Присутствие автора в тексте выражено субъектными и внесубъектными формами [10, с. 23]. Носителем субъектных форм в произведении является автор-повествователь. Взгляды и ценности, лежащие в основе его убеждений, определяют позицию автора. «Извлечь» её

в произведении можно из декларируемых им принципов повествования, которыми он пользуется. Путь постижения взглядов писателя лежит и через героя, и через автора-повествователя. Повествователь ближе других к автору, хотя и он не совпадает с ним полностью.

О дистанции между реальным автором и повествователем неоднократно высказывались теоретики литературы, подчёркивая, что даже в автобиографическом повествовании такая дистанция существует, но она гораздо меньше, ибо писатель осмысливает свой жизненный опыт с некоторого временного расстояния. Автор-повествователь, а зачастую и персонифицированный автор своей активностью влияют и во многом определяют структуру произведения. Такое явление мы наблюдаем в творчестве русского классика Виктора Петровича Астафьева.

Говоря о проблемах изучения творчества писателя, Т. М. Вахитова подчёркивала, что «нужно выявить принципиальные

характеристики этого своеобразного астафьевского автобиографизма» [3, с. 6; 6]. Такая цель и ставится нами в статье.

Авторское начало в романе В. П. Астафьева «Последний поклон»

Ещё в 1977 г. В. Курбатов писал о том, что в центре художественного мира Астафьева находится биография самого «художника и биография его поколения» [14, с. 5]. Он также говорил об установке на подлинность рассказываемого самим автором, когда воспоминания становятся материалом для произведений и моделью создания художественного мира писателя. Как считает современный исследователь Д. В. Заваров, «автор в литературном произведении – это начало, изолированное от внешнего мира. Он пишет не так, как “выгодно”, а так, как это “соответствует истине”, разумеется, в его собственном понимании» [7, с. 113].

Это особенно специфично для «Последнего поклона» (1967–1994), истинной целью которого является не фиксация автором событий прожитой жизни, а их художественное переосмысление на уровне внутренней автобиографичности. Раскрывая «внутреннюю автобиографичность», следует подчеркнуть, что автобиографический герой Астафьева в такой же степени сотворён, как и любой другой образ «творческим построением» (Л. Я. Гинзбург) писателя. Собственная жизнь, биография, внутренний мир, служащие исходным материалом, сочетаются с вымыслом, обобщением и типизацией. В результате автор-повествователь выступает как художественный образ, который похож и одновременно не похож на реального биографического автора. «Равенство» «концептированного автора» [8, с. 120] и героя-рассказчика в итоге сводится не к биографическим, конкретно-бытовым реалиям, которые могут то совпадать, а то разниться с имевшими место событиями, а к сходным духовным процессам и душевным переживаниям (переживания, связанные с детством, взрослением и т. д.).

Например, в рассказе о деревенских играх в «Последнем поклоне» автор в заключение пишет о том, что нужно ценить настоящее, тот момент, в котором ты счастлив: *«Теперь-то я знаю: самые счастливые игры – недоигранные, самая чистая любовь – недолюбленная, самые лучшие песни – недопетые. И всё-таки грустно, очень грустно и жаль чего-то»* (курсив наш. – Н. Ш.)¹. Писатель словно сожалеет о своём, об утраченном детском восприятии жизни. «Я» героя Вити Потылицына и автора сливаются.

В начале «Последнего поклона» автобиографический герой находится в центре. В дополненных рассказах конца 1980-х гг. Астафьев уделяет много места социальным проблемам, а Виктор Потылицын, от имени которого ведётся повествование, заявленный в начале как главный герой, скорее, переходит в рядового персонажа, «верх» берёт рассказчик. Особенно это ощутимо в главах, написанных в последний период жизни, после выхода в 1989 г. в издательстве «Молодая гвардия» трёх частей «Последнего поклона», объединённых в одну книгу. Но и в этой, казалось бы, заключительной редакции автор решился на продолжение: «...жизнь подбрасывала и подбрасывала материалу. Как хворосту в огонь..., – пишет Астафьев в комментариях к пятому тому 15-томного собрания, – в одну главу не уложился, написал две: “Забубённую головушку” и “Вечерние раздумья”»², которые были опубликованы в 1992 г.

Специфика повествования «Последнего поклона» в том, что к автобиографическому материалу присовокупилось природное качество автора произведения – лиризм, о котором в своей книге «Миг и вечность» писал В. Курбатов [13]. Рассказывая о детстве Астафьева, рассматривая сиротство, рано пережитую смерть матери как определяющий момент в пробуждении этого

¹ Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. М.: Эксмо, 2010. С. 236.

² Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 3. Красноярск: Офсет, 2021. С. 412.

дара в деревенском мальчике, критик полагал, что в творчестве и мироощущении писателя лирическая струя исходила от матери: «желание добра людям, открытость навстречу им и стремление помочь, а от отца – иронические интонации и лёгкое отношение к жизни» [13, с. 61].

Импульс всепоглащающего авторского лиризма рождён автобиографической основой. Структурно довлеющей и функционально значимой в «Последнем поклоне» становится ипостась героя-рассказчика и «концептированного» автора (использован термин Б. О. Кормана). По теории Л. Я. Гинзбург, лирическое начало сосредотачивается «в определённом кругу проблем, настроений, объединено «устойчивыми» чертами – биографическими, сюжетными» [5, с. 146]. Эти основы заложены писателем в героя Витю Потылицына. Это чуткий характер, «песенная душа», открытость, завораживающая своей поэтичностью. Детское восприятие жизни придаёт книге искренность, непосредственность, ощущение чудесного и сказочного в мире. И если в первой книге романа его взросление проходит в тёплой атмосфере человеческих взаимоотношений, то во второй и третьей тон повествования постепенно смещается в силу обстоятельств в сторону более мрачной действительности. Герой мужает и физически, и духовно, хотя по-прежнему согрет автобиографическим лиризмом автора. Но Астафьеву необходимо транспонировать читателя в глубины душевного состояния Потылицына, выразить его и себя через горечь пережитого. Для этого к лиризму добавляется исповедальность, когда от имени своего «Я» и «я» героя дано раскаяние и осуждение себя в том, что не приехал на похороны, не отдал дорогому человеку последнего поклона: «Винуватый перед бабушкой, я пытаюсь воскресить её в памяти, поведать о ней другим людям, чтобы в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыскиали они её черты, и чтобы была её жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта. Нет у меня таких слов, которые смогли

бы передать всю мою любовь к бабушке, оправдали бы меня перед нею» (курсив наш. – Н. Ш.)¹.

И всё же жизненные примеры из биографии писателя, **лирико-исповедальные способы** повествования, важные для него, послужившие для того, чтобы рассказать о детских годах и юношеских годах, не могли в полной мере удовлетворить Астафьева, решившего отдать последний поклон той земле и тому месту, где он родился.

Необходимо было расширить пространство через ретроспекцию, перейти через исторический охват событий на другой регистр. Писатель-сибиряк из чувства долга своими произведениями способствовал возвращению не только памяти, интереса к истории края, но и его роли для страны. Сибирский характер, как его понимал и чувствовал Астафьев, включал в себя лучшие черты нации. Ещё в давние времена жители этих краёв искали способ уйти «от ограничений и притеснений», жаждали свободы всех толков – религиозной, общественной, нравственной, деловой и личной.

От малой Родины Астафьев идёт к жизни многих поколений сибирских крестьян, что делает книгу эпически масштабным повествованием. Хотя сам автор «Последнего поклона» именовал его повестью несмотря на то, что налицо все атрибуты романа, эпически масштабного, о жизни крестьянской Вселенной – сибирской деревни Овсянки. «Последний поклон» воспринимается не только как автобиографическая проза, а как самовыражение народного сознания. Такая позиция необходима автору для того, чтобы его голос услышали и чтобы читатель уверовал в происходящее. «Вот пишу я роман и вижу, что это вовсе и не роман, а рассказ *агромадных размеров* или всё та же любимая мною повесть, состоящая из отдельных кусков и рассказов. *Лоскутное одеяло, тёплое и даже красивое*, под ним можно спать. И всё же шились лоскутные одеяла по нужде, из-за нехватки "сырья", но *старанья, раденья, усилий, умения, труда лоскутное одеяло требова-*

¹ Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. М.: Эксмо, 2010. С. 546.

ло от творца куда больше, чем одеяло из цельного лоскута или куска мануфактуры, чаще всего сатина или ситца... Снова с нуля, снова преодоление себя, своей неполноценности, познания, что и не дорос до построения такой сложнейшей, многоэтажной конструкции, как роман» (курсив наш. – Н. Ш.)¹.

В этих, казалось бы, парадоксальных рассуждениях писателя содержится мысль о происходивших в его авторском мировидении синтезирующих процессах, способствующих формированию эпического полотна необычной формы, требующей большей затраты авторской энергии по объединению «кусков» «лоскутного одеяла» в единое целое.

Произведения Астафьева не поддаются единому жанровому определению. В «Последнем поклоне» есть признаки произведений циклического свойства. Для цикла особенно важен способ соединения материала. В этом жанре ведущую роль, как и в нашем случае, выполняет автор-повествователь, именно его точка зрения на историю России «цементирует» и синтезирует все типы хроникального, летописного, документального повествований. Новация Астафьева заключалась в концентрации на публицистическом высказывании, исходившем от повествователя, ставшем этим объединительным началом произведения. При его помощи в эпическом полотне циклического свойства – в жанровой необычности романа XX в. – оказались слитыми очерк, рассказ, повесть, лирический, философский и публицистический жанры.

Оставаясь центром в организации субъектного строя «Последнего поклона», сам автор-повествователь именно своим прожитым опытом, философией на пути постижения истины и основ бытия и присутствием в книге объединяет рассказы в единое целое. Благодаря его взгляду воссоздан поэтический крестьянский сибирский космос. И становится очевидным,

что без постижения философии авторской мысли невозможно проникнуть в глубину книг Астафьева. «Последний поклон» постепенно обретает контуры философского произведения, опирающегося на материал собственной судьбы и русской национальной истории.

Так соединяются воедино два потока произведения: рассказ о судьбе мира, в котором появился и вырос автор (эпический пласт), и повествование о своих духовных ценностях, о меняющемся мироотношении (лирические откровения, ищущие опору в памяти).

Исследователи не раз отмечали, что поздние художественные произведения Виктора Астафьева отличаются особым накалом, частым открытым вторжением автора в текст, яркой публицистичностью [3, с. 7] и эмоциональностью повествования. Это ощутимо в главах «Последнего поклона», написанных в 1992 г., освещающих хаос современной действительности; возрастает роль итоговых сентенций, авторской тревоги и поиска причин выхода из кризиса (глава «Вечерние раздумья»).

Типы повествования, которые уже укоренились в «Последнем поклоне», стали очевидными и в диалогии «Прокляты и убиты».

Авторская позиция в «Проклятых и убитых» и способы её выражения

К созданию самого эпохального для Астафьева произведения о Великой Отечественной войне, к осуществлению главного замысла вела долгая дорога длиною почти в четыре десятилетия. В начале 1960-х гг. на Вологодчине появляются черновые наброски будущего романа: «Начал работать, а точнее, приступил к книге о войне, к которой шёл давно и готовился долго, п. ч. сам я участник войны, солдат, и не мог выполнять эту работу скоропалительно, неумело»². Грандиозность писательского замысла, его глубина, энергия памяти не

¹ Цит. по: Зайцев В. П., Герасименко А. П. Виктор Петрович Астафьев // История русской литературы второй половины XX века. М.: Высшая школа, 2004. С. 369.

² Астафьев В. П. На Вологодчине // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. Красноярск: Офсет, 1998. С. 112.

давали ощущения творческой успокоенности: «роман “Прокляты и убиты” – книга жизни всё-таки»¹. Астафьев объясняет появление произведения тем, что «молчать и врать дальше невозможно»², что «силы Небесные вдохнули ... сей замысел», что «правда ... нашла отклик в таких же солдатских сердцах истинных окопников, израненных, надсаженных неслыханной страшной войной»³, и «если о ней писать, то только так, как было. Покрывать морализированием и романтикой войну ... – преступление перед мёртвыми и живыми друзьями»⁴. Астафьев сетовал на то, как мало сил остаётся на создание книги, но его неограниченный опыт способствовал продвижению работы над романом: «Зато сейчас всё, каждый день сходится в дело и растёт, как дерево – всё на замысел работает»⁵. Он видел свою миссию прежде всего в том, чтобы донести до читателя «ту правду, ... которую не дали высказать»⁶, ощущал себя выразителем воли фронтовиков, их правды.

«Прокляты и убиты» дописывались в годы перестройки. И Астафьев через автора-повествователя активно «внедряет» свою точку зрения не только на Великую Отечественную войну, но и на всю российскую историю в целом, в том числе на современную действительность.

В основе романной фабулы «Проклятых и убитых» лежит ситуация войны, разрушения мира. В первой книге «Чёртова яма» писатель раскрывает испытание новобранцев на гуманность в условиях «своего» мира «чёртовой ямы» (землянки, «подземельной» казармы), пребывание в которой сродни пещерной жизни. Оно превращает

человека в зверя, недаром мотив «поедания» друг друга уже заложен в эпиграфе романа. Отсюда исходят и голод, и холод, поиск еды – все человеческие муки.

Во второй книге «Плацдарм» изображена битва за Днепр, переправа как вселенская катастрофа, в метафорическом смысле как переход границы от жизни к смерти. Вторая книга выросла из мысли Астафьева о том, что новобранцы были не готовы к войне. Голодных, завшивевших ребят кинули на плацдарм как живой отвлекающий щит.

В основе концепции взгляда на войну лежит точка зрения Астафьева-солдата. «Тема войны для меня – святая тема, и хочется, чтобы писалась трепетно, с болью и святым уважением к тем людям, с которыми я воевал, и которых приходилось мне хоронить вдоль долгих дорог войны»⁷, – признавался Астафьев. Он осознавал свою ответственность и подчёркивал, что «за меня “мою войну” никто не напишет, за нас, людей, никто не остановит страшную надвигающуюся грозу» (курсив наш. – Н. Щ.)⁸. В процессе работы откровенничал: «Трудно мне писать о войне, хотя “во мне” книга о войне, о “моей войне” идёт и идёт своим ходом, не умолкая, не оставляя меня и мою память в покое» (курсив наш. – Н. Щ.)⁹.

В начале «Проклятых и убитых» среди всех новобранцев, ехавших к месту назначения, выделен автобиографический герой Лёшка Шестаков. А уже в четвёртой главе романа обозначено место нахождения подразделения, где происходят события первой книги «Чёртова яма» – станция *Бердск* и *21 полк*, который доукомплектовывался прибывшими из Казахстана призывниками. В «Автобиографии» Астафьев называет то же место. После окончания в 1942 г. железнодорожной школы проработал он по распределению на пригородной стан-

¹ Астафьев В. П. Время расплаты // Красноярский рабочий. 1996. 3 фев. С. 8.

² Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 797.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Астафьев В. П. Цит. по: Курбатов В. Я. Нечаянный портрет. Время в зеркале одного дневника. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 251.

⁶ Митрофанов Г. О романе «Прокляты и убиты» // Из фондов радио «Град Петров». Студия «Град Петров», 2007.

⁷ Астафьев В. П. На Вологодчине // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. Красноярск: Офсет, 1998. С. 112.

⁸ Астафьев В. Сквозь время и годы // Астафьев В. Военные страницы: повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 6.

⁹ Там же.

ции Базаиха составителем поездов, оттуда добровольцем ушёл на фронт, «угодил ... в 21 стрелковый полк, располагавшийся под Бердском возле Новосибирска» (курсив наш. – Н. Ш.)¹.

С самого начала романа писатель не «упускает из виду» солдата Лёшку Шестакова, делая его свидетелем и участником всего происходящего. Через эволюцию психологического состояния солдата, через его поступки и мысли, очень близкие самому автору, идёт рассказ о войне. В начале диалогии боец осознаёт свою «малость», неспособность противостоять исторической мощи момента, в который он погружён, понимает, что «только строем, только рекой, половодьем возможно прорваться к краю света, к какой-то совсем иной жизни, ... ради которой веки вечные жертвовали собой и умирали люди по всей большой земле»². В конце осознает, что «...сам по себе он уже ничего не значит, себе не принадлежит, ... есть буря, есть поток, в которые он вовлечён, и шагать ему, и неть, и воевать, может, и умереть на фронте придётся вместе с этой всё захлестнувшей усталой массой» (курсив наш. – Н. Ш.)³.

В кульминационной сцене «Чёртовой ямы» Лёшка – свидетель расстрела братьев-близнецов Снегирёвых, который воспринял тяжело: «чудовищные прегрешения и преступления этих двух совсем окоченевших парнишек самих их ... ошеломили обвинительными словами»⁴. Через своего героя, тоже сопереживая, Астафьев ставит себя на место «другого», очень ему близкого человека. Стало в сердце Лёшки «томливо, ... видно, на все оставшиеся дни та вина за убиенных братьев Снегирёвых, мать их и отца, за всех невинно погубленных людей»⁵. И эта вина ляжет на всех.

Заканчивая первую часть романа «Чёртова яма», писатель именно Лёшке Шестакову передаёт мысль о невозвращении этих ребят с войны, об обречённости их судеб, когда заметил на улице бабу с коромыслом и вёдрами на плечах. Увидев уходящую на фронт колонну солдат, она вдруг поняла, что совершила непоправимое: пустые вёдра не к добру. Женщина «на мгновение обмерла, закрыла вскрикнувший рот ладонью и, круто повернувшись,хватила обратно, со звоном бросила вёдра, ... охлопала себя, ... ничего, дескать, не было, никаких пустых вёдер ... – женщина оберегала воинство от лихих напастей»⁶. Не столько заглаживая свою вину, сколько по старому русскому православному обычаю она «размашисто, будто в хлебном поле сея зерно, истово крестила войско вослед – каждую роту, каждый взвод, каждого солдата осеняла крестным знаменем русская женщина по обычаю древлян, по заветам отцов, дедов и Царя небесного, напутствуя в дальнюю дорогу, на ратные дела, на благополучное завершение битвы своих вечных защитников»⁷.

Во второй части романа «Плацдарм» Лёшка Шестаков, славный сибиряк, честный солдат осознаёт неспособность противостоять исторической мощи момента в себе. Повествователь передаёт нарастание в герое чувства духовной опустошённости, когда «не изведенное до сего дня ... беспросветное одиночество давило его», сердце «выло от запустелости»⁸. Передавая чувство Лёшки, автор продолжает от своего имени обобщение как итог своего переживания в ситуации войны и своего чувства, и солдата, о котором пишет: «И близость боя, возможность умереть не страшит, даже как бы тихо, ненавязчиво манит, сулит от всего избавление»⁹. В тексте романа уже отсутствует повествование от собственного «я». Рассказчик и герой отделены друг от друга большим промежутком времени, но они слиты, поскольку

¹ Астафьев В. П. Автобиография // Стародуб: Астафьевский ежегодник: материалы и исследования: Вып. 1. Красноярск: Сибирский федеральный университет, Библиотека-музей В. П. Астафьева, 2008. С. 10.

² Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2005. С. 10.

³ Там же. С. 793.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Там же. С. 308.

⁷ Там же. С. 307.

⁸ Там же. С. 530.

⁹ Там же. С. 530–531.

Астафьев всегда пишет о пережитом, о том, что чувствует, как своё (чужое как «своё»), именно такое качество его личности и является доминантой автобиографичности, именно оно рождает духовную близость повествователя и героя, а также читателя с автором. Возникает та диалогичность, о которой писал М. М. Бахтин [1].

Раздумья о расхристианившейся Руси в подсознании возникли у Астафьева в 60–70-е гг. XX в., а в 1990-е они воочию запечатлелись в «Затеси», «Божьем промысле», масштабно – в романе-дилогии «Прокляты и убиты» и в ненаписанной третьей книге, которая значилась по замыслу. Её, условно говоря, составили страницы повестей и публицистики, отмеченные автобиографической полнотой, ведь жизнь писателя вобрала в себя историю страны. Человек и государство – тема, объединяющая роман с повестями «Так хочется жить» (1995), «Обертон» (1996), «Весёлый солдат» (1998), рассказ «Пролётный гусь» (2000).

Главная авторская идея произведений связана с биографией Астафьева – возвращение солдата с фронта. Человек, пришедший с войны, оказывается побеждённым государственной системой, становится, по сути, никому не нужным в своей стране, испытывает унижение, равнодушное отношение к себе. «Сколько повымерло от ран, от бесхлебья, от бездомовья»¹, – негодует автор.

Мысль В. Астафьева об уничтожении русского народа составляет основной пафос «Проклятых...». Она предупреждающе звучит в эпиграфе из Святого апостола Павла, где сказано: «Если же друг друга угрызёте и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом»². Выражена она и в крупной фигуре старообрядца Коли Рындина, в его разговоре с капитаном Мельниковым, а затем в восклицаниях солдата после расстрела братьев Снегирёвых; в апокалипсическом смысле, заложенном в названии романа. Астафьев

по-своему рисует «галерею небезгрешных праведников, кровью оплативших своё место в райских обителях» [11, с. 53]. В результате покаяния христианских ценностей страна вынуждена расплачиваться человеческими жизнями. Вина ляжет на всех, Россию настигнет возмездие. Автор говорит о возможной каре, которая наступит из-за расхождения божественного и земного, природного и человеческого. В конце дилогии возникающая кара представлена в образе мифологического потопа.

Автобиографичность, более всего проявившаяся в голосе повествователя, художественно выразится в авторских отступлениях. Исследователи говорили и об особо «жёсткой» манере В. Астафьева, преобладании «личностного» [12, с. 621] элемента, когда авторские рассуждения становятся необходимым звеном в повествовании.

Диапазон публицистических рассуждений довольно широк: мир и война, жизнь и смерть, хаос и гармония, космос и земля, огонь и вода. Большинство звучат как философские размышления. В них раскрывается судьба российского крестьянства и тема земли, хлеба; проблема веры и возмездия за богоотступничество целой страны; Октябрьская революция, её последствия и отношение к вождю мирового пролетариата; советская система, пожирающая человеческую личность; развал армии в Стране Советов; война как проклятье, нависшее над судьбами человечества, и её вдохновители; уничтожение русского народа.

Через публицистические отступления чётко просматривается «авторская позиция» (о теоретическом понятии «авторская позиция» см.: [4]), закреплённая в художественной форме и содержании всего произведения Астафьева, но в этом типе повествования она выражена наиболее ярко. «Всё личное, выношенное и выстраданное ... вылилось в страстную публицистику, проникнутую пафосом защиты дорогих автору идей» [13, с. 89]. Этот личностный аспект ведёт к тому, что явствен-

¹ Астафьев В. П. К жизни – без врага и без ненависти. Анкета ЛГ // Литературная газета. 1995. 9 мая. С. 3.

² Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2005. С. 3.

нее звучит авторский голос, отчётливо заявлена его позиция. Суждения исходят из его правды о войне, связаны с внутренними ощущениями писателя, со взглядами на смысл жизни, совесть, на осознание своей вины.

Многие отступления имеют форму риторических вопросов и глубоких размышлений о причинах беспорядка и безответственности, творившихся в годы войны: «Хватит уж сорить людьми, хватит сорок первого года, когда лучшие бойцы погибли, не побывав даже в окопах, не увидев врага; не дойдя до передовой, целые соединения оказывались в котле, в окружении ... Напрасная гибель, бесполезная жизнь – ах, как горько это знать»¹. Автор-повествователь, за которым плечо к плечу стоит писатель, буквально напрямую обращается к власти.

Зачастую отступления носят полемический и риторический характер, в них можно выделить элементы дидактики, наставления и поучения. Они пронзительны, высказаны субъективные взгляды Астафьева, подчас на «запретные» темы.

Иногда они выполнены в форме молитвы-прошения о спасении, обращённой к Всевышнему: «Боженька, милый, за что Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворённое. Зачем отворотил от них Лик Свой и оставил сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель? ... Ведь многие из них ещё не успели никаких грехов сотворить. Здесь, в месте гибельном, ответь, Господи, за что караешь невинных? Слеп и страшен суд Твой, отмщение Твоё стрелою разящей летит не туда и не в тех, кого надобно разить...»².

Позиция автора-повествователя приводит нас к пониманию той антивоенной концепции, которая заложена во всём творчестве Астафьева. Благодаря её жёсткости читатель может осознать в полной

мере всю силу трагизма ситуации, в которой оказалась наша страна в то время. Всё это ещё больше повышает цену победы, жизни, свободы. Публицистические рассуждения автора полны скорби по нелепо и бездарно погибшим парням, негодования в адрес тех, кто не только не захотел сберечь их, но и приложил все силы, чтобы «извести» ребят.

С присущей ему иронией Астафьев описывает советское общество и стоящих во главе партийных работников: «Начавши борьбу за создание нового человека, советское общество несколько сбилось с ориентира и с тропы, где назначено ходить существу с человеческим обликом, сокращая путь, свернуло туда, где паслась скотина ... Наибольшего успеха передовое общество добилось в выведении породы, пасущейся на ниве советского правосудия...»³.

В. П. Астафьев в своих произведениях проповедует мир как естественное состояние, выступая его защитником. Поэтому диалогия «Прокляты и убиты» выглядит антиподом «Последнему поклону». В центр последнего эпического по размаху произведения поставлена проблема разрушения общечеловеческих ценностей, утрата того, что накапливалось веками в народной жизни и стало неким материком памяти автора.

Самопознание и автопсихологизм в философских миниатюрах В. П. Астафьева 1990-х годов

Автопсихологизм и самопознание – основы астафьевской философии творчества. Много мыслей об этом в «Затесях», которые он называл «малютки-произведения» и создавал как «зарубки» для себя и для других с 1972 г. В 15-томном собрании сочинений 1997 г. 7-й том был отдан «Затесям». К тому времени в нём насчитывалось уже около двухсот миниатюр. Астафьев называл книгу «дерзкой», отда-

¹ Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2005. С. 354.

² Там же. С. 393.

³ Астафьев В. П. Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2005. С. 185.

вая себе отчёт в том, что «она для чтения под настроение».

Авторская открытость и откровенность продолжала оставаться главной в писательском труде. В лирико-философском эссе, ставшем последним из написанного им, он утверждал, что «поэт трудится с верой в то, что его слово спасёт мир от бурь и потрясений, избавит человека от одиночества, утешит, ибо поэзией двигала всегда вера в добро и милосердие: “Поэт и музыкант всех ближе к небу и Богу”»¹.

Он считал, что главное для писателя, которого «одолевает дума о смысле жизни», не столько «сложнейшая работа человеческой души и разума»², сколько самопознание, выражение вечной неудовлетворённости самим собою, а также интимные откровения, «ибо каждый человек есть отдельный мир»³.

Вспоминается книга Николая Бердяева «Самопознание» – «выстраданное и выношенное произведение», философская автобиография, как называют её учёные. В этих двух книгах – «Самопознании» Бердяева и «Затесях» Астафьева – есть переключки. В предисловиях авторы размышляют о своих намерениях и чувствах. У Н. Бердяева читаем: «Между фактами моей жизни и книгой в них будет лежать акт познания, который меня более всего интересует ... дело идёт о самопознании и потребности понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу» [2, с. 8] (курсив наш. – Н. Ш.).

Процесс самопознания, как утверждал Астафьев, есть процесс постижения смысла жизни «через себя»⁴. Это первая и главная составляющая для человека, особенно для творческого.

Из астафьевских слов признания в комментариях к «Затесям» явствует, что самопознание – путь осмысления самого себя и окружающего мира, осуществлённый для передачи накопленного опыта другим, тем, кто захочет воспользоваться и к нему прикоснуться. И процесс этот происходит в человеке непременно, кем бы он ни был – композитором, писателем, артистом, певцом, просто человеком, занимающимся творчеством. Книга обращена в большей степени к таким людям и содержит раздумья В. П. Астафьева о философии творчества. Лиризм в этой книге «создаётся благодаря “нераздельной неслиянности” мира природного и человеческого» [15, с. 102].

Виктор Астафьев осознавал и себя Творцом, иначе бы не стал делать в миниатюре «Цена искусства» такого обобщения: «На старости лет я познал все прелести её [профессии творца], и могущество, и слабость, и счастье сотворения, и горечь поражения. Уже пятьдесят лет мучаю бумагу, а она меня»⁵. Не обошёл он и счастье, и радость, и таинство в писании, которое сам испытывал. Но в то же время говорил и об унынии, усталости, рабстве, вынужденном страдании, которое порою одолевает творческого человека, а также и об ответственности и тяжести писательского труда.

И как в «Затеси» «Что есть поэзия?», так и в других он «стихотворцами» называл творческих людей, нёсших «свой голос на люди», «душу на обозрение», но речь вёл и о себе самом, обнажая свою истерзанную самосудом, сомнениями, печалью душу.

Жить Астафьеву оставалось не больше года.

Творцы, идущие по пути самопознания, всегда стремятся «услышать родственный отклик» или утешение «врачующей» людской похвалы⁶.

В своих комментариях к «Затесям» автор выражал надежду на то, что его «мимоходные зарубки и меты на стволах “древа жизни”» хоть немножко, хоть чуть-чуть обозначат ему просвет впереди... утешат его в горькой и все более духовно и мате-

¹ Речь Виктора Петровича Астафьева на церемонии открытия Красноярского литературного лица 26 октября 1998 года // И открой в себе память...: воспоминания о В. П. Астафьеве: материалы к биографии писателя; гл. ред.-сост. Г. М. Шленская; ред. сост. Н. Я. Сакова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. С. 149.

² Астафьев В. П. Затеси. РГ «Вся Сибирь». Красноярск: Красноярское книжное издательство, 2003. С. 681.

³ Там же. С. 681.

⁴ Там же. С. 682.

⁵ Там же. С. 544.

⁶ Там же. С. 619.

риально нищающей жизни, а кого, быть может, образумят, заставят вспомнить о Боге и ближнем своём»¹.

Заключение

Авторская установка В. П. Астафьева в творчестве последнего периода отличалась особой активностью, явилась в большей степени способом синкретизации художественных и публицистических типов повествования.

Феномен автобиографизма В. П. Астафьева вырос из желания поделиться жизненным опытом, процессами самопознания, так и из открытости позиции автора-повествователя, его постоянной полемики с устоявшимися нормами жизни советского общества. Автобиографическая основа этапных книг писателя обусловила прямое включение авторского «я» в систему повествования.

Способы художественного воплощения автобиографизма связаны с автор-

ской эмоциональностью и открытостью его натуры, с глубиной постижения предмета исследования и трезвостью оценок, с чувством ответственности за человека и за народ. О саморефлексии как субъектном типе сознания автора речь шла в статье «Феномен авторского самовыражения в произведениях В. П. Астафьева» [16].

Парадигма автобиографизма в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х гг. включает в себя различные типы повествования: лирический и публицистический, психологический и исповедальный, монологический и риторический и др.

Дальнейшие перспективы работы могут быть связаны с анализом внесубъектных форм авторского присутствия в произведениях русского советского классика, а также со сферой вечных идей как первообраза, с которым Бог-Демидург создаёт мир.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 447 с.
3. Вахитова Т. М. Явные и скрытые сложности в изучении творчества Виктора Астафьева // Творчество В. П. Астафьева в контексте мировой культуры: материалы Всероссийской конференции с международным участием, Красноярск, 26–27 апреля 2012 г. Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2012. С. 3–11.
4. Гей Н. К. Художественность литературы. М.: Наука, 1975. 472 с.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике. 3-е изд. М.: Интрада, 1997. 416 с.
6. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской литературы второй половины XX века. Мичуринск: Московский педагогический государственный университет, 2006. 265 с.
7. Заваров Д. В. «Барсуки» Леонида Леонова: автор против условного образа писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 111–117.
8. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1992. 236 с.
9. Корман Б. О. Образцы изучения текста. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1974. 252 с.
10. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
11. Крылова С. В. Память войны в прозе Ярослава Шипова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2016. № 2. С. 48–53.
12. Кураев М. Н. Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения). Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 621–627.
13. Курбатов В. Я. Миг и вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1983. 166 с.

¹ Астафьев В. П. Затеси. РГ «Вся Сибирь». Красноярск: Красноярское книжное издательство, 2003. С. 684.

14. Курбатов В. Я. Виктор Астафьев. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977. 71 с.
15. Курбатов В. Я. Нечаянный портрет. Время в зеркале одного дневника. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 432 с.
16. Стадниченко В. А., Хрящева Н. П. «Затеси» В. П. Астафьева: лирико-философские миниатюры в системе малых форм «Первой тетради» // Филологический класс. 2017. № 2 (48). С. 100–103.
17. Щедрина Н. М. Феномен авторского самовыражения в произведениях В. П. Астафьева // Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: монография / отв. ред. и сост. И. А. Киселева. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 226–262.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
2. Berdyaev N. A. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 447 p.
3. Vakhitova T. M. [Explicit and Hidden Difficulties in Studying the Work of Viktor Astafiev]. In: *Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste mirovoj kul'tury: materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Krasnoyarsk, 26–27 aprelya 2012 g.* [Creativity of V. P. Astafiev in the Context of World Culture: Materials of the All-Russian Conference with International Participation, Krasnoyarsk, April 26–27, 2012]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, 2012, pp. 3–11.
4. Gei N. K *Hudozhestvennost' literatury* [The Artistry of Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 472 p.
5. Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About Lyrics]. Moscow, Intrada Publ., 1997. 416 p.
6. Goncharov P. A. *Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste russkoj literatury vtoroj poloviny XIX veka* [Creativity of V. P. Astafiev in the Context of Russian Literature of the Second Half of the Twentieth Century]. Michurinsk, Moscow Pedagogical State University Publ., 2006. 265 p.
7. Zavarov D. V. ["Badgers" by Leonid Leonov: The Author Against the Conventional Image of the Writer]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2023, no. 3, pp. 111–117.
8. Korman B. O. *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected Works on the Theory and History of Literature]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1992. 236 p.
9. Korman B. O. *Obrazcy izucheniya teksta* [Samples of Text Study]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1974. 252 p.
10. Korman B. O. *Praktikum po izucheniyu hudozhestvennogo proizvedeniya* [Workshop on the Study of a Work of Art]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 110 p.
11. Krylova S. V. [The Memory of War in Prose of Yaroslav Shipov]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the State University of Humanities and Technology], 2016, no. 2, pp. 48–53.
12. Kuraev M. N. [Viktor Astafiev and the End of Peasant Rus']. In: *Dar slova: Viktor Petrovich Astaf'ev: (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Gift of Words: Viktor Petrovich Astafiev: (On the 85th Anniversary of His Birth)]. Irkutsk, Izdatel' Saproinov Publ., 2009, pp. 621–627.
13. Kurbatov V. Ya. *Mig i vechnost': Razmyshleniya o tvorchestve V. Astaf'eva* [Moment and Eternity: Reflections on the Work of V. Astafiev]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1983. 166 p.
14. Kurbatov V. Ya. *Viktor Astaf'ev* [Viktor Astafiev]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1977. 71 p.
15. Kurbatov V. Ya. *Nechayannyj portret. Vremya v zerkale odnogo dnevnika* [Accidental Portrait. Time in the Mirror of One Diary]. Irkutsk, Izdatel' Saproinov Publ., 2009. 432 p.
16. Stadnichenko V. A., Khryashsheva N. P. ["Zatesi" by V. P. Astafiev: Lyrical and Philosophical Miniatures in the System of Small Forms of the "First Notebook"]. In: *Filologicheskij klass* [Philological Class], 2017, no. 2 (48), pp. 100–103.
17. Shchedrina N. M. [The Phenomenon of Author's Self-Expression in the Works of V. P. Astafiev]. In: Kiseleva I. A., ed. *Cennostnye osnovy nacional'noj kartiny mira v russkoj literature* [Value Bases of the National Picture of the World in Russian Literature]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019, pp. 226–262.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэля Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: schedrina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nellya M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щедрина Н. М. Парадигма автобиографического типа повествования в произведениях В. П. Астафьева 1980–2000-х годов // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 16–29.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-16-29

FOR CITATION

Shchedrina N. M. Paradigm of Autobiographical Type of Narration in the Works of V. P. Astafiev in the 1980–2000s. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 16–29.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-16-29

УДК 81-2

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-30-39

ТЕКСТЕМА «СЫНЫ ГУЛАГА» КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА И РЕПРЕЗЕНТАНТ ОДНОИМЕННОГО КОНЦЕПТА В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»

Ананьев Д. Н.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать особенности выражения концепта «ГУЛАГ» текстомой «Сыны ГУЛАГа».

Процедура и методы. Автором проанализирован текст романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Исследована реализация текстомой «Сыны ГУЛАГа» как средства создания образа сталинских лагерей и репрезентанта концепта «ГУЛАГ». Применены методы наблюдения и сопоставления, элементы компонентного анализа, контекстуальный и лексикографический анализ.

Результаты. В ходе исследования был выделен и получил полиаспектную оценку с лингвистических позиций один из основных способов репрезентации концепта ГУЛАГ в романе А. И. Солженицына – текстема «Сыны ГУЛАГа».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение языка произведений А. И. Солженицына, расширяют представление о концептосфере писателя и средствах образности его текстов; результаты могут быть применены практически при освоении дисциплин «Язык художественной литературы», «Стилистика», «Лингвистический анализ текста» в вузе.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, концепт ГУЛАГ, концепт, образ, предикат, текстема

THE TEXTEME “SONS OF THE GULAG” AS A MEANS OF CREATING AN IMAGE AND A REPRESENTATIVE OF THE CONCEPT OF THE SAME NAME IN A. I. SOLZHENITSYN’S NOVEL “THE GULAG ARCHIPELAGO”

D. Ananyev

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. To investigate the features of the expression of the concept “Gulag” through the texteme “Sons of the Gulag”.

Methodology. The author analyzes the text of A. I. Solzhenitsyn’s novel “The Gulag Archipelago”. The implementation of the “Sons of the Gulag” texteme as a means of creating an image of Stalin’s camps and a representative of the “Gulag” concept is investigated. Methods of observation and comparison, elements of component analysis, contextual analysis, lexicographic analysis are applied.

Results. During the study, one of the main ways of representing the concept of the Gulag in A. I. Solzhenitsyn’s novel, the text of the book “Sons of the Gulag”, was identified, and it received a multidimensional assessment from linguistic viewpoints.

Research implications. The results of the research contribute to the study of the language of A. I. Solzhenitsyn's works, expand the understanding of the writer's conceptual sphere and the means of imagery of his texts; the results can be applied practically when mastering the disciplines "Language of fiction", "Stylistics", "Linguistic analysis of the text" at the university.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, concept of GULAG, concept, image, predicate, texteme

Введение

Особой формой отражения восприятия мира выступают концепты, которые являются единицами национальной и личностной концептосферы и «отвечают» за воплощение языковой картины мира человека [1; 6; 8; 9; 12; 13]. По мнению Е. В. Сергеевой, концепт – это «базовая, универсальная для языка семантическая категория, которая отражается в человеческом сознании и обозначается словом, словосочетанием» [9, с. 63–64], с чем можно согласиться.

Анализируя термин *концепт*, исследователи заявляют, что обозначаемое им ментальное образование реализуется в сознании носителя каждого обособленного языка, т. е. является отражением мышления нации, имеющей собственную концептосферу. Именно в сознании индивида создаются наборы концептов, которые вербализируются лексемами, идиомами и свободными словосочетаниями, коллокациями, которые свойственны языку человека какой-либо культуры, а также окказиональными средствами.

Понятие «концепт» опирается на мироощущение человека, т. е. является антропоцентричным. По мнению Ю. Н. Караулова, рассматривая объём термина, мы должны понимать, что его «объектом служит уже не язык как таковой, а человек говорящий – языковая личность» [6, с. 263].

Концептосфера русского языка в содержательном плане является хранителем национальных черт народа. Она отражает различные части отечественной культуры (традиции, обычаи, вера). Д. С. Лихачёв предложил следующее определение концептосферы: «Концептосфера языка – это, в сущности, концептосфера русской культуры» [8, с. 284]. Учёный подчеркнул, что все изменения в культуре влияют на раз-

витие концептов, т. е. они связаны. Стоит отметить, что в этой связи лексикография также способствует отражению национального самосознания. Следовательно, главное богатство русского словаря, по мнению академика, лежит «на уровне концептов и концептосферы» [8, с. 286], её объёмом детерминировано.

Подтверждая теоретические положения Д. С. Лихачёва, Ю. С. Степанов подчеркнул, что «концепт является отражением национальной культуры в языке народа» [12, с. 46]. Предлагая такую дефиницию концепта, учёный отметил, что «концепты – это сгустки культурной среды в сознании человека, которые отражаются в языке» [12, с. 48]. Язык является наиболее продуктивным средством выражения объёма концепта, т. к. отражает важные культурные события страны [1, с. 3–6]. Народ выступает носителем ментальности, выраженной в культуре нации [10], поэтому исследование концептосферы необходимо для анализа той или иной исторической эпохи, связанных с ней текстов и языковых личностей их авторов.

Изучив ряд ставших уже классическими исследований по когнитивной лингвистике [4; 5; 6; 8; 12; 13], мы будем следовать трудам В. И. Карасика, принимая предложенную учёным дефиницию: «Концепт – это многостороннее смысловое образование, в котором можно выделить целостную, образную и понятийные структуры» [6, с. 109].

В нашем исследовании концепт, проявивший себя как ядерный в произведении А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», репрезентируется словосочетанием «Сыны ГУЛАГа». В лингвистической науке такое сочетание слов в структуре текста называется *текстемой*. По Е. Н. Дибровой, это «слово или сочетание слов, встречающихся

ся в произведении писателя в совокупности своих значений: в общеупотребительном прямом и переносном значениях и в собственно авторских, текстовых смыслах. Под авторским смыслом понимается личностное содержание слова или сочетания слов, которое возникает как истолкование предмета, признака, явления под влиянием целеустановок, замыслов, идей, системы взглядов писателя¹. Другими словами, текста является ключевым словом или словосочетанием, которое несёт авторский идейный смысл и обладает значимым текстообразующим потенциалом, важным для понимания произведения. Необходимо отметить, что исследуемая нами текстома «Сыны ГУЛАГа» занимает сильную позицию в тексте произведения, т. к. как является основным репрезентантом концепта, выражает разные типы оценок и передаёт авторское отношение к изображаемому в романе «Архипелаг ГУЛАГ».

Текстома «Сыны ГУЛАГа» в содержательном аспекте

По материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ), как мы установили, словосочетание «Сыны ГУЛАГа» употребляется только в романе А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»². Это идиолектема (термин В. В. Леденёвой) писателя. В романе частотность употребления текстемы «Сыны ГУЛАГа» значительная – нами зафиксировано 13 контекстов с её участием, в которых прозаиком представляются нравы, быт, характеры, предлагается описание облика заключённых. Употребляется эта конструкция только во втором томе произведения. Поэтому рассматривать текстему «Сыны ГУЛАГа» в содержательном аспекте следует как средство, которое является и репрезентантом концепта «ГУЛАГ», т. е. в отношениях «частное / общее».

Почему А. И. Солженицын выбирает для наименования «обитателей» лагерей и создания обобщённого образа именно такое словосочетание? Как с помощью текстемы вербализируется концепт «ГУЛАГ»? На эти вопросы дадим ответ, проанализировав употребление текстемы «Сыны ГУЛАГа», а также синтагматических партнёров конструкции в качестве средств экспликации значимых содержательных компонентов при концептуализации означаемого текстемой [2; 3; 11].

Для анализа способов репрезентации концепта «ГУЛАГ» в тексте рассмотрим лексему *сын* по данным «Словаря русского языка»: '1. Лицо мужского пола по отношению к свои родителям. 2. Обычно мн. Ближайшие потомки, молодое поколение. 3. Устар. Лицо мужского пола по отношению к своему духовнику. 4. Устар. Лицо мужского пола, принадлежащее к определённому общественному сословию. 5. Кого-чего. Высок. Человек как уроженец, обитатель какой-либо местности или представитель какой-либо национальности'³. Лексико-семантический вариант 5 (ЛСВ-5) имеет помету *высокое*, следовательно, привносит в контекст соответствующие ей коннотации: оттенки 'торжественности', 'риторичности', 'восхищения', 'одобрения', 'высокой оценки' и т. д. В тексте А. И. Солженицын использует словоформу *сыны* как носитель пафосности – истинной и ложной, одобрения и иронии, горечи и восхищения мужеством заключённых – порой безвинно страдавших людей.

В романе «Архипелаг ГУЛАГ» с исследуемой текстемой часто коррелируют предикаты, которые вносят дополнительные смыслы в формирование объёма концепта «ГУЛАГ». Рассмотрим вербализацию концепта в тексте А. И. Солженицына. «Постояльцы» лагерей пережили много невзгод в тяжелейших условиях: *Редкий ээк не побывал на трёх-пяти пересылках, многие припомнят с десятков их, а сыны ГУЛАГа начтут без труда и полусотню*.

¹ Диброва Е. И. Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005. С. 16.

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 13.04.2024).

³ Сын // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1988. С. 325.

Только перепутываются они в памяти всем своим схожим: неграмотным конвоем; непутёвым выкликанием по делам; долгим ожиданием на припёке или под осеннею морозою; ещё дольшим шмоном с разделыванием; нечистоплотной стрижкой; холодными скользкими банями; зловонными уборными; затхлыми коридорами; всегда тесными, душными, почти всегда тёмными и сырыми камерами; теплотой человеческого мяса с двух сторон от тебя на полу или на нарах; почти жидким хлебом; баландой, сваренной как бы из силоса¹. Видим, что текстема «Сыны ГУЛАГа» имеет при себе предикат *начтут* в значениях: 'то же, что насчитать во 2 знач. (простореч.)'². Этот предикат указывает на большое количество перемещений по пути следования для отбывания ссылки в лагерях. Текстема «Сыны ГУЛАГа» также связана с описанием особенностей пересылок, т. е. с этапированием, перебрасыванием людей с места на место, в глушь. На это указывает существительное *пересылки*: 'разг. устар. Пересыльная тюрьма'³.

Анализируя текст романа Солженицына, замечаем, что текстема «Сыны ГУЛАГа» выступает в качестве предиката, который характеризует статус осуждённых: *Камера воеет, бурлит. Седовласый учитель русского языка, встаёт на нарах, босой, и как новоявленный Христос простирает руки: «Дети мои, помиримся!.. Дети мои!» Воют и ему: «В Брянском лесу твои дети! Ницый мы уже не дети! Только – сыновья ГУЛага...»*⁴. Предикат характеризует за-

ключённых как людей, лишённых социального статуса, родственных и профессиональных связей, веса и даже места в обществе, что усиливает тождественную семантику оценочного предиката *ницый не дети* с яркой негативнооценочной коннотацией (ср. ЛСВ-3 *дети*: 'Люди, тесно, кровно связанные с кем-, чем-л., усвоившие характерные черты породившей их среды, обстановки и т. п.')⁵

Текстема «Сыны ГУЛАГа» тесно связана с лексемами, которые как контекстуальное окружение генерируют дополнительные смыслы в её содержании имплицитными семами: *Сыны ГУЛАГа являются и главными носителями традиций и так называемых заповедей эков. На разных островах этих заповедей насчитывают разное количество, не совпадают в точности их формулировки, и было бы увлекательным отдельным исследованием провести их систематизацию. Заповеди эти ничего общего не имеют с христианством. (Эки — не только атеистический народ, но для них вообще нет ничего святого, и всякую возвышенную субстанцию они всегда спешат высмеять и унижить. Это отражается и в их языке.) Но, как уверяют сыны ГУЛАГа, живя по их заповедям, на Архипелаге не пропадёшь*⁶. Бывалые заключённые живут по определённым правилам и законам, которые помогают им выжить в тяжелейших условиях. Для бывалых эков нет ни веры, ни традиций. В значениях лексем *традиция* ('исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы'⁷) и *заповедь* ('религиозно-нравственное предписание, запрет'⁸) появляется отрицательная

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knijky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knijky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

² Начесть // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1986. С. 415.

³ Пересылка // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1987. С. 100.

⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knijky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knijky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

⁵ Дети // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 393.

⁶ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knijky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knijky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

⁷ Традиция // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1988. С. 396.

⁸ Заповедь // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский

коннотация, так как контекстуально они соотносимы со словоформой *зэков* в значении 'тот, кто находится в заключении, заключённый'¹. Автор констатируется, что эти люди не только неверующие (*атеистический народ*), но и вообще не уважающие нравственные законы современного общества. Это подчёркивается фразеологизмом *нет ничего святого* в значении 'о том, кто лишён нравственных и моральных принципов'². А. И. Солженицын приводит к тяжёлой мысли: в реальном мире ГУЛАГа, чтобы выжить, надо стать «сыном ГУЛАГа», который в разлагающих лагерных условиях превращается в личность беспринципную и безнравственную.

Жестокость ГУЛАГа представляется автором не только благодаря описанию условий пребывания на территории архипелага, но и созданию жёстких, едва ли не натуралистических характеристик персонажей: *А вот старшина Ткач, гроза и помначрежима Экибастузского лагеря, пришёлся к надзорсоставу как влитый, будто от пелёнок он только тут и служил, будто и родился вместе с ГУЛАГом. Это было – всегда застывшее злое лицо под чёрным чубом. Страшно было оказаться просто рядом с ним или встретиться с ним на лагерной дорожке: он не проходил мимо, чтоб не причинить человеку зла*³. Предикат *родиться* в значении 'появиться на свет'⁴ (*родился вместе с ГУЛАГом*)⁵ характери-

зует командира *Ткача* как запрограммированного системой наказания в СССР злого человека (его установка – *причинять зло*). Секундарные предикаты *застывший* и *зловещий* с отрицательной коннотацией характеризуют внешний вид – выражение лица *помначрежима Экибастузского лагеря*. Он является олицетворением зла системы (*надзорсостав* – 'власть, начальник').

Характеризатор – предикатная лексема *достойный*, в узусе имеющая значение 'обладающий высокими положительными качествами, уважаемый, почтенный'⁶ – употреблён в переносном значении с отрицательной коннотацией, чтобы отразить горькую иронию автора по отношению к «сынам ГУЛАГа», воплощающим его идеологию: *Куда Девать этот срам, этих мужчин в мешках? Вся поездка Гуманиста потеряет смысл, если он сейчас увидит их. Ну, конечно, он постарается их не заметить, – но помогите же! Утопить их в море? – будут барахтаться... Закопать в землю? – не успеем... Нет, только достойный сын Архипелага может найти выход! Командует нарядчик: "Брось работу! Сдвинься! Ещё плотней! Сесть на землю!"*⁷

Проанализированный материал помог убедиться в том, что текстема «Сыны ГУЛАГа» в романе А. И. Солженицына окружена лексемами, которые должны характеризовать положительные качества человека, живущего в мире людей. Однако автор придаёт содержанию текстымы, которая фразеологизируется в его произведении, отрицательную коннотацию, чтобы показать обречённость, боль и страдания, духовно-нравственный надлом людей, которые оказались в ГУЛАГе не только узниками, но и сторонниками власти.

язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 558.

¹ Зэк и зэк // Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / под ред. Н. З. Котеловой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 245.

² Нет ничего святого (на свете) // Фразеологический словарь русского литературного языка. Gufo.me: [сайт]. URL: [https://gufo.me/dict/fedorov/_нет_ничего_святого_\(на_свете\)](https://gufo.me/dict/fedorov/_нет_ничего_святого_(на_свете)_(дата_обращения:_13.04.2024)) (дата обращения: 13.04.2024).

³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knjky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knjky.ru/books/archipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

⁴ Родиться // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1987. С. 724.

⁵ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knjky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knjky.ru/books/archipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

knjky.ru/books/archipelag-gulag (дата обращения: 13.04.2024).

⁶ Достойный // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1987. С. 724.

⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knjky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knjky.ru/books/archipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

Текстема «Сыны ГУЛАГа» как компонент создания образа заклѳченнѳх

Текстема «Сыны ГУЛАГа» является важной составляющей конструкций, характеризующих обобщенный образ представителей лагерной жизни. Что их делает типичными?

Поведение людей, которые освободились из лагеря, описывается так: В 1954 году на таишкентском вокзале мне пришлось провести ночь недалеко от группы ээков, ехавших из лагеря и освобожденных по каким-то частным распоряжениям. Их было десятка три, они занимали целый угол зала, вели себя шумно, с полублатной развязностью, как *истые дети ГУЛАГа*, знающие, почём жизнь, и *презирающие* здесь всех вольных¹. Характеризатор *истый* использован автором в значении 'такой, какой должен быть на самом деле; настоящий, истинный, подлинный'². Настоящие «Сыны ГУЛАГа» в обществе ведут себя так же, как вели в неволе, отрекшись от традиций. Это доказывает их поведение, которое характеризуется лексемой *шумно* (от *шумный* – 'производящий, создающий много шума'³), словосочетанием с *полублатной развязностью* (*блатной* – 'относящийся к преступному миру, воровской'⁴; *развязность* – 'непринужденность, отсутствие скованности, связанности в поведении, обращении'⁵). Качества, которые люди приобрели в местах лишения свободы, обозначены писателем при помощи

вторичного предиката *презирающий* – от глагола *презирать* в значении 'относиться с презрением к кому-либо'⁶. Такие «Сыны ГУЛАГа» – это конечный продукт обезличивания системой «перевоспитания».

Характеристика почетного статуса гулаговцев отражена в следующем фрагменте: Тот *туземец*, который наиболее полно совместил и проявил в себе эти *племенные качества – жизненного напора, безжалостности, изворотливости, скрытности и недоверчивости*, сам себя называет и его называют «сыном ГУЛАГа». Это у них – как бы звание *почетного гражданина*, и приобретает оно, конечно, долгими годами *островной жизни*⁷. Заклѳченный ГУЛАГа характеризуется качествами, которые чужды обычному человеку на воле. Солженицын называет их *племенными*, используя языковую игру. См. дублирование семантики: *туземец* ('устар.) Туземный, местный житель (обычно малоцивилизованной страны) в противоп. приезжему, иностранцу, 'обитатель островного племени, племенной'⁸, где *племя* – 'разг., обычно шутол. Группа, категория людей, объединенных каким-л. общим признаком' (ЛСВ-5)⁹.

Лексемы *безжалостность* ('жестокость'¹⁰), *изворотливость* ('свойство по знач. прил. Способный к ловким и быстрым движениям, увертливый'¹¹), *скрытность* ('свойство по знач. прил. Скрывающий

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knijky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knijky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

² Истый // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1987. С. 693.

³ Шумный // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1988. С. 736.

⁴ Блатной // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 98.

⁵ Развязность // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 597.

⁶ Презирать // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 376.

⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knijky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knijky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

⁸ Туземец // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1988. С. 424.

⁹ Племя // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1987. С. 138.

¹⁰ Безжалостность // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 72.

¹¹ Изворотливость // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 640.

свои мысли, чувства, намерения¹⁾ и *недоверчивость* ('свойство по знач. прил. Склонный к недоверию, мало доверяющий людям'²⁾) характеризуют «гражданина ГУЛАГа» как *почётного* в значении 'пользующийся почётом'³⁾. В семантике этого слова контекстуально возбуждены локализуемые её компоненты 'свой', 'важный в ГУЛАГе'. Однако данная характеристика по отношению к обычным людям имеет отрицательную коннотацию. Усиливает эту характеристику то, что «типичных представителей» А. И. Солженицын представляет как островных жителей ('житель острова'⁴⁾). Это и самохарактеристика типа гулаговца.

Писатель стремится подчеркнуть, что заключённые верят не в справедливость миропорядка, а в силу судьбы (*фатализм*) и полагаются только на неё, не строят планов на будущее: *Фатализм даже необходим эзку, потому что он утверждает его в его душевной устойчивости. Сын ГУЛАГа считает, что самый спокойный путь – это полагаться на судьбу. Будущее – это кот в мешке, и, не понимая его толком и не представляя, что случится с тобой при разных жизненных вариантах, не надо слишком настойчиво чего-то добиваться или слишком упорно от чего-то отказываться, – переводят ли тебя в другой барак, бригаду, на другой лагпункт⁵⁾*. В этом фрагменте представлен набор характеристик морально-этической и духовно-нравственной основы жизни «Сынов ГУЛАГа». Важная мысль о фатализме («вера в неот-

вратимость судьбы, предопределение»⁶⁾ и, следовательно, неверии в собственные возможности подчёркивается фразеологизмом *кот в мешке* в отношении собственного бесправия, бессилия, невозможности предвидеть будущее — «вещь, о которой изначально ничего неизвестно» (ср.: покупать кота в мешке – 'Приобретать что-либо, не видя, не зная ничего о качестве приобретаемого'⁷⁾). Указанные компоненты вписываются в смысловой объём понятия «сыны ГУЛАГа» в контексте произведения, составляя каркас обобщённого образа.

Самооценка с помощью связки *считать себя* при предикате-характеризаторе выражена следующим образом: *Сын ГУЛАГа считает себя непроницаемым, но что, напротив, он сам видит окружающих нас-сквозь и, как говорится, на два метра под ними вглубь. Может быть, это и так, но тут-то и выявляется, что даже у самых проницательных эзков – обрывистый кругозор, недалёкий взгляд вперёд. Очень трезво судя о поступках, близких к нему, и очень точно рассчитывая свои действия на ближайшие часы, рядовой эзк, да даже и сын ГУЛАГа, не способен ни мыслить абстрактно, ни охватить явлений общезго характера, ни даже разговаривать о будущем⁸⁾*. Автор, как видим, указывает на предрешённую обречённость любых действий эзков. Самооценка заключённых представляется А. И. Солженицыным с помощью средств предикации: фразеологизма – связочного компонента *считать себя* – и предиката, который указывает черты, становящиеся типичными для «сынов ГУЛАГа» – *непроницаемый* ('такой, куда нельзя проникнуть взглядом, а также недоступный пониманию, скрытый'⁹⁾).

¹⁾ Скрытность // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 640.

²⁾ Скрытность // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 640.

³⁾ Почётный // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1987. С. 343.

⁴⁾ Островитянин // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1987. С. 657.

⁵⁾ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knjky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knjky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

⁶⁾ Фатализм // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1988. С. 555.

⁷⁾ Покупать кота в мешке // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Новосибирск: Наука, 1983. С. 337.

⁸⁾ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knjky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knjky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

⁹⁾ Непроницаемый // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.

Средства предикации указывают на оторванность от общей жизни и отражают, что заключённый человек **не способен мыслить** ('рассуждать, сопоставлять явления объективной действительности и делать выводы'¹), чтобы **охватить** ('понять, разуметь, усвоить (многое)'²) явления действительности, **не способен разговаривать** ('вести разговор, беседовать'³). На эмоционально-оценочном уровне они, однако, передают авторское сочувственное отношение к этим людям.

О жестоких законах «сынов ГУЛАГа» можно судить по следующему контексту: **Одним словом, дай мне жить, как я хочу, и сам живи, как хочешь, – вот что значит этот завет. Твёрдый жестокий сын ГУЛАГа этим заветом обязуется не применять своей силы и напора из пустого любопытства. (Но одновременно и освобождает себя от каких-либо моральных обязательств: хоть ты рядом и околеешь – мне всё равно. Жестокий закон, и всё же гораздо человечнее закона «блатных» – островных каннибалов: «подохни ты сегодня, а я завтра». Каннибал-блатной отнюдь не равнодушен к соседу: он ускоряет его смерть, чтоб отодвинуть свою, а иногда для потехи или из любопытства понаблюдать за ней.)**⁴. Бесчеловечность заключённых показана метафорически использованными предикатными адъективными лексемами **твёрдый** ('такой, который устоит, не отступит перед чем-л., останется верным своим убеждениям, целям, намерениям'⁵) и **жестокий** ('край-

не суровый, безжалостный'⁶). Автор использует приём противопоставления, описывая два типа эзков: «Сыны ГУЛАГа» и «Каннибал-блатной». Второй тип является более жестоким. На это указывает лексема **каннибал** – 'перен. крайне жестокий человек'⁷, эмоционально-образно – 'пожиратель себе подобных'. Характеристика **освобождает себя от каких-либо моральных обязательств**, прямо указывает на жизнь по кодексу безнравственности.

Текстема «Сыны ГУЛАГа» в компонентах характеристики особенностей «типичных представителей» «Страны ГУЛАГ» своим содержанием демонстрирует оценочное отражение А. И. Солженицыным обобщённого образа этих людей. Образ заключённых создаётся благодаря обладанию таких качеств, как жестокость, безжалостность, изворотливость, неспособность снова жить в социуме по законам общества, моральная деградация.

Заключение

«Сыны ГУЛАГа» – это солженицынский правдивый, не гиперболизированный образ людей, которые были обесчеловечены ужасными условиями лагерей, системой. Писатель относился к ним с сочувствием и пониманием, но чётко ограничивал в образной системе произведения от других обитателей. По мнению Л. В. Серебряковой, в этой «Стране ГУЛАГ» наравне с «Сынами» существуют люди, которые не потеряли человеческие качества, и о них Солженицын должен сказать как о мучениках, а это и есть цель автора, о которой иными словами сказано: «Главной целью автора оказывается желание донести правду, прославить русского человека, который прошёл через эти муки, создать нравственный образец для чи-

Толковый словарь русского языка. М.: А Темп, 2006. С. 411.

¹ Мыслить // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1988. С. 317.

² Охватить // Толковый словарь русского языка Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/охватить> (дата обращения: 13.04.2024).

³ Разговаривать // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1987. С. 598.

⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII // Knjiky.ru. Онлайн-библиотека: [сайт]. URL: <https://knjiky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 13.04.2024).

⁵ Твёрдый // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под

ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1988. С. 343.

⁶ Жестокий // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 380.

⁷ Каннибал // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1985. С. 26.

тателя» [7]. По мнению Ю. С. Степанова, «концепт переживается» [13, с. 17] каждым человеком индивидуально. Таким образом, текста «Сыны ГУЛАГа» является одним из главных репрезентантов концепта «ГУЛАГ» в романе А. И. Солженицына и становится ключевым средством при создании образа заключённых, отражающих

авторские и вызывающих сильные читательские эмоциональные переживания в процессе ментальной укладки. Текста – одно из средств воплощения текстового концепта, для оценки контента которого важен также и ассоциативный план.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропаева О. В. Лингвоконцепт «душа» в русском языке: номинативный и ценностный аспекты исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 2. С. 42–47.
2. Добродомов И. Г., Чапаева Л. Г. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына: непродуктивные словообразовательные модели // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 23–28.
3. Калусио М. Как звучит на итальянском языке русское слово *лагерь* // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 50–57.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2001. 477 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
6. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
7. Сергеева Е. В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 63–69.
8. Серебрякова Л. В., Зубова А. Ю. Житийная традиция в «Архипелаг ГУЛАГ»: Солженицын и Протопоп Аввакум // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 109–117.
9. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации. Языки славянских культур. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
10. Феномен и концепт ЭМАНСИПАЦИЯ / А. П. Баженова, Т. П. Ковина, В. В. Леденёва, Э. Я. Фесенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 36–52.
11. Цынк С. В. Диалектизмы в публицистике А. И. Солженицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 82–92.
12. Щедрина Н. М. Начало «Второго века жизни Александра Солженицына» в современных исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 3. С. 125–129.
13. Engelberg S., Stănescu S., Zifonun G. Die Syntax und semantik eingebetteter komplexer prädikationen // Forschungen im Rahmen der Mannheim-Bukarester Institutpartnerschaft. 2009. № 1. P. 10–13.

REFERENCES

1. Voropaeva O. V. [The Linguistic Concept “Soul” in the Russian Language: Nominative and Axiological Aspects of the Research]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2014, no. 2, pp. 42–47.
2. Dobrodomov I. G., Chapaeva L. G. [“Russian Dictionary of Language Expansion” by A. I. Solzhenitsyn: Unproductive Word-Formation Models]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2021, no. 5, pp. 23–28.
3. Calusio M. [Russian Camps and Italian Dictionaries]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2015, no. 2 (24), pp. 50–57.
4. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2001. 477 p.
5. Karaulov Yu. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality].

- Moscow, Nauka Publ., 1987. 263 p.
6. Likhachyov D. S. [Conceptosphere of the Russian Language]. In: Neroznak V. P., ed. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian Literature. From the Theory of Literature to Text Structure. Anthology]. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 280–287.
 7. Sergeeva E. V. [Concept-Universality and Artistic Concept: The Problem of Classification]. In: *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2006, no. 1–2, pp. 63–69.
 8. Serebryakova L. V., Zubova A. Yu. [Hagiographic Tradition in the “GULAG Archipelago”: Solzhenitsyn and Protopop Avvakum]. In: *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian Research. History and Philology], 2022, no. 6, pp. 109–117.
 9. Stepanov Yu. S. *Koncepty. Tonkaya plyonka civilizatsii. Yazyki slavyanskih kul'tur* [A Thin Film of Civilization. Languages of Slavic Cultures]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2007. 248 p.
 10. Bazhenova A. P., Kovina T. P., Ledeneva V. V., Fesenko E. Ya. [Phenomenon and Concept of EMANCIPATION]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2023, vol. 14, no. 1, pp. 36–52.
 11. Tsynk S. V. [Dialectisms in Publicistic Texts by A. Solzhenitsyn]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 1, pp. 82–92.
 12. Shchedrina N. M. [The Beginning of “A. Solzhenitsyn’s Second Life Century” in the Modern Research]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 3, pp. 125–129.
 13. Engelberg S., Stănescu S., Zifonun G. Die Syntax und semantik eingebetteter komplexer prädikationen. In: *Forschungen im Rahmen der Mannheim-Bukarester Institutspartnerschaft*, 2009, no. 1, pp. 10–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьев Даниил Николаевич – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;
e-mail: daniil_ananbev@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil N. Ananyev – Postgraduate Student, Department of Modern Russian named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;
e-mail: daniil_ananbev@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ананьев Д. Н. Текстема «Сыны ГУЛАГа» как средство создания образа и репрезентант одноименного концепта в романе А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 30–39.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-30-39

FOR CITATION

Ananyev D. N. The Texteme “Sons Of The Gulag” as a Means of Creating an Image and a Representative of the Concept of the Same Name in A. I. Solzhenitsyn’s Novel “The Gulag Archipelago”. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 30–39.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-30-39

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-40-49

КРИТЕРИИ ВЛИЯНИЯ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19

Гукосьянц О. Ю.*Пятигорский государственный университет**357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обозначить критерии влияния конфликтного взаимодействия на реципиентов при обмене комментариями в период пандемии COVID-19.

Процедура и методы. Проведено анкетирование с целью верификации определённых ранее критериев влияния конфликтного взаимодействия на собеседников в интернет-опосредованной коммуникации. Задача стояла в оценке респондентом каждого фрагмента на предмет наличия в нём конфликта и в необходимости отметить во фрагментах компоненты, являющиеся, по мнению респондентов, конфликтогенными.

Результаты. Выявлены критерии: выбор агрессором вербальных и невербальных средств, относимых к разряду конфликтогенов; сочетаемость конфликтогенов в речи агрессора; внутренняя восприимчивость реципиента к конфликтогенам различного уровня; степень вовлечённости реципиента в конфликт.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость представленных критериев определяется необходимостью описания механизма развёртывания коммуникативных конфликтов в электронном тексте, построения алгоритма предупреждения конфликта в конкретных речедейательностных ситуациях.

Ключевые слова: интернет-опосредованная коммуникация, комментарий, коммуникативный конфликт, критерии воздействия, пандемия COVID-19

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта МК-1675.2022.2 (Комплексное прагматическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии) по гранту Президента Российской Федерации.

CRITERIA FOR THE IMPACT OF CONFLICT IN INTERNET-MEDIATED COMMUNICATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

O. Gukosyants*Pyatigorsk State University**av. Kalinina 9, Pyatigorsk 357532, Stavropol Territory, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the criteria for the impact of conflict interaction on recipients when exchanging comments during the COVID-19 pandemic.

Methodology. A survey was conducted to verify the previously defined criteria for the influence of conflict interaction on interlocutors in Internet-mediated communication. The respondents' task was to assess each fragment for the presence of a conflict in it and to mark in these fragments components which they considered as conflictogenic.

Results. The following criteria have been identified: the aggressor's choice of verbal and non-verbal means belonging to the category of conflictogens; combinability of conflictogens in the aggressor's

speech; intrinsic susceptibility of the recipient to conflictogenes of various levels; the degree of recipient's involvement in the conflict.

Research implications. The theoretical significance of the presented criteria is determined by the need to describe the mechanism for deploying communicative conflicts in electronic text, to build an algorithm for preventing conflict in specific speech situations.

Keywords: Internet-mediated communication, comment, communicative conflict, impact criteria, pandemic COVID-19

Acknowledgments: This research was supported by the grant from the President of the Russian Federation MK-1675.2022.2 (A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in pandemic conditions).

Введение

Виртуальная среда, предоставляя значительные возможности для оперативного обмена данными, поддержания дистанционного общения, таит в себе угрозу реализации корыстных целей в отношении пользователей. Намеренная апелляция к чувственной сфере человека, агрессия, провоцирование конфликта служат целью дестабилизировать отношения участников коммуникации. Возможность верно оценить коммуникативную ситуацию, организовать собственную коммуникативную деятельность сообразно ситуации общения, предотвратить развитие конфликта обеспечивается благодаря распознаванию коммуникантами речедетельностных закономерностей, языковых средств и речевых приёмов реализации конфликтного взаимодействия.

Настоящая работа, являющаяся продолжением серии работ, посвящённых конфликтной коммуникации в интернет-пространстве в период пандемии COVID-19 (рассматривается период с января 2020 г. по декабрь 2022 г.), направлена на уточнение критериев влияния конфликтного взаимодействия как особого деструктивного речевого поведения на реципиента. Описанные ниже критерии верифицированы в ходе проведения независимого анкетирования, участие в котором приняли 115 респондентов (22% мужчин и 78% женщин) в возрасте от 20 лет до 35 лет, имеющие неоконченное высшее образование либо высшее образование по гуманитарным и техническим направлениям.

Для корректности дальнейшего поведения уточним понимание нами конфликта, конфликтогена, конфликтного текста и конфликтотенного текста.

При осуществлении варианта взаимодействия, которым является конфликт, как поясняет А. В. Курьянович, «происходит одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнёров в понимании или оценке ситуации и возникновение антипатии друг к другу» [6, с. 108].

Понимание речевого конфликта как воплощения «противостояния коммуникантов в коммуникативном событии, обусловленном психическими, социальными и этическими факторами, экстраполяция которых происходит в речевой ткани диалога», отражено в работе В. С. Третьяковой [9, с. 6].

Н. А. Белоус трактует конфликт как парный поведенческий акт, специфическое взаимодействие – конфронтацию – одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнёров в понимании или оценке ситуаций, и возникновение их антипатии друг другу [1, с. 31].

Сообразно предложенным интерпретациям конфликт понимается нами как противостояние коммуникантов, их конфронтационное коммуникативное взаимодействие.

«Раздражителем», провоцирующим создание конфликтной речевой ситуации», согласно А. В. Курьянович, выступает конфликтотен [6].

О. П. Семенец предлагает следующее определение понятия «лингвистические конфликтогены» – «языковые средства, которые создают конфликтную ситуацию и переводят её в стадию вербализованного противостояния» [8, с. 17]. Учёный уточняет, что «лингвистическими конфликтогенами могут стать только языковые средства, порождающие речевой конфликт» [8, с. 20].

Дополним, что в случае протекания коммуникативной ситуации в интернет-среде в качестве конфликтогенов могут выступать как вербальные, так и невербальные средства, используемые авторами текстов с целью провоцирования и развития конфликтной ситуации.

Вербальные и невербальные средства конфликтного взаимодействия в интернет-коммуникации периода пандемии COVID-19 были исчислены в процессе экспертной оценки значительного объёма материала, представляющего собой более 3000 веток комментариев к блогам, опубликованным в Живом Журнале в обозначенный временной период (январь 2020 г. – декабрь 2022 г.). Полученные результаты нашли отражение в работах автора (см., в частности: [3; 5]).

В рамках проводимого исследования разграничиваем также понятия «конфликтный текст» и «конфликтогенный текст».

Конфликтный текст представляет собой «текст, реализующий социально-психологическую ситуацию конфликта, т. е. ситуацию столкновения двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия» [10, с. 30].

Рассуждая о соотношении понятий «конфликтный текст» и «конфликтогенный текст», Н. А. Белоус, Н. В. Осколкова отмечают, что «конфликтный текст является более широким понятием, т. к. он может обозначать тексты, созданные как до начала конфликта и спровоцировавшие его, так и тексты, продуцируемые на всём протяжении конфликтной ситуации и даже вне её (потенциальный конфликт)» [2, с. 103]. В таком случае, как справедливо указы-

вает Г. С. Макаренко, «конфликтогенный текст» – более узкое понятие, которое подразумевает текст, соответствующий ряду условий: 1) как правило, такой текст распространяется посредством СМИ; 2) провоцирует коммуникативное столкновение говорящих, формирующее противоречие разной степени интенсивности; 3) может иметь правовые последствия» [7, с. 140].

Понимая конфликтогенный текст как текст, провоцирующий развитие конфликта, а конфликтный текст как текст, фиксирующий активное конфликтное взаимодействие, укажем, что материал, предлагаемый респондентам в ходе анкетирования, представлял собой конфликтогенные комментарии и фрагменты конфликтной коммуникации.

Целеустановки провоцирования конфликта и критерии влияния конфликтного взаимодействия на реципиента в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 (экспертная оценка и результаты анкетирования)

Анализ материала исследования, которым выступили комментарии к постам в Живом Журнале, появившиеся в период пандемии COVID-19 (рассматривается период с января 2020 г. по декабрь 2022 г.), позволил сделать заключение о наличии двух базовых интенций, наблюдаемых в поведении коммуниканта-агрессора – 1) собственно агрессия, направленная на дискредитацию оппонента, сознательное разрушение коммуникации, и 2) манипуляция, заключающаяся в скрытом воздействии на сознание пользователей посредством обоснования продвигаемой позиции или возбуждения коллективной ненависти с целью создания собственной «группы поддержки» [4, с. 180].

Воплощение указанных интенций в соответствующих коммуникативных стратегиях и тактиках обеспечивалось благодаря специфической системе средств, характерных для дистантного опосредованного

общения, организованных в конструкции и объединённых целеустановками. К основным целеустановкам провоцирования конфликтного взаимодействия, наблюдаемого в онлайн-коммуникации периода пандемии COVID-19, можно отнести конфликт как возможность выплеснуть негативные эмоции (конфликт ради самого конфликта), собственное самоопределение агрессора, осмысление и переосмысление происходящего, формирование имиджа какого-либо лица / объекта, мотивация к совершению какого-либо действия.

Достижение указанных целей ограничивалось теми условиями, в рамках которых разворачивалась ситуация общения, а именно особенностями, предоставляемыми интернетом как средой осуществления конфликтной коммуникации и характеристиками электронного текста, и обеспечивалось вербальными и невербальными средствами коммуникации, выступающими в качестве актуализаторов конфликтного взаимодействия и описанными в работах [3; 5].

Наблюдение над особенностями разворачивающейся конфликтной коммуникации в комментариях к постам в Живом Журнале в период пандемии COVID-19, прослеживание реакции коммуникантов на провоцирующие конфликт высказывания позволили выделить признаки, опираясь на которые можно сделать заключение о возможности и степени влияния, оказываемого на реципиентов в процессе конфликтного взаимодействия. Исходя из того, что «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо»¹ именуется критерием, далее будем говорить о критериях влияния конфликтного взаимодействия как особого деструктивного речевого поведения на реципиента.

Проведённый лингвистический анализ конфликтной коммуникации периода пандемии COVID-19 позволил предположить, что к критериям влияния конфликтного

речевого поведения на собеседника можно отнести: выбор агрессором вербальных и невербальных средств, относимых к разряду конфликтогенов, сочетаемость конфликтогенов в речи агрессора, внутреннюю восприимчивость реципиента к конфликтогенам различного уровня. В ходе анкетирования к отмеченным трём критериям, подтверждённым в ходе опроса, добавился ещё один – степень вовлечённости реципиента в конфликт.

Первые два критерия обусловлены материалом исследования – комментариями к постам в Живом Журнале периода пандемии COVID-19, созданными авторами – пользователями данной платформы. Выбор автором определённых средств для осуществления конфликтной коммуникации обусловлен целеустановками, отмеченными выше. Результаты экспертной оценки материала исследования на предмет исчисления наблюдаемых в нём вербальных и невербальных средств, проявляющих конфликтогенность эксплицитно и имплицитно, представлены в работах [3; 5]. Отмечено, что предпочтительные в отношении анализируемого материала маркёры конфликтного взаимодействия (вербальные и невербальные средства выражения речевой агрессии, служащие реализаторами стратегий и тактик конфликтного речевого поведения) относились к областям лексики, синтаксиса, стилистики, семантики, а также были представлены фонетико-графическими средствами и иконическими компонентами [3]. Исследование также выявило средства, не являющиеся собственно маркёрами конфликтного речевого поведения, но выступающие в качестве усилителей, акцентуаторов конфликтного взаимодействия (противительные союзы, гиперболизация, фонетический каламбур, неопределённые местоимения, двойное отрицание, наречия-интенсификаторы, усилительно-выделительные частицы), и активно используемые виртуальными пользователями для провоцирования конфликта.

Предложенное в ходе проводимого опроса респондентов задание, заключа-

¹ Критерий // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1986. С. 130.

ющееся в просьбе оценить предлагаемые фрагменты обмена комментариями в количестве 20 контекстов, отобранных методом сплошной выборки из веток комментариев, оставляемых пользователями после блогов, на предмет наличия в них конфликта (в ходе предварительной экспертной оценки данные фрагменты признаны конфликтными, а начальные сообщения-провокаторы – конфликтногенными), дало весьма противоречивый результат.

42% предлагаемых фрагментов восприняты респондентами как высоко конфликтные (каждый контекст был оценён как конфликтный в 75% – 87% данных ответов).

К данным фрагментам опрашиваемыми были, в частности, отнесены следующие.

(1) – *Пока что вы демонстрируете неспособность мыслить. Но это не потому что вы робот, а потому что вы тупой.*

– *Тупо вы вставили свои три копейки. Характерно для плебея в попытке унижить, и это уровень вашего мышления.*

– *Ой какой «патриций», какое «небыдло» попалось. Несете чушь, еще упорствуете в ней, но продолжаете ощущать себя охр*нительно крутым.*

– *вы от зеркала-то отойдите¹.*

(2) – *Тебе виднее.*

– *Конешно виднее. Ты-то тупой:)*

– *Потому, что ты так решил? Не, обс*канец, мне на твоё мнение плювать.*

– *Инфузория пытается шутить. Выходит неуклюже.*

– *Не кукарекай, макака.*

¹ Гипотеза: Омикрон мог передаться людям от грызунов // LiveJournal: [сайт]. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/198072.html?media&utm_source=recommended (дата обращения: 21.01.2022), комментарии от 24.12.2021 – 27.12.2021.

– *Одноклеточный микроорганизм пытается понять устройство сложноорганизованного. Садись, «два», урок не усвоен.*

– *Иди иди*

– *Мне нравится тебя чм*рить, амёбушка².*

Опрос респондентов на предмет обоснования причин восприятия предлагаемых текстов, в том числе и фрагментов, продемонстрированных в примере (1) и примере (2) в качестве конфликтных, позволил определить вербальные и невербальные средства, воспринимаемые в качестве конфликтогенов. В частности, в примере (1) к конфликтогенам были отнесены: лексема с негативной коннотацией, характеризующая умственное развитие человека – *тупой*, лексемы, содержащие экспрессивную негативную оценку социальной принадлежности, приписывание лицу нетактичного поведения – *плебей*, «патриций», «небыдло» (последние лексемы, взятые в кавычки автором комментария, привлекают внимание респондентов, указывают на передачу иронии, переносного значения, отрицательной оценки адресата³). В качестве актуализаторов конфликтного взаимодействия респондентами в примере (1) также отмечены выражение *вставить три копейки* (является трансформацией выражения «вставить пять копеек» с наличествующей окказиональной заменой числительного и воспринимается опрашиваемыми по аналогии с исходным выражением, а именно как шутливо-ироничное⁴, фразеологизм *нести чушь* (имеет пометы «прост.» (просторечное) и «презр.» (презрительное) во Фразеологическом словаре русского литературного языка⁵).

² Праздник непослушания в Канаде // LiveJournal: [сайт]. URL: https://dralexandra.livejournal.com/585430.html?utm_source=popular (дата обращения: 02.02.2022), комментарии от 31.01.2022 – 01.02.2022.

³ О функции кавычек для передачи иронии см.: Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с. (§§ 150–153).

⁴ Копейка // Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007. С. 311.

⁵ Нести чушь. Понести чушь // Фёдоров А. И.

Рассматривая пример (2), респонденты единогласно в качестве актуализаторов конфликта маркируют лексемы с негативной коннотацией, характеризующие умственное развитие человека, содержащие экспрессивную негативную оценку его здоровья – *тупой, обс*канец*, зоосемантические метафоры *инфузория, макака, одноклеточный микроорганизм, амёбушка*, глаголы с отрицательной коннотацией – *чм*рить, не кукарекай* (также является императивом), эрративы (отмечены в качестве конфликтного 11% респондентов) – *конечно, плювать*.

36% предлагаемых респондентам фрагментов восприняты ими как ситуации среднего уровня конфликтности (каждый из предлагаемых контекстов был оценен как конфликтный в 54%–68% полученных ответов).

К ситуациям среднего уровня конфликтности респонденты отнесли, в частности, пример (3).

(3) – *Я как раз сегодня задумался о современном положении в отношении ковида. Учет умерших ОТ ковида ведется как раньше — или теперь подтверждается, что смерть наступила именно от ковида? Векторный вакцины реально угрожают возникновением синдрома Чубайса?*

Conclusions: These findings suggest both the absence of safety concern for GBS with mRNA-based COVID-19 vaccines and an **increased risk with adenovirus-vectored** COVID-19 vaccines. Back to top.

- *Дайте источник сего текста.*
- *Казалось бы, все данные приведены. Но это только так кажется, да?*
- *Укажите откуда этот неавторитетный источник.*
- *Не хочу бесплатно делать то, что хотят от меня другие. Можете не читать этот неавторитетный источник. Можете и опровергнуть. Можете начать обсуждать мою личность. С — Свобода!¹*

Немногим более половины опрашиваемых (58%) отнесли пример (3) к числу конфликтных. В качестве актуализаторов конфликта респонденты указали следующие: императивные конструкции (*дайте, укажите*), оценочное прилагательное с отрицательной коннотацией – *неавторитетный*, наличие анафоры и параллельных конструкций.

22% предлагаемых фрагментов восприняты респондентами как ситуации низкого уровня конфликтности (каждый из предлагаемых контекстов был оценен как конфликтный в 9%–30% полученных ответов).

Среди них опрашиваемые обозначили фрагмент, представленный в примере (4).

(4) – *Как же все они надоели. Уже бы отстали б от всех, дали бы жить спокойно. – Неехай в Италию, и будет тебе счастье.* 🙄

P.S.

– *Смешно 😄 приехать в чужую страну со своим уставом и еще критиковать ее.*

– *Так если б только там была б хр*нь эта.*

– *А тебя никто туда не зовет, их страна их правила, а ты кто такой? Как они тебе надоели? Не суй свое рыло в чужом если не уважаешь чужие правила. Точка.*

– *Да это мировая хр*нь. Мне и дома это надоело².*

Пример (4) оценен как конфликтный лишь 12% опрашиваемых. Отмечая актуализаторы конфликта, респонденты называют сослагательное наклонение, эрратив (*неехай*), императивная конструкция, содержащая просторечное, бранное *рыло* (имеет пометы «прост.» (просторечное) и «бран.» (бранное) в «Толковом словаре» С. И. Ожегова³), смайлы, множественные вопросы.

Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008. С. 407.

¹ Краткая информация по коронавирусу (Август 2022) // LiveJournal: [сайт]. URL: <https://scinquisitor.livejournal.com/203463.html> (дата обращения: 02.10.2022), комментарии от 18.08.2022.

² Коронабесие в Италии, репортаж из Рима и Неаполя // LiveJournal: [сайт]. URL: https://puerrtto.livejournal.com/1159558.html?utm_source=popular (дата обращения: 09.02.2022), комментарии от 24.12.2021.

³ Рыло // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А Темп, 2006. С. 689.

Отметим, что наличие императивной конструкции как актуализатора конфликта в примере (4) и императивных конструкций в примере (3) и в примере (2), также отмеченных в качестве актуализаторов конфликта, не обеспечивает равную оценку данных фрагментов на предмет конфликтности респондентами. Исходя из аналогичных наблюдений, понимая комплексное восприятие текста респондентами, различное оценивание респондентами языковых средств как актуализаторов конфликтного взаимодействия, делаем вывод о факторе сочетаемости конфликтогенов в речи агрессора как о критерии влияния конфликтного речевого поведения на собеседника.

Считаем важным указать на тот факт, что ни один из фрагментов не был оценён как конфликтный у 100% опрошенных. При этом ни один из фрагментов не получил оценку «не конфликтный» в 100% случаев.

Результаты опроса подтверждались и материалом исследования. В анализируемых диалогах собеседник, попадая под воздействие коммуниканта-агрессора, мог воспринять / не воспринять угрозы в разворачивающемся конфликте, проявить / не проявить эмпатию, согласиться / не согласиться с позицией провокатора, совершить / не совершить требуемое действие, участвовать / не участвовать в развитии конфликтной ситуации, что свидетельствует о недостижении авторской интенции в ряде случаев.

Полученные данные свидетельствуют о значимости третьего критерия (внутренняя восприимчивость реципиента к конфликтогенам различного уровня) для понимания возможности и степени влияния конфликтного взаимодействия на реципиентов.

Так, в частности, фрагмент, представленный в примере (5) расценён в качестве конфликтного 10% респондентов.

(5) – Я так понимаю, Вы себя причисляете с **пиплам**, которые **сайенс**? Я так, рядышком. «Не волшебник, только учусь».

– Интересно, это ещё более **жирный образчик зелёной фауны** приполз или натурально некто сок своего мозга давит с горних высей? Искренне надеюсь, что первый вариант.

– Выше не вы разве упоминали что сарказм не ваша стезя? Разве не вашим было утверждение «в моих словах ни грамма сарказма»?

– Так и есть. И если Вы где-то сарказм умудрились увидеть.. ну, мои соболезнования: **по себе людёв не судят**.

– Ясно, **сайенс пипл** оказался просто **неграмотным**, в обиходе – **пещерным пиплом**. Впрочем, я мог сразу догадаться по картинкам ранее... И реальность у него **пещерная** же – **перефразируя проф Преображенского** «не смотрите ТВ перед обедом». **Займитесь** чем-нибудь, действительно полезным, – творчество сделало из обезьяны человека. И Вы сможете попытаться!¹

Опрошываемые, посчитавшие данный фрагмент конфликтным, обосновывают свою позицию наличием в примере англоязычных вкраплений (**сайенс, пипл**), зоосемантической метафоры (**жирный образчик зелёной фауны**), эрратива (**людёв**), императива (**займитесь**). Однако только 10% из числа опрошенных, рассматривая данный фрагмент, посчитали его примером конфликтного взаимодействия. Для 90% респондентов предложенный фрагмент, а значит, и составляющие его компоненты и их сочетание не были идентифицированы как конфликтные.

Выполнение респондентами задания, заключающегося в необходимости отметить в предлагаемых фрагментах компоненты, являющиеся по мнению респондентов конфликтогенными, и последующая обработка полученных результатов позволили вывести четвёртый критерий влияния конфликтного речевого поведения на собеседника – степень вовлечённости реципиента в конфликт.

¹ Я привился ГМО вакциной от коронавируса // LiveJournal: [сайт]. URL: <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html> (дата обращения: 14.01.2022), комментарии от 29.12.2020.

Вовлечённость в конфликт, понимаемая нами как сопричастность, включение, приобщение¹ к транслируемым агрессором конфликтогенам, реализуется, исходя из ответов респондентов, в случае наличия конкретной референции, которая относит данные конфликтогены и приписывает конкретные оскорбительные номинации непосредственно получателю сообщения. 22% участников анкетирования пояснили, что в случае отсутствия конкретной референции вербальные и невербальные средства выражения речевой агрессии, исчисленные в процессе экспертной оценки, не воспринимаются адресатом как маркёры конфликтного взаимодействия.

Обратимся к фрагменту, представленному в примере (6).

(6) – *Да ты как бы почитай что такое Испанка и будешь сильно удивлен совпадениями. К слову у меня Университетское биологическое , ток что могу о некоторых вещах иметь представление..*

– *У одного моего знакомого было университетское математическое образование. Но математик из него был как из бегемота балерина*

– *Ждал такой дебильной реакции, поэтому ответу всем жертвам ЕГЭ сразу, вирусы были открыты в 1892 году, но их структуру поняли только к 1930 году, а геномы стали различать вааще в 1955 году... При этом не откажу себе в удовольствии напомнить что этот вирус испанки за который ты топишь как вирус из группы гриппа не сохранился. – он ушел в историю не оставив после себя ничего. И шо будешь возражать?*

– *Возражать?:) С, деликатно выражаясь, «отрицающим основы» не спорили еще древние греки: дескать, он опустит тебя на свой уровень, а там задавит опытом...*

То что кому-то дали высшее образование, это ещё не значит, что он его взял!;))

Ну и: явным признаком дурака является то, что он в качестве аргументов использует не свои знания и научные факты, а

лишь ссылается на якобы полученное образование².

Рассматривая пример (6) на предмет наличия в нём конфликтного взаимодействия и некоторых конфликтогенных маркёров, опрашиваемые высказывали неоднозначные мнения. 42% опрашиваемых, отвечая на вопрос: «Является ли предлагаемый фрагмент конфликтным?» дали ответ: «50/50». 27% респондентов посчитали его конфликтным, 31% респондентов не рассмотрели в данном фрагменте наличия конфликтного взаимодействия. Поясняя своё мнение, респонденты, сомневающиеся в наличии конфликта и посчитавшие данный фрагмент неконфликтным, разъяснили, что наличие пейоратива (дурак), сравнения (математик... как из бегемота балерина), эвфемизма («отрицающим основы»), не обращённых непосредственно к адресату сообщения, не подтверждают приписывание данных номинаций непосредственно получателю сообщения, не могут рассматриваться в качестве личного оскорбления и провокации конфликтного взаимодействия.

Заключение

Изучение материала исследования – комментариев к постам в Живом Журнале периода пандемии COVID-19 – позволило разграничить две базовые интенции, наблюдаемые в поведении коммуниканта-агрессора – собственно агрессию и манипуляцию, а также проследить основные целеустановки провоцирования конфликтного взаимодействия, наблюдаемого в указанный период. К числу наблюдаемых целеустановок относим: конфликт как возможность выплеснуть негативные эмоции (конфликт ради самого конфликта), собственное самоопределение агрессора, осмысление и переосмысление

¹ Вовлечённость // Словарь синонимов: [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims (дата обращения: 14.01.2022).

² Сенсация! Коронавирус создан искусственно! (Нет) // LiveJournal: [сайт]. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/204679.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block (дата обращения: 17.12.2022), комментарии от 24.10.2022-25.10.2022

происходящего, формирование имиджа какого-либо лица / объекта, мотивация к совершению какого-либо действия.

Прослеживание реакции коммуникантов на провоцирующие конфликт высказывания, проведение независимого анкетирования аудитории позволили обозначить критерии влияния конфликтного взаимодействия как особого деструктивного речевого поведения на общественное сознание граждан, к которым были отнесены выбор агрессором вербальных и невербальных средств, относимых к разряду конфликтогенов, сочетаемость

конфликтогенов в речи агрессора, внутренняя восприимчивость реципиента к конфликтогенам различного уровня, степень вовлечённости реципиента в конфликт. Полагаем, что полученные результаты могут способствовать описанию механизма развёртывания коммуникативных конфликтов в электронном тексте и могут лечь в основу алгоритма предупреждения конфликта в конкретных речевых ситуациях.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус Н. А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 30–36.
2. Белоус Н. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 4. Ч. II. С. 96–107.
3. Гукосьянц О. Ю. Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19 // Медиалингвистика. 2023. № 10 (3). С. 301–318. DOI: 10.21638/spbu22.2023.302.
4. Гукосьянц О. Ю., Алимуратов О. А., Хакиева З. У. Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 7. С. 175–196. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196.
5. Гукосьянц О. Ю., Яхьяева А. А. Лексические средства демонстрации оскорбления в комментариях к постам в Живом Журнале периода пандемии COVID-19 // Вестник ПГУ. 2022. № 3. С. 133–137.
6. Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (48). С. 106–112.
7. Макаренко Г. С. О соотношении понятий «конфликтогенный» и «конфликтный» текст в рамках изучения юрислингвистики // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции, Казань, 06–07 декабря 2022 г.: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. С. 139–142.
8. Семенец О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах // Сибирский филологический форум. 2021. № 3 (15). С. 15–32.
9. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.
10. Тубалова И. В., Эмер Ю. А. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 30–35.

REFERENCES

1. Belous N. A. [Socio-cultural Aspect of Analysis of Speech Conflict Behaviour]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2008, no. 62, pp. 30–36.
2. Belous N. A., Oskolkova N. V. [Conflict Discourse vs Conflict Text]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9* [Bulletin of St. Petersburg University], 2007, no. 4, pt. II, pp. 96–107.
3. Gukosyants O. Yu. [Some markers of authorial conflict intention in Internet comments during the COVID-19 pandemic]. In: *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2023, no. 10 (3), pp. 301–318. DOI: 10.21638/spbu22.2023.302.

4. Gukosyants O. Yu., Alimuradov O. A., Khakiyeva Z. U. [Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic]. In: *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2022, vol. 11, no. 7, pp. 175–196. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196.
5. Gukosyants O. Yu., Yakhyaeva A. A. [Lexical Means of Demonstrating Insults in Comments to Posts in the LiveJournal of the COVID-19 Pandemic Period]. In: *Vestnik PGU* [Bulletin of PSU], 2022, no. 3, pp. 133–137.
6. Kur'yanovich A. V. [Invective Speech Genres in the Space of Modern Interpersonal Communication]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2005, no. 3 (48), pp. 106–112.
7. Makarenko G. S. [On the Relationship between the Concepts of “Conflict-Prone” and “Conflict-Prone” Text within the Framework of the Study of Legal Linguistics]. In: *Nauchnoe nasledie V. A. Bogorodickogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: trudy i materialy mezhdunarodnoj konferencii. T. 1* [Scientific Heritage of V. A. Bogoroditsky and the Modern Vector of Research of the Kazan Linguistic School: Proceedings and Materials of the International Conference, Kazan', 06–07 dekabrya 2022 g. Vol. 1.]. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University Publ., 2018, pp. 139–142.
8. Semenets O. P. [Types of Linguistic Conflict Triggers and Their Role in Speech and Psychological Conflicts]. In: *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum], 2021, no. 3 (15), pp. 15–32.
9. Tretyakova V. S. *Rechevoj konflikt i harmonizaciya obshcheniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Speech Conflict and Harmonization of Communication: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2003. 36 p.
10. Tubalova I. V., Emer Yu. A. [Conflict Text in Oral and Virtual Everyday Communication]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2013, no. 377, pp. 30–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гукосьянц Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия; научный сотрудник научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии» Пятигорского государственного университета;
e-mail: gukosjants@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Yu. Gukosyants – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., West-European Languages and Cultures Department, Institute of Translation Studies, Russian Studies, and Multilingualism; Researcher of the Scientific-Educational Center of Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguocognitive Technologies, Pyatigorsk State University;
e-mail: gukosjants@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гукосьянц О. Ю. Критерии влияния конфликтного взаимодействия в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 40–49.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-40-49

FOR CITATION

Gukosyants O. Yu. Criteria for the Impact of Conflict in Internet-Mediated Communication During the COVID-19 Pandemic. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 40–49.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-40-49

УДК 81'372

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-50-61

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА «ДУБ» В ЯЗЫКОВОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Кулакова В. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть лингвокультурологический концепт «дуб» и исследовать содержание этого концепта в славянских мифах, поставив задачу произвести полиаспектный синхронно-диахронный анализ основных экспликатов – *дуб* и *дерево*.

Процедура и методы. В исследовании применены: 1) описательный метод, заключающийся в представлении современных значений слов *дуб* и *дерево*, а также истории этих слов и их этимологии; 2) сопоставительный метод, связанный с установлением исторической синонимичности слов *дуб* и *дерево*; 3) методы структурного и семантического анализов фразеологических единиц, связанных с лексемой *дуб*.

Результаты. Проведённое исследование показало, что лексема *дуб* и устойчивое сочетание *вечное/мировое дерево* для исследуемой в статье мифологической картины мира, т. е. дохристианского периода и начала христианского; *дуб* и *вечное/мировое дерево*, а также фразеологизмы, связанные со словом *дуб*, отражают языческие, мифологические и христианские представления русского человека.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в трёхуровневом исследовании концепта «дуб» и связи репрезентирующей его лексемы со словосочетанием «вечное/мировое дерево»: в речевом материале наблюдалось замещение лексемы *дуб* на *вечное дерево* и наоборот. На основании рассмотрения современных значений слов *дуб* и *дерево*, изучения их этимологии и истории установлены основания для восприятия в мифологическом сознании русского человека (дописьменной эпохи, вероятно, во время распространения язычества, в дохристианский период) дерева *дуб* как *вечного /мирового дерева*, находящегося в центре мироздания.

Ключевые слова: вечное дерево, дуб, концепт, мировое дерево, языковая картина мира

FEATURES OF THE EXPLICATION OF THE CONCEPT “OAK” IN THE LINGUISTIC MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

V. Kulakova*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Consider the linguocultural concept “oak” and explore the content of this concept in Slavic myths, setting the task of producing a multi-aspect synchronic-diachronic analysis of the main explicators – oak and tree.

Methodology. The study used: 1) a descriptive method, which consists in presenting the modern meanings of the words oak and tree, as well as the history of these words and their etymology; 2) a comparative method associated with establishing the historical synonymy of the words oak and tree; 3) methods of structural and semantic analysis of phraseological units associated with the lexeme *oak*.

Results. The study showed that the lexeme *oak* and the stable combination *eternal/world tree* for the mythological picture of the world studied in the article, i.e. the pre-Christian period and the beginning of the Christian period; oak and the eternal/world tree, as well as phraseological units associated with the word *oak*, reflect the pagan, mythological and Christian ideas of Russian people.

Research implications lies in a three-level study of the concept “oak” and the connection of the lexeme representing it with the phrase “eternal/world tree”: in the speech material, the replacement of the lexeme oak with the eternal tree and vice versa was observed. Based on the consideration of the modern meanings of the words oak and tree, the study of their etymology and history, the basis has been established for the perception in the mythological consciousness of Russian people (of the pre-literate era, probably during the spread of paganism, in the pre-Christian period) of the oak tree as an eternal / world tree located in the center of the universe.

Keywords: eternal tree, oak, concept, world tree, linguistic picture of the world

Введение

В отечественном языкознании последних десятилетий набирают популярность исследования, связанные с антропоцентрической парадигмой изучения языка, в центре внимания которой находится личность носителя языка, языковая личность, во всём её многообразии. В рамках этой парадигмы возникло и активно развивается такое направление языкознания, как лингвокультурология. «Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. С ней тесно связана этнолингвистика и социолингвистика», – считает известный языковед В. А. Маслова¹. При этом учёный справедливо отмечает, что лингвокультурология, этнолингвистика и социолингвистика – это разные науки: «Если этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале обнаружить исторические факты того или иного этноса, а социолингвистика рассматривает исключительно материал сегодняшнего дня, то лингвокультурология исследует и исторические, и современные факты сквозь призму духовной культуры»².

Одним из важнейших для лингвокультурологии является понятие концепта.

В. И. Карасик определяет его как «многомерное смысловое образование, являющееся точками пересечения ментального мира человека и мира культуры» [4, с. 8], и «фрагмент жизненного опыта человека» [4, с. 30]. С. А. Аскольдов считал концепты «общими понятиями», указывал, что это «нечто», состоящее из общего представления о понятии [1, с. 29], «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1, с. 31]. С точки зрения Т. В. Жеребило, концепт – это «1) смысловое содержание понятия, объём которого есть предмет (денотат) этого понятия, напр. смысловое значение понятия “Венера” – древнеримская богиня любви; 2) в когнитивной лингвистике: оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга»³. Ю. Д. Апресян полагает, что языковая картина мира конкретного человека состоит из набора концептов, «естественный язык... отражает определённый способ концептуализации (восприятия и организации) мира», что констатируют последователи⁴. Ю.С. Степанов определил это понятие так: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. С. 6.

² Там же. С. 10.

³ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. Нарзань: Пилигрим, 2010. С. 165.

⁴ Цит. по Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: ИТДТК Гнозис, 2001. С. 65.

другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё. В отличие от понятий в собственном смысле слова... концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, переживаний, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека¹. Согласно Ю. С. Степанову, концепт имеет сложную структуру. Помимо собственного значения понятия, представленного выше, в неё входят этимология слова-репрезентанта (не только происхождение, но и исторический путь развития и употребления), а также современные ассоциации и оценки², или ассоциативное поле.

З. Д. Попова и И. А. Стернин понимают под концептом ментальное образование, отмечаемое в разных источниках. Авторы предлагают использовать эффективную методику, которая представляет собой анализ словарных толкований ключевого слова по возможно большему числу словарей. «Из толкований делается выборка всех возможных характеристик концепта»³.

Р. М. Фрумкина в своей работе «Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога» представила строение концепта, где ядро – это словарное значение той или иной лексемы, а периферия – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации [10, с. 11].

Мы рассматриваем концепт «дуб» как трёхчастную структуру: 1) ядро – это современные значения и употребление, 2) этимология и исторические изменения, 3) ассоциативное поле – ассоциации и коннотации, связанные с этими понятиями, отражённые в исследуемых источниках,

а именно мифах и легендах, собранных Я. Слушны, Влх. Богумилом, А. Асовым.

Концепт «дуб» был исследован в работе Т. В. Сивовой «Дендронимический код произведений Паустовского через призму цвета», где установлена частотность употребления слов с корнем -дуб- в произведениях К. Г. Паустовского и изучена особенность колоративов, связанных с этой лексемой. На основании проведённого исследования Т. В. Сивова высказывает весьма важную мысль о том, что «[дуб] обладает статусом доминирующей фитонимической единицы в русском фольклорном дискурсе» [8, с. 428].

О важности дуба как лингвокультурологического феномена свидетельствует и исследование Р. В. Хажина, и Г. Р. Ижбаева «Репрезентация концепта «дуб» в произведениях М. Карима и Л. Н. Толстого», в котором дуб предстаёт как символ «матери» (сила любви матери сравнивается с крепостью дерева), «эпицентра жизни», «сильного героя», «защиты» [9, с. 186–187].

Ядро концепта: отражение значений слов *дуб* и *дерево* в словарях современного русского литературного языка

Общеизвестно, что именно в словарях наиболее полно и достоверно отражается языковая картина мира носителей языка.

В «Словаре современного русского литературного языка» (БАС-3) семантика слова *дуб* представлена так:

«ДУБ, а 1. *Вин.* дуб. Крупное лиственное дерево сем. буковых с плотной древесиной, приносящее плоды – жёлуди. ... *Перен. Разг.* О несообразительном, тупом человеке. ... 2. *Вин.* дуб. Большая лодка, чёлн ... 3. *Только ед. Вин.* дуб. Обл. Кора некоторых пород деревьев (дуба, сосны, ивы и т. д.), используемая в тёплом виде для обработки кож, меха, а также для окраски чего-л. Ивовый, сосновый дуб. ~ *Дуба давать/дать. Прост. Умирать*» (выделение жирным наше. – В. К.)⁴.

¹ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: 3-изд. М.: Академический проект, 2004. С. 43.

² Там же. С. 45.

³ Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях: очерк. Воронеж, 1999. С. 14.

⁴ Дуб // Словарь современного русского литературного языка. Т. IV: Д. М.: Русский язык, 1993. С. 494.

В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС-2) слово *дуб* толкуется похоже: сначала описывается само растение, второе значение – переносное – «О нечутком, тупом человеке», третье – о лодке. И здесь также присутствует фразеологизм «*Дать дуба* (прост.) – умереть»¹.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова значения слова *дуб* трактуются аналогично с предыдущим; здесь толкований два – о растении и «тупом, нечутком человеке» и помещён интересующий фразеологизм: «*Дуба дать* (прост.) – тоже, умереть»².

Значения лексемы *дерево* в словарях современного русского литературного языка представлены следующим образом:

– в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС-3):

«**ДЕРЕВО**, а 1. Многолетнее растение с твёрдым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону. ... □ Устар. Мн. *деревя, рева*. ... ◇ Генеалогическое, родословное дерево. Родословная таблица, изображаемая в виде такого растения, в основании которого представлены предки, а на разветвлениях ствола – потомки. ... ~ *За деревьями не видеть леса*. Проявляя внимание к мелочам, забывать о главном. 2. Только ед. Лесоматериалы, идущие на изделия, постройки; древесина (во 2 знач.) ... // Разг. Изделия из такого материала. ... 3. Перен. Прост. Бранно. О тупом, бесчувственном человеке (обычно в функции сказуемого)»³;

– в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС-2) толкования схожие, почти не имеющие отличий от предыдущего словаря. Только фразеологизм представлен в другой форме: «*Родословное дерево* – родословная таблица в виде дерева. *За деревьями (или из-за деревьев) леса не видеть* – проявляя

внимание к мелочам, забывать о главном, основном»⁴;

– в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова нет существенных отличий, толкования даны более ёмко⁵.

На основании рассмотрения толкований лексем *дуб* и *дерево* мы наблюдаем частичную синонимичность значений данных слов, наиболее полно отражённую в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС-3), в котором представлено значение слова *дерево* «О тупом, бесчувственном человеке». Данное значение фиксируется у слова *дуб* во всех приведённых словарях современного русского литературного языка.

Полагаем, что семы 'прочность', 'крепость', 'долговечность', присущие значениям данных лексем, сближают их, объясняя возникновение в языковом сознании русского человека образа дуба как вечного дерева.

Отражение значений слов *дуб* и *дерево* в этимологических и исторических словарях русского языка

В «Этимологическом словаре славянских языков: праславянский лексический фонд» указываются значения слова *дуб* «дуб», «дерево» в опоре на лат. *quercus*:

«**dǫbъ*: ст.-слав. *дѣбѣ* м.р. *arbor*; *quercus* 'дуб', 'дерево' (Супр., Вост., Mikl., Sad., SJS)». В данном словаре высказывается предположение, что слово *дуб* является эвфемизмом: «*праслав. *dǫbъ* пришло на смену более древнему **perkъ* <^ и.-е. **perkos* (ср.лат. *quercus* 'дуб'), косвенно сохранившемуся в праслав. **perunъ* (см.; так уже Брюкнер и Мошинский, ниже)» (выделение жирным наше. – В. К.)⁶... Все

¹ Дуб // Словарь русского языка: в четырёх томах. Т. 1. А–И / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. С. 450.

² Дуб // Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. С. 156.

³ Дерево // Словарь современного русского литературного языка. Т. IV: Д. М.: Русский язык, 1993. С. 177.

⁴ Дерево // Словарь русского языка: в четырёх томах. Т. 1. А–И / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. С. 388–389.

⁵ Дерево // Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. С. 138.

⁶ Дуб // Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Выпуск 5: **dělo* – **dьgъzь* / под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1978. С. 95–97.

остальные родственные слова связаны с деревом как строительным материалом.¹

В словаре М. М. Маковского представлена существенно важная информация: «ОАК п. «дуб». Соотносится с и.-е. *aig – «дуб» (нем. Eiche; др.-сев. eik; др.-в.-нем. eih). **Дуб считался Мировым деревом по преимуществу.** Именно вокруг дуба обычно устраивалась культовая игра, причём дуб воплощал Божество ...; дуб – символ сверхъестественной силы (ср. литовск. jega «сила»), он символизировал божественное Первотворение – Слово (ср. и.-е. *aik – «anrufen») и Змея (др.-инд. ahi)².

Два этимологических анализа подтверждают идею о священности дуба и о том, что дуб являлся мировым деревом. В следующих словарях говорится о дубе как о растении или материале. Так, по мнению А. Преображенского, «...дерево родственно сл. drva – дрова (что синонимично слову дуб в значении «строить») и гр. «**дубъ**» (выделение жирным наше. – В. К.)³. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера также указывается на возможное первоначальное значение слова дуб «дерево»: «**дуб**, род. п. **дуба**, **дубина**, укр. дуб, ст.-слав. дѣбъ дѣвдров ... **Первонач. знач., вероятно, «дерево»; ср. полаб. jablkodab «яблоня» (Брюкнер 85)...**»⁴ В «Кратком этимологическом словаре» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. М. Шанской (дальнейшем КЭС) указывается, что происхождение слова дуб не ясно, «объясняется как суф. производное (суф. -б), от той же основы (с перегласовкой о/е), что и греч. demō «строю», др.-исл. timber «строительный лес», эст. tamm «дуб» и т. д. В таком случае дуб – «строительное

дерево». ... **Более убедительным кажется объяснение слова как табуистического образования славян, того же корня, что и дупло, болг. дупка «дыра, нора, яма», нем. tief «глубокий».**⁵ В отношении слова *дерево* выявлено: «общеслав., имеющее точные соответствия в балт. яз. Общеслав. *dervo образовано от основы der- (та же основа на иной ступени чередования выступает в *драть*) с помощью суф. -vo (ср. лит. Derva – «сосна»). ... Первоначальное значение сущ. *дерево* – «то, что выдирается или обдирается, подвергается указанным действиям»⁶.

В «Историко-этимологическом словаре русского языка» П. Я. Черных первоначальное значение слова *дуб* «дерево» утверждается без каких-либо колебаний: «...др.-рус. (с XI в.) – дубъ – дерево вообще ... Покорный (Pokorny, I, 264), нерешительно следуя за Бернекером, относит это слово к группе и.-е. ... «**тёмный**», полагая, что дуб получил своё наименование по *тёмной* (иногда тёмно-бурой) сердцевине (ядру) древесины, или, м. б., это относилось к т. наз. *морённому* дубу, т. е. долгое время находившемуся под водой»⁷.

Как свидетельствуют данные этимологических словарей, первоначальное значение слова *дуб* было «дерево», при этом само слово *дуб*, возможно, является эвфемизмом более древнего *perkъ < и.-е. *perkos (ср. лат. *quercus* 'дуб'), косвенно сохранившемся в праслав. *perunъ. Отмечаются также значения цвета («чёрный», «тёмный», «морённый»), места, в котором объект находится («болото»), «то, из чего строят».

¹ Дуб // Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Выпуск 5: *dēlo – *dyzъlъ / под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1978. С. 141.

² Oak // Маковский М. М. Историко-этимологический словарь английского языка. М.: Диалог, 1999. С. 267.

³ Дерево // Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А–О. С. 180.

⁴ Дуб // Фасмер М. Дерево // Этимологический словарь русского языка. URL: <https://vasmer.slovaron-line.com/3442-DUB> (дата обращения: 07.01.22).

⁵ Дуб // Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. М.: Просвещение, 1971. С. 134.

⁶ Дерево // Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. М.: Просвещение, 1971. С. 123.

⁷ Дуб // Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. С. 272.

Особенности исторических изменений

В «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского слово *дуб* представлено так:

«*дѹбѣ* – *дѹбѣ* – дерево, arbor, δένδρον. Мст. Ев. 1117 г.; Ио. злат. XV в. – колѣ (?) Псков. I л. 6943»¹.

В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» находим такое толкование данной лексемы:

«*ДОУБЪ* (24), -А с. 1. *Дерево: СбТр XII/XIII, 61 об.; Пал 1406, 150 об. 2, Дуб: ПрЛ XIII, 5 в.*»².

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» семантика слова *дуб* представлена шире:

«*ДУБЪ*, м. 1. *Дерево.* (Сл. Ио. Злат.) Усп. сб. 333. XII–XIII вв.; ВМЧ. Апр. 22–30. 702. XVI в. 2. *Дуб.* Правда Рус. (пр.), 112. XIV в. ∞ XII в.; А. гражд. Распр. I, 20. 1492 г. 3. *Дубовые брёвна, дуб как материал.* Воскр. Лет. VIII, 21; Подр. зап. новг., 31. 1693. 4. *Кора или заболонь различных деревьев, употребляемая для дубления.* Кн. прих.-расх. Ант. м. №1, 282. 1585 г.; Кн. прих.-расх. Ант. м. 31, 54. 1646 г. *Дубомъ дѣлати – дубить.* (Кн. прих.-расх. Польск. с.) Арх. Он. 1673 г. *Сладкий дубъ – название растения.* Травник Любч., 99. XVII вв.»³

В «Словаре Академии Российской» отмечено следующее: «Древо въ чѣрномъ лесу самое высокое, толстое и крѣпкое; кора на немъ толстая, истрескавшаяся, съ наружи сѣрая, въ нутри темнокрасная, дерево плотное изъ желта сѣроватое; сучья пушать оно во все стороны пространно...»⁴.

В «Словаре русского языка XVIII в.»:

«1. *Дуб.* Дерево высокорастущее, и довольно извѣстное как по своей величинѣ и толстотѣ, так и по твердости своего тѣла: оно приносит жолуди, чернильные орѣхи; 2. *соби́р.* Дубовая кора, употребляемая для

дубления кож; 3. *Лодка, челнок, чаще выдолбленные из дуба*»⁵.

Рассмотрение значений слова *дуб* в исторических словарях позволяет сделать следующие выводы:

1) в словаре И. И. Срезневского отражается только одно значение данного слова: *дуб* у Срезневского отражён как родовое понятие – «дерево»;

2) в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» представлено два значения этого слова – «дерево» (родовое понятие) и «дуб» (видовое понятие);

3) в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», помимо значений «дерево» (в памятниках XII–XVI вв.) и «дуб» (в памятниках XII–XV вв.), представлены значения «*Дубовые брёвна, дуб как материал.*», «*Кора или заболонь различных деревьев, употребляемая для дубления*»; при этом два последних значения иллюстрируются памятниками XVI–XVII вв.;

4) в «Словаре Академии Российской» отмечены только внешние характеристики дерева;

5) в «Словаре русского языка XVIII в.», кроме характеристики дуба как дерева, совпадающей с представленной в «Словаре Академии Российской» и значения «*дубовая кора, употребляемая для дубления кож*», отражённого в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», дано значение «*лодка, челнок, чаще выдолбленные из дуба*».

Поиски фреймов⁶ во фразеологии

Следующим этапом исследования является работа с этнолингвистическими и фразеологическими словарями. Согласно материалам «Этнолингвистического словаря славянских древностей», *дуб* занимает важное место среди группы слов со

¹ Дуб // Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. I. А–Д. М.: Книга, 1989. С. 740–741.

² Дуб // Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. III / Д–И. М.: Русский язык, 1990. С. 97.

³ Дуб // Словарь древнерусского языка (XI–XVII вв.). Вып. IV / Г–Д. М.: Наука, 1977. С. 368.

⁴ Дуб // Словарь Академии Российской. Ч. 2. Г–З. СПб.: Императорская академия наук, 1790. С. 781.

⁵ Дуб // Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6. Грызться – Древный. СПб: Наука, 1992. С. 101–102.

⁶ Под фреймом (от англ. frame – кадр, рамка, каркас) мы имеем в виду, вслед за Е. Г. Беляевской, «комплекс знаний об обозначаемом, фиксируемый в языковом коде» Цит. по: Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 87–110.

значением «растения, связанные со славянской святочной традицией»¹.

В «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова встречаются следующие устойчивые выражения:

1) «**●ДУБОВАЯ БАШКА; ДУРЬЯ БАШКА**. См. голова.»²; «Прост. тупой, бестолковый человек, тупица»³;

2) «**ДАТЬ ... ДАТЬ ДУБА / ДАВАТЬ прост. умереть**»⁴.

Известны выражения *с дуба рухнуть* «сойти с ума, рехнуться, сделать глупость»⁵, *дуб зелёный* (фразеологизм из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»⁶

В. П. Жуков в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» приводит цитату из известного произведения Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», в которой представлен ряд фразеологических синонимов, являющихся, по мнению автора, «хорошим примером концентрации глагольных фразеологизмов, передающих идею смерти»: «Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой. Вы, считается, ежели, не дай бог, помрёте, что **в ящик сыграли**. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, **приказал долго жить**. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: **перекинулся или ноги протянул**. Но самые могучие когда поми-

рают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что **дуба дают**. Так про них и говорят: «А наш-то, слышали, **дуба дал**»⁷.

В словаре встретились выражения:

1) «**...ДУБОВАЯ (ЕЛОВАЯ) ГОЛОВА (БАШКА)** (*прост., презр.*) ... преимущ. употр. в знач. обращения. Глупый, бестолковый человек»⁸.

2) «**...ОДНОГО ДУБА ЖЁЛУДИ** (устар., разг.). Сказ. и (реже) *обст.* Употр. при подл. со знач. лица. Очень похожи друг на друга в каком-л. отношении, в особенности своими недостатками»⁹.

В словаре В. Н. Телия отмечены три фразеологические единицы: «давать дуба – умереть», «дать дуба – умереть», «дубина стоеросовая – глупый, непонятливый; дурак, болван»¹⁰.

«Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» содержит такую статью: «ДУБ • ДАТЬ ДУБА. *Грубо-прост. Умереть*. 1. Выражение возникло на русской почве и связано с глаг. *задубеть, задубенеть* "остыть, потерять чувствительность, сделаться твёрдым". КЭФ 1979, №3, 67; Опыт 1987, 41. 2. Выражение возникло на юге России. Можно предполагать, что под дубом хоронили умерших, а может быть, образ оборота и иной. Любопытно лишь то, что дерево – символ долголетия – стало использоваться для обозначения смерти. Гвоздарев 1982, 31»¹¹.

Есть несколько версий возникновения выражения «дать дуба» по народным источникам: «Согласно первой, оборот про-

¹ Этнолингвистический словарь славянских древностей: проект словника. Предварительные материалы / под ред. Н. М. Толстого, А. В. Гуры, О. А. Терновской, С. М. Толстой. М., 1984. С. 31.

² Дубовая башка; дурья башка // Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. М.: Русский язык, 1986. С. 33

³ Дубовая голова [башка] // Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. М.: Русский язык, 1986. С. 112.

⁴ Дать ... дать дуба / давать // Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. М.: Русский язык, 1986. С. 127.

⁵ С дуба рухнуть // Елистратов В. С. Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. С. 122–123.

⁶ Дуб зелёный // Ратушная Е. Р. Словарь крылатых слов. URL: http://xn--g1arj2c.xn--p1ai/kryla/tu/u_lukomorja_dub_zelenyj.html (дата обращения: 10.08.2023)

⁷ Жуков В. П., М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987. С. 7.

⁸ Дубовая (еловая) голова (башка) // Жуков В. П., М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987. С. 150.

⁹ Одногодубажелуди // Жуков В. П., М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987. С. 136.

¹⁰ Фразеологический словарь Е. Н. Телия <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraselogical-dictionary/index.htm> (дата обращения: 22.12.23).

¹¹ Дуб • дать дуба // Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-пресс, 1998. С. 169–170.

изошёл от глагола задубеть (замёрзнуть, окоченеть). Согласно второй версии, выражение возникло на юге России, где существовала древнеславянская традиция хоронить умерших под дубом.

Исходя из трактовок, следует, что значения фразеологизмов со словом *дуб*, а также с однокоренными ему словами, связаны с негативными качествами человека и смертью (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Сопоставление значений слов с корнем «-дуб-», входящих в состав фразеологизмов

Фразеологизм	Значение
<i>дубовая (еловая) голова</i>	«глупый, бестолковый человек» (прост., презр.) (В. П. Жуков); «тупой, бестолковый человек, тупица» (А. И. Молотков)
<i>дать дуба</i>	«сыграть в ящик», «приказать долго жить», «протянуть ноги» (А. И. Молотков), «рехнуться» (В. С. Елистратов), «умереть» (Е. Н. Телия), «остыть, потерять чувствительность, сделаться твёрдым» (В. М. Мокиенко)
<i>одного дуба жёлуди</i>	= похожи, в особенности своими недостатками (А. И. Молотков)
<i>У лукоморья дуб зелёный</i>	начало сказочных историй (Е. Р. Рагушина)

Значения фразеологизмов со словами *дуб*, *дубовый*, отмеченные во фразеологических словарях, отражаются и в рассмотренных толковых словарях.

Фразеологизм «дубовая башка» возник в результате образного переосмысления прямого значения слова *дуб* «крепость»: в крепкую, подобно дубу, голову трудно пробиться разумным мыслям. Ср. также «дуб», *дубина* в переносном значении «глупый, бестолковый человек».

Выражение «дать дуба» имеет несколько интерпретаций, связанных с древними представлениями восточных славян и славянской мифологией (см. ниже).

Ассоциативное поле концепта *дуб/вечное (мировое) дерево* в христианских и языческих источниках

В Бытии читаем следующие строки о вечном древе: «Произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла»¹. Рассмотрим тексты, где фигурирует *дуб*.

Дуб, как и древо познания, находится в центре какого-либо пространства: дерево с запретными плодами находится посреди рая, а древо жизни, согласно языческому мифу о сотворении мира, посреди

водоёма: «Посреди моря стоит *дуб*. Корни его – на глубоком дне, ствол возвышается над гладью морской, а крона вознеслась к небу!»², т. е. *дуб* изначально – центр мироздания (прежде, чем Прабог и Демон создали землю, согласно мифу, вокруг дерева было только море). Предположительно, образы *дуба* и *вечного древа* синонимичны. Эта мысль утверждается в работе М. А. Лазарева: «мировое древо – *дуб* для русских» [6, с. 43]. В мифологическом сознании, согласно исследуемым мифам, *дуб* ассоциируется с вечным/мировым деревом и является центром мироздания. К сожалению, установить хронологические рамки не представляется возможным, т. к. речевой материал представляет собой мифы и легенды, узнать историю возникновения, которых невозможно.

Солнечный *дуб*, расположенный «вверх корнями», согласно сказанию о Свароге, пересказанном А. Асовым, символизировал самого бога солнца Сварога³. В исследовании А. Л. Барковой отмечается, что «*дуб* был священным деревом громовержца ... и неудивительно, поскольку именно в *дуб* бьёт молния» [2, с. 63].

² Слушны Я. Славянские мифы и легенды. М.: Аст, 2022. С. 23.

³ Асов А. Мифы славян. Большая книга сказаний. М.: Амрита-Русь, 2021. С. 15.

¹ Книга Бытия. Глава 1. 2:9.

Поклонение дубу в восточнославянской и античной мифологии стало предпосылкой для создания ореола «святости» вокруг этого дерева: «Почитание дубов у восточных славян до XVIII – XIX вв. сохраняло кое-где религиозный характер: возле них служили молебны, совершали бракосочетания, обращались к ним в заговорах ... белорусы Минской губернии рассказывали легенду о том, что давным-давно «рос на одной полянке “стародавний дуб” очень больших размеров. Если кто, бывало, ударит его топором, то непременно с тем случалось несчастье»¹.

С этой традицией почитания дуба, заступающей рубить, ломать священное дерево, связано возникновение слов с отрицательной коннотацией **дуболом**, **дуботолк** «глупец» – ‘тот, кто /смеет/ ломать, толкать дуб, глупец’²

Дуб (или «*мировое древо*»), который славянский исследователь славянских мифов Яромир Слушны называет «началом плана о сотворении мира»³, в теологическом понимании, соединял три части мира: небеса (крона), землю (ствол), преисподнюю (корни). Влх. Богумил (Владимир Голяков), исследователь славянской языческой культуры, развивая мысль о значимости дуба как ритуального предмета, утверждает: «Дуб выступает главным репрезентантом мирового древа, моделирующего Вселенную с её тремя мирами, а также её центр ... Поскольку потусторонний мир представляется миром наоборот, то вполне уместно появление соответствующего ему образа дуба ... растущего вверх корнями» [3, с. 98]. И. Я. Пак подтверждает эту мысль: «В мифологии сохранились предания о мировом древе, ветви которого достигают подземного царства, а корни упираются в небо» [7, с. 9] (см. рис. 1):

Рис. 1 / Fig. 1. Мировое древо / World Tree

Источник: Мировое древо из славянской мифологии. URL: <https://photo.99px.ru/photos/202851> (дата обращения: 08.01.23).

Прим.: автор изображения неизвестен. Предположительно, крона дерева символизирует рай с райскими птицами Алконостом и Сирином, волк находится посередине как символ перехода из живого мира в мир мёртвых, змей на корнях – символ преисподней.

Н. А. Красе представляет другую точку зрения: дуб связывается не с раем, адом и реальным миром, а со временем: «... “мировое древо” в мифологии славян связано с тремя уровнями: нижний (корни) – прошлое, средний (ствол) настоящее, верхний (крона) – будущее» [5, с. 41].

Интерес представляет и фрагмент исследования Влх. Богумила, посвящённого образу Кося Бессмертного, в котором сообщается о народном поверье о дубе, почерпнутом из сохранившихся записей сказок и словарных статей: «Считается, что такой [выращенный из посаженного жёлудя] дуб, сравнившись по высоте с человеком, его посадившим, отнимает у последнего жизненную силу и в конечном итоге

¹ Дуб // Мифы, сказки и язычество славян. URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/107.htm> (дата обращения: 07.01.2023).

² Александрова З. Е. Словарь синонимов. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 78.

³ Слушны Я. Славянские мифы и легенды. М.: Аст, 2022. С. 24.

приводит его к смерти» [3, с. 99]. Автор упоминает, что в Полесье считалось, что посаженный рядом с домом дуб «выживал» людей из дома: так, в одной из сказок «смерть Кощея связана с гибелью дерева», сама смерть Кощея «скрыта» в дубе [3, с. 99]. Так «опора мира», *мировое дерево*, становится вместилищем смерти владыки подземного мира и сосудом, «высасывающим» жизнь других мужчин, что связывает этот символ с концом жизни.

Как было отмечено ранее, дуб связывался со смертью. В открытых источниках исследователи делают следующими комментариями, к сожалению не подкреплёнными фактами. Не исключено, что выражение «дать дуба» связано с древней традицией хоронить людей в дубовых гробах: ещё при рождении за человеком закрепляли дуб в роще («давали дуба»), предназначенный для будущего захоронения, так как дуб отличался крепостью и не подвергался быстрому гниению¹. Предположительно также, что выражение связано с магическим языческим лечением, описанным А. Барковой, – пролезанием через щель дуба: «ритуал пролезания через щель подразумевал, что края щели, словно зубы или когти, сдерут с человека болезнь» [2, с. 65]. При этом, как отмечалось выше, одно из значений дуба «моренный», «тёмный», что в языческую эпоху воспринималось как символ зла, несчастья.

Можно выдвинуть несколько вероятных этимологий фразеологизма *дать дуба*:

1) быть поражённым болезнью / смертью, как молнией = стать подобным дубу. Н. А. Красе подтверждает эту мысль: «дуб может быть описан как больной, отживший, связываться с мотивом горения как символа страдания» [5, с. 43];

2) не пройти обряд, застрять внутри дуба, символизировавшего собой границу между преисподней, небом и землёй – стать жертвой для дуба, напоминающего пасть ада;

3) стать неподвижным, словно дуб, представляющий собой как символ миро-

здания в языческом понимании, так и просто дерево с мощной корневой системой, которое не так легко выкорчевать, т. е. *дать дуба* = «преподать другим себя в неподвижном / мёртвом состоянии»;

4) связано с древней традицией хоронить знатных людей в дубовых гробах, выдолбленных из цельного дерева; ещё при рождении за человеком закрепляли дуб в роще («давали дуба»), предназначенный для будущего захоронения.

Заключение

1. Концепт «дуб» требует дополнительного исследования, поскольку в данной статье отразились несколько идей автора, которые предполагаем интересными для лингвокультурологии и имеющими теоретическое значение.

2. Семы 'прочность', 'крепость', 'долговечность', присущие семантической структуре лексемы дуб, послужили основанием для восприятия этого дерева в языческой и христианской языковой культуре как «вечного/мирового дерева».

3. Как свидетельствует словарь XII–XVI вв., слово дуб имело значение не только разновидности дерева «дуб», но и обозначало родовое понятие «дерево», и в этом значении было синонимичным и самому слову *дерево* – в дальнейшем гиперониму. Данное значение отмечается и в этимологических словарях.

4. Праславянское слово **dǫbъ*, по версии авторов «Этимологического словаря славянских языков», является эвфемизмом более древнего наименования дерева **perкъ*, связанного с именем языческого бога Перуна. Согласно исследованиям этимологов (П. Я. Черных, М. Фасмер, Н. М. Шанский), номинация дуб также связана с колоративами «чёрный», «тёмный» и значением «то, что обдирается».

5. Фразеологизмы со словом дуб имеют отрицательные коннотации, а также значения, связанные со смертью: *дубовая башка*, *одного дуба жёлуди*, *дать дуба* и др.

6. Устойчивое выражение *дать дуба* может быть связано как с замерзани-

¹ Дать дуба // Материал из Викицитатника. URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki> (дата обращения: 07.01.22).

ем / неподвижностью дуба (задубеть «закоченеть», «стать жёстким, негибким», ср. значение слова *дубак* «сильный мороз»), так и с языческими представлениями о поражении молнией Перуна, в процессе совершения обряда застревании в дубе, символизирующем пасть ада; дуб также ассоциировался со смертью мужчин, в том числе Кощея, т. е. имел функцию «высасывания жизни», что также может служить одной из версий появления данного выражения. Фразеологизм мог иметь исторические корни, связанные с традицией захоронения знатных людей в дубовом гробу, сделанном из дуба, посаженного конкретно для этого человека при его жизни. Этот фразеологизм мог быть связан с пустотой, т. е. с идеей о том, что тело человека становится «пустым» после смерти.

7. Слова *дуболом*, *дуботолк* со значением «дурак» (по З. Ю. Александровой)

связаны с языческой языковой картиной мира, согласно которой губить священное дерево мог только лишённый ума человек.

8. В мифологическом сознании русского человека образ *дуба* (или *вечного/мирового древа*) представляется по-разному: 1) соединяет три части мира: небеса (крона), землю (ствол), преисподнюю (корни); 2) в понимании потустороннего мира – «мира наоборот»: ветви «достигают подземного царства», «а корни упираются в небо»; 3) связан с болезнями и смертью человека: *дуб*, посаженный рядом с домом, отнимает у человека жизненную силу и приводит к смерти.

9. Концепт «дуб / мировое (вечное) дерево», отражающий языковую картину мира русского человека, является предметом дальнейшего изучения на материале новых, ещё не исследованных источников.

Статья поступила в редакцию ???.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь: сборник статей / под ред. Л. В. Щербы. Л.: Академия, 1928. С. 28–44.
2. Баркова А. Л. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 248 с.
3. Богумил Влх. Кощей Бессмертный. Владыка загробного мира в мифологии славян. М.: Велигор, 2022. 232 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Красе Н. А. Механизмы символизации русского времени в концептуальном поле «мирового дерева» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2007. №3. С. 40–44.
6. Лазарев М. А. Мифологическая картина мира // Гуманитарное пространство. 2017. Т. 6. №2. С. 269–282.
7. Пак И. Я. Языковое воплощение образа дерева/растения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 26 с.
8. Сивова Т. В. Дендронимический код произведений Паустовского через призму цвета. Концепт *дуб* // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы IV Международной научно-практической конференции / Минск, 19–20 марта 2020 года / под ред. О. Г. Прохоренко. Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 427–432.
9. Хажина Р. В., Ижбаева Г. Р. Репрезентация концепта «дуб» в произведениях М. Карима и Л. Н. Толстого // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы XII Международной научно-практической конференции / Уфа, 14 декабря 2017 года. Том II. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет, 2018. С. 185–187.
10. Фрумкина Р. Ф. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. Серия 2. 1992. № 3. С. 11–18.

REFERENCES

1. Askoldov S. A. [Concept and word]. In: Shcherba L. V., ed. *Russkaya rech: sbornik statej* [Russian speech: collection of articles]. Leningrad, Akademiya Publ., 1928, pp. 28–44.
2. Barkova A. L. *Slavyanskije mify. Ot Veleša i Mokoshi do pticy Sirin i Ivana Kupaly* [Slavic myths. From Veles and Mokosha to the bird Sirin and Ivan Kupala]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2022. 248 p.

3. Bogumil Vlh. *Koshchej Bessmertnyj. Vladyka zagrobnogo mira v mifologii slavyan* [Koschei the Deathless. Lord of the underworld in Slavic mythology]. Moscow, Veligor Publ., 2022. 232 p.
4. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
5. Krase N. A. [Mechanisms of symbolization of Russian time in the conceptual field of the “world tree”]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of the Russian Peoples’ Friendship University]. 2007, no. 3, pp. 40–44.
6. Lazarev M. A. [Mythological picture of the world]. In: *Gumanitarnoe prostranstvo* [Humanitarian space], 2017, vol. 6, no. 2, pp. 269–282.
7. Pak I. Ya. *Yazykovoe voploshchenie obraza dereva/rasteniya v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic embodiment of the image of a tree/plant in the Russian language: abstract of Cand. Sci. thesis in Philology]. Tomsk, 2006. 26 p.
8. Sivova T. V. [Dendronymic code of Paustovsky’s works through the prism of color. Concept oak]. In: Prohorenko O. G., ed. *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul’turologiya: aktual’nye voprosy i perspektivy razvitiya: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Minsk, 19–20 marta 2020 goda* [Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: current issues and development prospects: materials of the IV International Scientific and Practical Conference / Minsk, March 19–20, 2020]. Minsk, Belarusian State University, 2020, pp. 427–432.
9. Hazhina R. V., Izhaeva G. R. [Representation of the concept “oak” in the works of M. Karim and L.N. Tolstoy]. In: *Gumanisticheskoe nasledie prosvetitelej v kul’ture i obrazovanii: materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Ufa, 14 dekabrya 2017 goda* [Humanistic heritage of enlighteners in culture and education: materials of the XII International Scientific and Practical Conference / Ufa, 14 December 2017]. Vol. II. Ufa, Bashkir State Pedagogical University, 2018, pp. 185–187.
10. Frumkina R. F. [Conceptual analysis from the point of view of a linguist and psychologist]. In: *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Seriya 2* [Scientific and technical information. Series 2], 1992, no. 3, pp. 11–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулакова Виктория Александровна – аспирант кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации факультета русской филологии Государственного университета просвещения; учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 1 г. о. Реутов;
e-mail: strawberrywishmaster@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria A. Kulakova – Postgraduate Student of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics, Faculty of Russian Philology, Federal State University of Education; teacher of the Russian language and literature, Secondary School no. 1 of Reutov;
e-mail: strawberrywishmaster@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кулакова В. А. Особенности экспликации концепта «дуб» в языковой мифологической картине мира // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 50–61.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-50-61

FOR CITATION

Kulakova V. A. Features of the Explication of the Concept “Oak” in the Linguistic Mythological Picture of the World. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 50–61.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-50-61

УДК 81-112.2

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-62-74

ЖАНРОВЫЙ ПОДХОД К НАУЧНОМУ ТЕКСТУ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 80-Х–90-Х ГГ. XX ВЕКА

Кытманова Е. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Данная статья является продолжением публикации «Становление жанрового подхода к научному тексту в 60-х–70-х гг. XX века» и ставит своей целью проследить развитие понимания жанра и выработки методов его исследования на материале языка науки в отечественном языкознании в 80-х–90-х гг. XX в.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ научных работ в области стилистики текста, функциональной стилистики и поэтики, затрагивающих проблему жанра как такового и жанра научного текста. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и сравнительный анализ.

Результаты. В результате анализа научной литературы на протяжении двух десятилетий (1980–1990-е гг.) было установлено, что в отечественных исследованиях научного текста произошёл отход от естественнонаучной парадигмы без учёта специфики текстовой деятельности, подразумевающей субъекта, к антропоцентрической, для которой понятие речевого жанра стало одним из ключевых в объяснении механизмов порождения и интерпретации речи, а также многообразие типов текста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представление о возможностях и перспективах изучения научного текста в свете жанрового подхода.

Ключевые слова: жанр, когнитивный подход, коммуникативный подход, научный текст, стилистика текста, теория речевых жанров, функциональная стилистика

GENRE APPROACH TO SCIENTIFIC TEXT IN RUSSIAN LINGUISTICS IN THE 1980S–1990S

E. Kytmanova*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region 141014, Mytishchi, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article continues the study “The Formation of Genre Approach to Scientific Text in Russian Linguistics in the 1960s–1970s” and aims to trace the further development of genre studies in Russian linguistics of the 1980s–1990s, specifically the search for methods of genre analysis based on scientific text material.

Methodology. The research focuses on the analysis of the works on text stylistics, functional stylistics and poetics considering the problem of genre in general and the genres of academic text in particular. The study is conducted through observation, generalization, interpretation of the results and comparative analysis.

Results. It was found out that national academic text studies of the period under consideration shifted their focus from the natural science perspective, which does not take into account either the specific-

ity of text activity or its agent, to the anthropocentric one. The latter used 'speech genre' as one of the key concepts explaining the mechanisms of producing and interpreting speech, and multiplicity of text types.

Research implications. The obtained results may broaden the horizons of scientific text studies from genre perspective.

Keywords: genre, cognitive approach, communicative approach, academic text, text stylistics, speech genres theory, functional stylistics

Введение

В статье «Становление жанрового подхода к научному тексту в отечественном языкознании 60-х–70-х гг. XX века» [16] нами было отмечено, что понимание жанра в лингвистике развивалось в ходе эволюции самой науки о языке, выразившейся прежде всего в появлении новой дисциплины – лингвистики текста, расчлениении стилистики и выделении в её рамках функциональной стилистики и стилистики речи, а также под влиянием как смежных (литературоведение, а именно историческая поэтика, теория перевода, методика преподавания иностранных языков, книговедение), так и весьма далёких от языкознания дисциплин, таких как науковедение и информатика.

В последующие два десятилетия намечившиеся в 1970-х гг. процессы дифференциации и интеграции продолжали интенсивно развиваться. Стилистика речи породила стилистику текста и коммуникативную стилистику текста, сопоставительную и контрастивную стилистику; функциональная стилистика расширилась до рамок речеведения и коллоквиалистики, на стыке психологии, социологии, когнитивистики и культурологии возникли соответственно психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика и лингвокультурология. На фоне всего этого динамического преобразования лингвистики, взявшей курс на антропоцентризм, находит свою дисциплинарную нишу и учение о жанрах, актуализируясь в генристике и жанроведении.

Именно в рамках жанроведения изучение текста получает новый стимул развития, поскольку вырывает жанр из сферы стиля, позволяет рассматривать жанр как

отдельный объект исследования, выходящий за рамки системы языка, концептуализировать понятие «жанр», построить его модель и типологию на научных, а не книгоиздательских принципах, что особенно актуально в такой бурно развивающейся деятельности, как научная.

Цель данной статьи – показать, как через развитие и сочетание коммуникативных, когнитивных и культурологических теорий в языкознании формируется лингвистическое понимание жанра, а жанроцентрический подход к тексту осознаётся как наиболее эффективный способ изучения механизмов порождения и интерпретации речи, а также речевой вариативности языка вообще и языка науки в частности.

От логического анализа текста к речевым жанрам

По замечанию В. В. Дементьева, «введение в исследовательский аппарат понятия речевого жанра и принципов речеговрового анализа стало продолжением прагматизации лингвистических исследований, которая широко распространилась уже в конце 1970-х – начале 1980-х гг.» [8, с. 174]. Прежде всего это выразилось в поиске единиц речи, который особенно активно вёлся в рамках лингвистики текста.

Лингвистика текста значительно стимулировала жанровые исследования, поскольку сделала текст в его цельности объектом лингвистического анализа, однако предметом её изучения была преимущественно не семантика, а структура текста, его формальные конструирующие элементы и абстрактные категории.

Объединение структурного и семантического принципов проявилось в поиске единиц речи и в изучении композиции в рамках функциональной стилистики и

стилистики текста. Набор таких единиц был достаточно широк: функционально-смысловые типы речи [17], стилистические единства [10], логические единства [18], композиционно-речевые формы¹. Две последние единицы вызывают наибольший интерес, поскольку их авторы связывали эти речевые целостности с понятием жанра.

Так, В. В. Одинцов, опираясь на достижения психологической науки и формальной логики, установил, что функционально-смысловые типы текстов монологической речи представляют собой «логические единства», типология которых строится с учётом характера развёртывания «смыслового пункта» текста, который может быть представлен либо понятием, либо суждением (тезисом) [18, с. 87]. Так были выделены *определение, умозаключение, описание, сообщение* и их соответствующие усложнённые трансформации: *объяснение, рассуждение, характеристика, повествование* [18, с. 93].

Примечательно, что выделение простейшего типа (определение) и его трансформации (объяснение) было новым в теории композиции, опиравшейся в сегментации текста на традиции риторики, в которой изучались преимущественно художественные и публицистические тексты, а не научные и учебные, в которых данное явление и встречается.

Считая, что в сущности «текст любого объёма может быть сведён к короткому высказыванию – тезису, а построение текста предстаёт как процесс развёртывания этого тезиса», Одинцов отметил, что тексты, принадлежащие к разным жанрово-стилистическим типам, имеют различные схемы развёртывания тезиса (тематического ядра, смысловой опоры), т. е. разные композиционно-структурные формы, в которых «предметно-логические отноше-

ния трансформируются, подчиняясь стилистическому (коммуникативному) заданию» [18, с. 120; 133].

Таким образом, композиции как способу группировки не только структурных, но и содержательных элементов, придавалось основное значение в процессе построения текста определённого типа. Важность данного вывода нашла отражение и в учебном пособии², где приоритетное внимание уделяется композиционно-структурным типам речи и даётся определение жанра: «... жанр можно определить как выделяемый в рамках того или иного функционального стиля вид речевого произведения, характеризующийся единством конструктивного принципа, своеобразием композиционной организации материала и используемых стилистических структур»³.

Иная концепция жанра и стиля представлена в трудах М. П. Брандес⁴, которая, хотя и опирается на теорию высказывания М. М. Бахтина [4], не стремится к поиску единиц речи, но рассматривает речевое общение как деятельность, результатом которой является речевое произведение, текст. В рамках целостного речевого произведения, понимаемого как система, выделяются две функциональные подсистемы: жанровая (предметная) и стилевая (оценочная). Будучи подсистемой речевого произведения, жанр трактуется и как форма его существования, и как норма (совокупность правил построения речевого произведения), и как деятельность (структурирует предметное содержание).

Как и для любой другой деятельности, для осуществления жанровой деятельности необходимы «орудия», под которыми Брандес понимает «композиционно-рече-

¹ Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1983. 271 с.; Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка): учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 127 с.

² Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.

³ Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. С. 156.

⁴ Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1983. 271 с.; Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка): учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 127 с.

вые формы, тональности и архитектурно-стилевые формы»¹.

Вывод о существовании композиционно-речевых форм (КРФ), под которыми понимаются «типовые формы, схемы повторяющихся формальных черт», являющиеся «системами языковых объединений, отвлечёнными от конкретных проявлений речи, однородными формами словесной композиции»² роднит исследование Брандес с научными выводами Одинцова о логических единствах с той разницей, что Брандес считает, что данные формы имеют «природное»³ происхождение, являясь реальными формами, в которых протекает речемыслительный процесс, а не теоретическими конструктами. Тем не менее, номенклатура КРФ у двух авторов практически совпадает: это старые риторические формы: описание, повествование и рассуждение, которым придаётся новое содержание. Данные формы рассматриваются как наиболее общие формы, отражающие структуру процесса мышления, типы и способы связи элементов мысли между собой и мыслей друг с другом, и «формы коммуникации, которые сообщают мыслям движение и определённый объективный порядок»⁴.

Установление связи жанра с человеческой продуктивной деятельностью, а также с процессами мышления и коммуникации было шагом вперёд в развитии жанровой теории. Это позволяло структурировать жанр, описать его важнейшие когнитивно-коммуникативные характеристики для построения типологии, однако отсутствие строгой дефиниции жанра в рамках конкретного исследования часто приводило к подмене понятий, ошибкам в понимании

природы жанра, его важнейших свойств. Так, отождествление жанра с речевым актом, которое мы наблюдаем не только в трудах Брандес, но и многих других исследователей⁵, которое явилось следствием ошибочного сближения теории высказывания М. М. Бахтина с теорией речевых актов Остина-Сёрля, лишило жанр таких характеристик, как типичность и историко-культурная обусловленность.

«Для речевого жанра, – пишет Брандес, – характерен момент человеческой деятельности вообще, безотчетательно к его конкретно-исторической определённости; для стиля характерно развёртывание этой деятельности на почве живой исторической действительности, конкретного общественного бытия людей, опосредованного социальными (классовыми и другими) характеристиками»⁶.

Создаётся ощущение, что в каждом акте речи говорящий создаёт новый жанр, в то время как у Бахтина утверждается, что «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [4, с. 250].

Ещё одним моментом расхождения теории речевых актов и теории речевых жанров Бахтина является то, что важным для Бахтина в высказывании является не цель, а оценка говорящим предмета своей речи: «высказывание, его стиль и его композиция определяются его предметно-смысловым моментом, т. е. оценивающим отношением говорящего к предметно-смысловому содержанию высказывания» [4, с. 285].

В этом плане в рамках литературоведения идеи Бахтина были поняты лучше. Так, Л. В. Чернец отметила: «Заслугой Бахтина было доказательство содержательного своеобразия жанров. В его интерпретации

¹ Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1983. С. 56.

² Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка): учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. С. 94.

³ Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1983. С. 57.

⁴ Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка): учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. С. 94.

⁵ Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 412–413, [5; 36].

⁶ Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1983. С. 57.

жанры представляли не как комбинации формальных приёмов, но как формы «видения и осмысления определённых сторон мира» [34, с. 80]. Таким образом, содержание жанра по Бахтину – это проявление не иллюкативной силы, а мироощущения автора.

К концу 1980-х гг. начинает подвергаться сомнению тот факт, что стиль можно считать надёжным основанием для классификации текстов, поскольку не существует единой всеми признанной номенклатуры стилей, чётких границ между ними и общего мнения о том, какие экстралингвистические факторы можно считать стилеобразующими, поскольку исследователи «выделяют их на основании интуиции, а выделив, по-разному осмысливают их экстралингвистическую основу» [25, с. 42]. Наблюдавшиеся на всех уровнях языка взаимопереходы средств из одного стиля в другой подводили исследователей к мысли, что «именно жанрово-коммуникативная типология внутри функционального стиля ... даёт определённые гарантии по возможности полного и реалистического учёта стилевой специфики исследуемых текстов» [25, с. 60], а «реальной первичной ячейкой стиля, обладающей определёнными конституирующими признаками, является текст как жанровая форма речи» [25, с. 133].

Жанр «определяется как образчик высказывания (текста), характеризующийся типическим распределением и соединением (согласование, контраст, количественная пропорция, расположение относительно друг друга и проч.) разных по стилистическому значению средств языка, что обусловлено экстралингвистическими и внутриязыковыми (традиция употребления) факторами» [25, с. 57]. Была также сделана попытка выделения жанрово-конституирующих признаков на основе «коммуникативного задания». К жанровым признакам текстов были отнесены: объективность – субъективность формы изложения, однотемность – многотемность, объём текста, композиция текста, наличие в речевой структуре текста элементов раз-

говорности, синтаксической экспрессивности, художественной изобразительности [25, с. 133].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. возникает понятие «дискурс» и происходит его размежевание с понятием «текст». Под текстом стали понимать преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, а под дискурсом – различные виды её актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами, и формами этой актуализации, как и в случае со стилем, опять-таки явились жанры. Как справедливо заметила исследователь А. Н. Тарасова, «очевидно, что изучение какого-либо типа (подтипа) дискурса не может обойтись без анализа его жанровой системы» [27, с. 330].

Таким образом, поиск единиц речи в стилистике текста и функциональной стилистике, опора на теорию речевых актов Остина-Сёрля и теорию речевых жанров Бахтина, а также дискурс-анализ привели к существенным сдвигам в лингвистических исследованиях жанров и не могли не отразиться на исследовании научного текста.

1980-е годы

Исследования научного текста в 1980-е гг. проходят на волне всеобщего увлечения коммуникативным подходом к исследованию языка и стиля. В эти годы появляются работы, посвящённые отдельным научным жанрам, как письменным (рецензия [15; 23; 29], обзор, реферат [5; 20] и автореферат диссертации [24]), так и устным жанрам (лекция [1] и доклад [13; 35]).

Наибольшее количество работ, как видно из списка, было посвящено жанру научной рецензии, однако основной интерес учёных заключался не в определении границ или содержания жанра, который *a priori* рассматривался то как «малый» жанр научного текста, то как «микропроизведение» [29, с. 3–4], а модальность, поиск способов выражения отрицательной оценки.

Интересен также вывод авторов, что «отрицательная оценка выражается не только эксплицитно, при помощи слов, как бы специализированно употребляющихся с этой целью в научной рецензии, но и логически, т. е. раскрываясь на основе наших фоновых знаний» [29, с. 21] и представляет собой как бы выводное суждение [23], что, с нашей точки зрения, позволяет судить о жанрообразующих возможностях композиции, исследования которой также были весьма многочисленны и плодотворны в рассматриваемый период¹.

Так, композиционные особенности научного письма были рассмотрены в работе Л. А. Строительевой [26]. Автор предполагает выделение внутренней структуры (содержательный аспект), внешней (формальный) и содержательно-формальной в виде трёх типов рассуждения, взаимодействие которых и обуславливает композицию научного письма, причём акцент делается на структурном аспекте текста, т. е. на формальном способе членения и соединения отрезков текста (абзацев), а не на содержательно-формальном (рассуждении) [19; 26].

Исследователь А. П. Девкин, напротив, уделил внимание таким композиционно-речевым формам научного текста, как определение и объяснение. Используя структурно-семиотические методы анализа, учёный убедительно показал, как коммуникативно-функциональная установка КРФ влияет на её синтактику и семантику [6]. При рассмотрении текста с коммуникативных позиций в рамках стилистики декодирования автор пришёл к выводу о различении двух видов прагматики: адресатной (перцептивной) и адресантной (генеративной), которые, соответственно определяют модели адресата и адресанта, заложенные в глубинной структуре текста, причём наиболее выраженным в исследованиях КРФ является фактор адресата.

Исследователь Н. А. Якубова, опираясь на труды М. П. Брандес, увязала композиционно-речевые формы не только с текстом, но и с жанром, считая их «опе-

рациональным средством создания текста определённого жанра» и показав связь между КРФ и синтаксическим рисунком текста в жанре научного доклада [35, с. 139].

Можно утверждать, что с середины 1980-х гг. в изучение научного текста прочно вписывается категория «жанр», что находит отражение в названиях сборников научных статей, выпускаемых кафедрой иностранных языков АН СССР, однако при этом жанр не описывается как имеющий собственную природу объекта, а рассматривается как форма вариативности функционального стиля².

В рамках данного понимания жанра продолжают попытки решить проблему неоднородности стиля. Одной из таких попыток является модель «полевой структуры стиля» в трудах Е. С. Троянской [29; 30; 31]. Исследователь экстраполирует литературоведческие представления о родах и жанрах литературы на функциональные стили, выдвигая понятия «полевой структуры жанра» и «полевой структуры стиля». Первое связано со значимостью и представленностью той или иной жанровой разновидности в общем объёме публикаций данного жанра, в то время как в понятии «полевой структуры стиля» акцент делается на лингвостилистических особенностях различных слоёв стиля, зависящих от жанров и жанровых разновидностей, составляющих данный слой. Троянская различает «ядерные» и «периферийные» жанры в зависимости от степени их представленности в системе стиля [30]. При всём новаторстве данной типологии для рассматриваемого периода недостатком её всё же было то, что она не основывалась на жанровом подходе, отражая лишь место жанровых разновидностей в абстрактной системе стиля, но не их роль в коммуникации. Тем не менее, данная типология жанров была востребована в мето-

¹ См. исследования композиции [25], единиц текста [18] и композиционно-речевых форм [6; 27].

² Научная литература: язык, стиль, жанры / отв. ред. М. Я. Цвиллиг. М.: Наука, 1985. 336 с.; Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности / отв. ред. М. Я. Цвиллиг. М.: Наука, 1989. 184 с.

дике обучения иностранным языкам и изменялась для решения ряда практических задач в методике обучения иностранным языкам [31].

Недостатки классификации, очевидно, объясняются тем, что необходимо было проделать работу даже не по самой классификации, а по созданию принципов классификации: способов выделения типологически отмеченных дифференциальных признаков жанров. Поэтому исследования в области композиции и сегментации текста на дифференциальные отрезки, которые в цепочке создают композицию произведения, были более продуктивными.

Если принять во внимание теорию Б. А. Успенского, согласно которой в основе композиции лежит «точка зрения» – отношение субъекта к объекту – и которая может рассматриваться в идейно-ценностном плане, в плане пространственно-временной позиции лица, производящего описание событий, а также в чисто лингвистическом смысле [32], то большинство работ по стилистике научного текста в рассматриваемый период, включая исследования рецензии, были посвящены именно композиции, демонстрируя попытку нового, не структурно-формального, а структурно-семиотического подхода к анализу произведений речи [28].

В целом, безуспешность изучения жанра на этапе 1960-1980-х гг. можно объяснить попытками его изучения в естественнонаучной парадигме, без учёта специфики текстовой деятельности, подразумевающей субъекта, открытие которого произойдёт лишь в конце периода с появлением теории языковой личности и когнитивных исследований в лингвистике.

1990-е годы

Новый этап в становлении жанрового подхода приходится на 1990-е гг., когда в отечественной лингвистике усиливается новая направленность, связанная с ориентацией на языковую личность, на отражение её картины мира. В поле зрения исследователей находятся средства и способы

достижения определённого эстетического эффекта, правила и стратегии речевого поведения с учётом жанра, ситуации, темы, мировидения автора, его творческого метода, изучение «человеческого фактора» в языке [2].

В 1990-е гг. возобновляется интерес исследователей к теории речевых жанров (начиная с 1997 г. выходит тематический сборник научных статей «Жанры речи», издаваемый Саратовским университетом) и переоценивается всевластие коммуникативного подхода и теории речевых актов. М. Ю. Федосюк отмечает, что, «уточняя М. М. Бахтина, удобнее считать, что речевые жанры – это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов. Подобное решение позволит нам квалифицировать как речевые жанры и такие типы монологических текстов, как сообщение, рассказ, просьба или вопрос, и такие типы диалогов, как беседа, дискуссия, спор или ссора» [33, с. 104]. Далее автор размышляет о соотношении теории речевых жанров и теории речевых актов, отмечая, что последняя имеет лучше разработанный терминологический аппарат, поэтому пользуется у лингвистов большей популярностью. Именно это обстоятельство, очевидно, заставляло учёных снова и снова вдумываться в бахтинское понимание жанра в поисках лингвистических методов исследования этого явления.

М. Н. Кожина пересматривает традиционное в стилистике соотношение стиля и жанра: «Вернее всё же считать, что жанр определяет стилевые особенности речи» [11, с. 14], отмечая при этом, что вопрос границы речевых жанров (смена субъектов) и диалогическая природа вызывают наибольшие сложности у авторов, исследующих научные тексты. Решение проблемы Кожина видит в текстовых категориях – ФССК – диалогичности и гипотетичности, а также с позиции старого и нового знания, которое реализуется через развёртывание повторов: «Самый явный, лежащий на поверхностном уровне случай этой диалогичности (и соответствующего ана-

лиза) – это явление цитации при столкновении разных мнений ... тут главный, по Бахтину, принцип определения границ высказывания – смена речевых субъектов – налицо и чётко обозначен» [12, с. 27]. Всё это, на наш взгляд, только доказывает, что у научного текста есть признаки речевого жанра, но не помогает ни идентифицировать его особенности, ни построить его типологию.

Мощным импульсом в развитии жанрового подхода явилось становление когнитивной лингвистики. Когнитивные исследования оставляли в стороне прагматические особенности речевых актов и фактор их адресата, сосредоточиваясь на внутренних механизмах речи и адекватного понимания того, что делает говорящий и какие стратегии использует, т. е. на когнитивных аспектах речи. Порождение речи рассматривается в тесной связи с процессами переработки и хранения знаний, с самой организацией знаний в голове человека, с извлечением знаний в процессе речи и их объективизацией в языковых формах [14]. Учёными было отмечено, что именно жанр, понимаемый как форма текстовой деятельности, способен внести свой вклад в изучение порождения и понимания речи.

А. Г. Баранов относит жанр к базовому когнитивному уровню, где проходят основные ментальные процессы текстовой деятельности [3]. Опираясь на тезис Лакоффа [36] о «прототипных эффектах», которые возникают как результат функционирования когнитивных моделей, учёный строит когнитивную модель жанра, или когниотипа. Когниотип представляет собой ментально-лингвистический фрейм, «базу данных, декларативных и процедурных, для жанрово специфической текстовой деятельности» [3, с. 334]. Несмотря на то, что структура выявленного когниотипа, включающая тематические концепты (макроструктуры), композиционные схемы текстов и языковые выражения в их жанрово-стилистической спецификации, по сути, повторяет старую бахтинскую схему: тема – композиция – стиль, осознание жанра как не только лингвистическо-

го, но и ментального феномена было весьма плодотворно для науки.

Похожее представление о жанре мы находим и у К. Ф. Седова. Согласно этому представлению, жанр – это буферное пространство «нашего сознания, где в одновременном существовании сливаются представления об эталонах социально значимого взаимодействия людей и о нормах речевого оформления такого взаимодействия» [22, с. 14]. Иначе говоря, жанр представляет собой программу речевого действия, которая имеет мыслительную, нематериальную природу, что подтверждается следующей мыслью автора: «дискурсивное мышление языковой личности имеет имманентно жанровый характер» [22, с. 14]. Тем не менее, отождествление жанра с мышлением, на наш взгляд, было очередным «перегибом» лингвистической философии, связанным с абсолютизацией когнитивного подхода. Материальная природа жанра является данностью, и его связь с текстом очевидна. Мы считаем справедливым мнение учёного о том, что жанр следует считать универсальной категорией, которая должна быть положена в основу методов нового антропологического языковедения, однако утверждаем, что на этом рано ставить точку, и природа жанра нуждается в дальнейшем изучении.

Тем не менее, когнитивные исследования оказались весьма продуктивными в исследовании жанров научной речи. И здесь, прежде всего, выделяется исследование В. А. Салимовского, который на основе деятельностного подхода объединил когнитивные процессы с коммуникативными и выдвинул гипотезу о том, что смысловая структура научного текста «может быть представлена как воплощённая в нём многоуровневая иерархическая организация коммуникативно-познавательных действий (в результативном плане – смыслов)» [21, с. 286]. Данное открытие, а также осознание того, что в ходе развёртывания речевого произведения происходит трансформация собственно познавательной программы в соответствии с коммуникативными задачами автора, было очень

важным для развития жанрового подхода, так же, как и последовавший за этим переход к «макростилевым разновидностям» – речевым жанрам. Однако сложившееся в функциональной стилистике «подчинённое» положение жанра по отношению к стилю значительно сузило горизонты познания. Соотнося стиль с чем-то «большим» (научная деятельность), а жанр – с «малым» (отдельное познавательное действие), неизбежно впадаешь в ошибку в определении жанрообразующего фактора (по Салимовскому, «познавательные модели, входящие в систему научного метода») «макростилевых разновидностей». В результате основанного на данной теории исследования произошла подмена жанров «типами» текстов (постановочный, верификационный, классификационный и др.) и переформатирование таких давно признанных всеми жанров, как монография и статья, в формы выражения этих «типов» текста [21].

Обращение к типу текста (жанру) стало закономерным продолжением анализа научного стиля и выделения более частных разновидностей речевых высказываний. Однако, будучи по сути умозрительной (теоретической), а не деятельностной (практической), стратегия сведения бесконечного количества конкретных текстов к основным видам оставалась внешней по отношению к тексту и умножала проблемы типологии за счёт роста критериев выделения, а вместе с ними и классов текстов, которые к тому же получали различное наименование у разных авторов.

Заключение

Краткий обзор истории формирования жанрового подхода к изучению научного текста показывает, что исследования появлялись во многом в русле развития самой науки и представлений о ней, а также в соответствии с развиваемой в языкознании общей моделью языка: от структуралистских теорий (статической модели) к системно-функциональным и деятельностным (динамической модели), учиты-

вающим когнитивные, коммуникативные и семиотические факторы формирования речевого высказывания. То расширяя, то сужая представление о предмете исследования, языковеды многих различных направлений и школ пришли к выводу о важности жанра для филологического изучения как средоточия внутренних (когнитивных) и внешних (коммуникативных) параметров в точке их объективации средствами языка в некоем текстовом целом, имеющим смысловую и формальную завершенность. Исследования в лингвистике стимулировались целым комплексом наук и отвечали требованиям времени и практическим потребностям языкового использования.

В целом, усиление антропоцентрического принципа в языкознании привело к осознанию того, что понятие речевого жанра может использоваться в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов порождения и интерпретации речи, а теория речевых жанров «становится одной из немногих действующих на практике моделей коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации» [7, с. 7].

При всех безусловных достижениях основным недостатком рассмотренных нами теорий является их неспособность (в некоторых случаях боязнь выйти за рамки дисциплины) исследовать жанр в совокупности его составляющих (коммуникативного, когнитивного и семиотического компонентов). На сегодняшний день такая задача представляется разрешимой в свете интегрированного, междисциплинарного подхода и на основе того богатого материала, который был наработан лингвистической наукой за более чем полувековой период изучения научной речи.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Н. А. Разновидности научных лекций и их лингвостилистические особенности // Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности. М.: Наука, 1989. С. 49–59.
2. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.
3. Баранов А. Г. Когнитивность жанра // Stylistyka. 1997. Т. 6. С. 331–343.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: сборник избранных трудов. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 444 с.
5. Гречихин А. А., Здоров И. Г., Соловьев В. И. Жанры информационной литературы: обзор, реферат. М.: Книга, 1983. 319 с.
6. Девкин А. П. Определение и объяснение как композиционно-речевые формы в английских научных и научно-популярных текстах: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984. 175 с.
7. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.
8. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.
9. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике: переводы. Вып. 17: Теория речевых актов / сост., вступ. ст. И. М. Кобозевой, В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 7–21.
10. Кожин А. Н. О предмете стилистики // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 68–74.
11. Кожина М. Н. Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение // Stylistyka VIII. Opole. 1999. С. 5–36.
12. Кожина М. Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7 / отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь: Пермский государственный университет, 2004. С. 22–39.
13. Краевская Н. М. Композиция устного научного текста (жанр доклада) // Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности. М.: Наука, 1989. С. 70–93.
14. Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.
15. Кудасова О. К. Лингвостилистические особенности рецензии как разновидности научного текста: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 176 с.
16. Кытманова Е. А. Становление жанрового подхода к научному тексту в отечественном языкознании 60-х – 70-х гг. XX века // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 71–83.
17. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи: (Описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. 260 с.
18. Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 263 с.
19. Перекальская Т. К. Абзац как средство вычленения и соединения сегментов научного текста // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М.: Московский государственный университет, 1981. С. 121–135.
20. Радзиевская Т. В. Реферативный текст в лингво-прагматическом аспекте // Научно-техническая информация. Серия 1. 1986. № 8. С. 1–5.
21. Салимовский В. А. Функционально-смысловое и стилистико-речевое варьирование научного текста // Stylistyka. 1997. Т. 6. С. 285–300.
22. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. 1999. № 2. С. 13–26.
23. Синдеева Т. И. Некоторые особенности композиционно-речевой организации жанра «Научная рецензия» // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982. С. 27–42.
24. Соловьев В. И. О функциональных свойствах автореферата диссертации и особенности его составления // Научно-техническая информация. Серия 1. 1981. № 6. С. 20–24.
25. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / В. Н. Виноградова, Т. Г. Винокур, Л. И. Еремина, Е. А. Иванчикова, А. Н. Кожин, Е. Ф. Петрищева. М.: Наука, 1987. 236 с.
26. Строительева Л. А. Композиционные особенности текстов научно-эпистолярного жанра XVII в. // Лингвостилистические особенности научного текста / ред. М. Я. Цвиллинг. М.: Наука, 1981. С. 160–170.

27. Тарасова А. Н. О некоторых спорных вопросах теории дискурса и речевых жанров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №. 11 (804). С. 325–336.
28. Тер-Мкртичан С. А. О соотношении языкознания и семиотики в изучении научного определения // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М.: Московский государственный университет, 1981. С. 63–69.
29. Троянская Е. С. Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии (к вопросу о некатегоричности высказывания в научном стиле) // Язык и стиль научного изложения. Лингвометодические исследования: сборник статей / отв. ред. М. Я. Цвиллинг. М.: Наука, 1983. С. 3–23.
30. Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1984. С. 16–27.
31. Троянская Е. С. Обучение чтению научной литературы: в помощь преподавателю иностранного языка. М.: Наука, 1989. 271 с.
32. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
33. Федосюк М. Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. Т. 5. С. 102–120.
34. Чернец Л. В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики. М.: Московский государственный университет, 1982. 192 с.
35. Якубова Н. А. О некоторых особенностях семантико-синтаксической организации жанра научного доклада (на материале научных докладов М. Планка) // Научная литература. Язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985. С. 137–155.
36. Lakoff G. Cognitive Semantics // Meaning and Mental Representation. Bloomington: Indiana University Press, 1988. P. 119–154.
37. Wierzbicka A. Genry mowy. Tekst i zdanie: zbiór studiów. Wrocław: Ossolineum, 1983. P. 125–139.

REFERENCES

1. Aleksandrova N. A. [Varieties of Scientific Lectures and Their Linguistic and Stylistic Features]. In: *Raznovidnosti i zhanry nauchnoj prozy. Lingvostilisticheskie osobennosti* [Varieties and Genres of Scientific Prose. Linguistic Features]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 49–59.
2. Arutyunova N. D. [Genres of Communication]. In: *Chelovecheskij faktor v yazyke: Kommunikaciya, modal'nost', dejsis* [Human Factor in Language: Communication, Modality, Deixis]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 280 p.
3. Baranov A. G. [Cogniotypicality of the Genre]. In: *Stylistyka* [Stylistic], 1997, vol. 6, pp. 331–343.
4. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva: sbornik izbrannykh trudov* [Aesthetics of Verbal Creativity: A Collection of Selected Works]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. 444 p.
5. Grechikhin A. A., Zdorov I. G., Solov'ev V. I. *Zhanry informacionnoj literatury: obzor, referat* [Genres of Information Literature: Review, Abstract]. Moscow, Kniga Publ., 1983. 319 p.
6. Devkin A. P. *Opreделение i ob'yasnenie kak kompozicionno-rechevye formy v anglijskikh nauchnykh i nauchno-populyarnykh tekstah: dis. ... kand. filol. nauk* [Definition and Explanation as Compositional Speech Forms in English Scientific and Popular Science Texts: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Minsk, 1984. 175 p.
7. Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 594 p.
8. Dement'ev V. V. [What Have Genre Studies given to Modern Linguistics?]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech], 2020, no. 3 (27), pp. 172–194.
9. Kobozeva I. M. [“Theory of Speech Acts” as One of the Variants of the Theory of Speech Activity]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: perevody. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics: Translations. Vol. 17: Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 7–21.
10. Kozhin A. N. [On the Subject of Stylistics]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1982, no. 2, pp. 68–74.
11. Kozhina M. N. [Style and Genre: Their Variability, Historical Variability and Correlation]. In: *Stylistyka VIII. Opole* [Stylistic VIII. Opole], 1999, pp. 5–36.
12. Kozhina M. N. [Some Aspects of Research of Speech Jenres in Nonfictional Texts]. In: *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 7* [Stereotyping and Creativity in the Text: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Perm, Perm State University Publ., 2004, pp. 22–39.

13. Kraevskaya N. M. [Composition of Oral Scientific Text (Genre of Report)]. In: *Raznovidnosti i zhanry nauchnoj prozy. Lingvostilisticheskie osobennosti* [Varieties and Genres of Scientific Prose. Linguistic Features]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 70–93.
14. Kubryakova E. S., Shahnarovich A. M., Saharnyj L. V. *Chelovecheskij faktor v yazyke: Yazyk i porozhdenie rechi* [Human Factor in Language: Language and the Generation of Speech]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 240 p.
15. Kudasova O. K. *Lingvostilisticheskie osobennosti recenzii kak raznovidnosti nauchnogo teksta: na materiale anglijskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Stylistic Features of a Review as a Type of Scientific Text: On the Material of the English Language: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1983. 176 p.
16. Kytmanova E. A. [The Formation of a Genre Approach to Scientific Text in Russian Linguistics in the 1960s–1970s]. In: *Otechestvennaya filologiya* [Russian Studies in Philology], 2023, no. 5, pp. 71–83.
17. Nechaeva O. A. *Funkcional'no-smyslovye tipy rechi: (Opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie)* [Functional and Semantic Types of Speech: (Description, Narration, Reasoning)]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1974. 260 p.
18. Odintsov V. V. *Stilistika teksta* [Stylistics of the Text]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 263 p.
19. Perekalskaya T. K. [Paragraph as a Means of Isolating and Connecting Segments of a Scientific Text]. In: *Voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Questions of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages]. Moscow, Moscow State University Publ., pp. 121–135.
20. Radzievskaya T. V. [Abstract Text in the Linguistic-Pragmatic Aspect]. In: *Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Seriya 1* [Scientific and technical information. Series 1], 1986, no. 8, pp. 1–5.
21. Salimovsky V. A. [Functional-Semantic and Stylistic-Speech Variation of a Scientific Text]. In: *Stylistika* [Stylistics], 1997, vol. 6, pp. 285–300.
22. Sedov K. F. [On the Genre Nature of the Discursive Thinking of a Linguistic Personality]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech], 1999, no. 2, pp. 13–26.
23. Sindeeva T. I. [Some Features of the Compositional and Speech Organization of the Genre “Scientific Review”]. In: *Funkcional'nye stili i prepodavanie inostrannyh yazykov* [Functional Styles and Teaching of Foreign Languages.]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 27–42.
24. Solov'ev V. I. [On the Functional Properties of the Dissertation Abstract and the Features of Its Preparation]. In: *Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Seriya 1* [Scientific and Technical Information. Series 1], 1981, no. 6, pp. 20–24.
25. Vinogradova V. N., Vinokur T. G., Eremina L. I., Ivanchikova E. A., Kozhin A. N., Petrishcheva E. F. *Stilistika russkogo yazyka: Zhanrovo-kommunikativnyj aspekt stilistiki teksta* [Stylistics of the Russian Language: Genre-Communicative Aspect of Text Stylistics]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 236 p.
26. Stroiteleva L. A. [Compositional Features of Texts of the Scientific-Epistolary Genre of the 17th Century]. In: *Lingvostilisticheskie osobennosti nauchnogo teksta* [Linguistic and Stylistic Features of Scientific Text]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 160–170.
27. Tarasova A. N. [On Some Discussion Points of the Discourse Theory and Discourse Genres]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2018, no. 11 (804), pp. 325–336.
28. Ter-Mkrtichian S. A. [On the Relationship between Linguistics and Semiotics in the Study of Scientific Definition]. In: *Voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Questions of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages]. Moscow, Moscow State University Publ., 1981, pp. 63–69.
29. Troyanskaya E. S. [Some Features of Expressing a Negative Assessment in the Genre of Scientific Review (On the Issue of Non-Categorical Statements in Scientific Style)]. In: *Yazyk i stil' nauchnogo izlozheniya. Lingvometodicheskie issledovaniya: sbornik statej* [Language and Style of Scientific Presentation. Linguistic and Methodological Research: Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 3–23.
30. Troyanskaya E. S. [Field Structure of Scientific Style and Its Genre Varieties]. In: *Obshchie i chastnye problemy funkcional'nyh stilej* [General and Particular Problems of Functional Styles]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 16–27.
31. Troyanskaya E. S. *Obuchenie chteniyu nauchnoj literatury: v pomoshch' prepodavatelyu inostrannogo yazyka* [Teaching Reading Scientific Literature: To Help Foreign Teachers Language]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 271 p.
32. Uspensky B. A. *Poetika kompozicii* [Poetics of Composition]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 352 p.
33. Fedosyuk M. Yu. [Unresolved Issues in the Theory of Speech Genres]. In: *Voprosy yazykoznaviya*

- [Questions of Linguistics], 1997, vol. 5, pp. 102–120.
34. Chernec L. V. *Literaturnye zhanry: Problemy tipologii i poetiki* [Literary Genres: Problems of Typology and Poetics]. Moscow, Moscow State University Publ., 1982. 192 p.
 35. Yakubova N. A. [On Some Features of the Semantic-Syntactic Organization of the Scientific Report Genre (Based on the Scientific Reports of M. Planck)]. In: *Nauchnaya literatura. Yazyk, stil', zhanry* [Scientific Literature. Language, Style, Genres]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 137–155.
 36. Lakoff G. Cognitive Semantics. In: *Meaning and Mental Representation*. Bloomington. Indiana University Press, 1988, pp. 119–154.
 37. Wierzbicka A. Genry mowy. Tekst i zdanie: zbiór studiów. Wrocław, Ossolineum Publ., 1983, pp. 125–139.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кытманова Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Государственного университета просвещения;
e-mail: ea.kytmanova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Kytmanova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Federal State University of Education;
e-mail: ea.kytmanova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кытманова Е. А. Жанровый подход к научному тексту в отечественном языкознании 80-х – 90-х гг. XX века // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 62–74.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-62-74

FOR CITATION

Kytmanova E. A. Genre Approach to Scientific Text in Russian Linguistics in the 1980s–1990s. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, pp. 62–74.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-62-74

УДК: 811.161.1'37

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-75-80

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕДУПЛИКАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сатретдинова А. Х.*Астраханский государственный медицинский университет**414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление функциональных особенностей использования лексической редупликации в русской языковой картине мира.

Процедура и методы. Рассмотрен феномен лексической редупликации как распространённое продуктивное явление, имеющее особую традицию в русском языке. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и дискурсивный анализ.

Результаты. Определены виды редупликации, рассмотрены способы образования редупликатов в русском языке.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья позволяет расширить представления о явлении лексической редупликации и раскрыть функциональный потенциал её использования в разговорном и художественном дискурсах.

Ключевые слова: лексическая редупликация, повтор, редупликат, словообразование, стилистический приём, удвоение

SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF LEXICAL REDUPLICATION IN RUSSIAN

A. Satretdinova*Astrakhan State Medical University**ul. Bakinskaya 121, Astrakhan 414000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify some functional features of lexical reduplication using in the Russian language picture of the world.

Methodology. The phenomenon of lexical reduplication is considered as a widespread productive phenomenon with a special tradition in Russian. The methods of observation, generalization, interpretation of the results and discursive analysis were used in the research.

Results. The types of reduplication are determined; the ways of formation of reduplicates in Russian are considered.

Research implications. The article allows expanding the understanding of the phenomenon of lexical reduplication and revealing the functional potential of its use in conversational and artistic discourses.

Keywords: lexical *reduplication*, *repetition*, *reduplicate*, *word formation*, *stylistic device*, *doubling*

Введение

Явление редупликации характерно для всех языков мира. При этом оно наиболее часто встречается в языках африканских народов, реже – европейских [10]. Особый интерес учёных к изучению редупликации наблюдается в XX в.

В настоящее время в лингвистике существуют разные определения понятия редупликации. О. Ю. Крючкова характеризует редупликацию как способ словообразования посредством внутрисловного удвоения [6]. А. П. Урбаева уточняет, что удвоение может быть как полным, так и частичным, а удваиваться может морфема, часть или всё слово [13]. Учитывая, что редупликация в русском языке относится к словообразовательному уровню языка, редупликаты образуются от разных частей речи: существительных, глаголов, прилагательных и т. д.¹

В свою очередь Е. В. Федяева рассматривает редупликацию как языковой механизм формообразования и словообразования [14]. А. А. Минакова, определяя редупликацию как одну из разновидностей повтора, выделяет два её вида: полную редупликацию – повтор всего слова, т. е. редупликат является результатом внутрисловного удвоения (топ-топ), и частичную – повтор части слова (воробушек-хворобушек) [8].

Некоторые исследователи считают редупликацию самостоятельным способом словообразования [1; 9], а функциональный потенциал редупликатов видят в выражении эмоций и отношении говорящего [1; 7; 11]. При этом А. П. Урбаева подчёркивает, что функциональное применение редупликатов многообразно, т. к. с их помощью можно выразить интенсивность признака, создать музыкальный эффект, показать композиционную завершенность, дополнить смысловые оттенки [13].

Н. С. Саньярова рассматривает редупликацию на двух уровнях: лексическом и словообразовательном, отмечая, что редупликат даёт возможность сконцентрировать внимание аудитории на определённой информации, а также передавать более точно семантические оттенки речи [12].

Таким образом, по мнению большинства исследователей, лексическая редупликация представляет собой способ слово- или формообразования, при котором

происходит удвоение основы, корня или его элементов (звуков, слогов), аффиксов или слова целиком. Термин произошёл от латинского “*reduplicatio*”, что означает ‘удвоение’. Оно может происходить с повторением слова или его части в том же грамматическом значении или в другом: с изменением числа, падежа, добавлением суффикса, приставки.

Виды редупликации

Мы рассматриваем редупликацию как особую языковую универсалию, один из стилистических приёмов создания образной картины мира.

Важно учитывать, что в зависимости от единицы языкового уровня различают несколько видов редупликации: фонемный, слоговый, морфемный и лексемный [10]. Лингвисты выделяют несколько явлений, связанных с редупликацией и обозначаемых схожими терминами: повтор, лексическое удвоение, парные слова.

В русском языке встречается полная, неполная, дивергентная, осложнённая, синонимическая редупликация. В случаях применения редупликации всегда возникает асимметрия плана выражения и плана содержания: одной единице плана содержания соответствуют две единицы плана выражения.

Дивергентная редупликация характеризуется изменением звукового состава слова: *пиф-паф*, *тик-так* (изменение гласного звука во втором компоненте редупликата); *тяп-ляп*, *супер-пупер* (изменение согласного звука во втором компоненте редупликата) [4].

Осложнённой можно считать редупликацию с дополнительным использованием аффикса в одном из компонентов редупликата: *перво-наперво*, *цап-царап* или с усечением основы компонента редупликата: *баю-бай*, *улю-лю*.

В русском языке сохранились немногочисленные примеры древнего типа редупликации: *папа*, *мама*, *дядя*, *колокол*, *еле-еле*, *маломальский*. Подобные продуктивные модели слогового и корневого уд-

¹ Крылова М. Н. Введение в языкознание для бакалавров: учебное пособие. Саратов: Вузовское образование, 2014. 275 с.

воения встречаются во многих славянских языках и относятся к древнейшему лексическому слою [5].

Помимо слоговых или корневых повторов, встречаются словные удвоения, направленные на усиление обозначенного признака: *белый-белый, много-премного*. Редупликация является характеристикой речи детей, поскольку их словарный запас весьма ограничен и не позволяет достаточно полно выразить собственные мысли и эмоции: *большой-большой арбуз, красивое-прекрасивое платье, вкусное-превкусное мороженное*.

Способы образования редупликатов

Особо следует выделить звукоподражания, образованные с помощью повтора, используемые для звукопередачи и характерные для обыденной речи, особенно детской (или используемой в общении с детьми): *гав-гав, тук-тук, бух-бух*. Редупликация, основанная на полном или частичном повторении звуковой оболочки языкового знака, свойственна произведениям детской литературы. К примерам полной редупликации можно отнести слоговые повторы, встречающиеся в сказке К. И. Чуковского «Федорино горе»¹: *бу-бу-бу* – звуки, издающие самоваром; *ко-ко-ко* – кудяхтанье курицы; *ой-ой-ой* – крик Федоры; в рассказах о животных В. В. Бианки²: *Хо-хо-хо* (крик совы); «Приключение Муравьишки»: *Тук-тук-тук* (*несётся жук*); в рассказах А. П. Чехова³ «Хамелеон»: *Ррр...Рр* (обращение к собаке); «Степь»: *Тррах! тах, тах! тах!* (грохот грома) и др.

Частичная редупликация может указывать на неопределённость места события: *в некотором царстве в некотором государстве* или отношение автора к героям произведения: *Петя-Петушок, Комар-комарец*. Звукоподражательный редупликат *дзынь-ля-ля* используется с целью создания музыкального эффекта, возника-

ющего при постукивании блюдец⁴. Во всех случаях редупликаты ориентированы на формирование у читателя образной картины мира [15]. Редупликация, используемая в русских фольклорных жанрах, часто носит формальный немотивированный характер: *жили-были, в царстве-государстве*. Примером содержательной редупликации в русских народных сказках могут служить повторы *стали жить-поживать*, формирующие впечатление, что теперь всё устроилось в жизни, все проблемы решены. Словесные удвоения часто указывают на длительность процесса (*шли-шли, идут-идут*) или повторяемость действия: *Камыш качается взад-вперёд, взад-вперёд*⁵. Удвоение слов в диалогической речи героев свидетельствует о привлечении внимания собеседника: *Что будет! Что будет! ... Петруша, Петруша ..., Лапочи, лапочи..., Князь, князь*⁶; *Скорее... Скорее; Вижу... Вижу*⁷; *Так, помню, помню*⁸.

Лексическая редупликация – частый приём, используемый в русских народных пословицах и поговорках: *Дружба дружбой, а табачок врозь. Суeta суeta. Клиn клиnом вышибают. Против лома нет приёма, если нет другого лома. Век живи – век учиcь!* Такие повторы выступают средством ритмизации и гармонизации высказывания, придают лаконичность высказыванию, позволяя в максимально сжатой форме актуализировать содержание. Ритмизация пословицы создаёт особую устойчивость конструкции, что обеспечивает её быстрое и лёгкое запоминание.

В современном русском языке сохраняется достаточное количество редупликаций, образованных путём добавления субприставок *м-* или *им-*, вносящих оттенок пренебрежительности и несерьёзности от-

⁴ См.: Чуковский К. И. Федорино горе. Ростов-на-Дону: Антураж, 2017. 8 с.

⁵ См.: Бианки В. В. Рассказы о животных. М.: Росмэн, 2023. 91 с.

⁶ См.: Зарин-Несвицкий Ф. Е. Борьба у престола. М.: АСТ, 1995. 304 с.

⁷ См.: Шмелев Н. П. Сильвестр. Домострой. М.: Просвещение, 1996. 368 с.

⁸ См.: Пушкин А. С. Поэмы. М.: Детская литература, 1984. 192 с.

¹ См.: Чуковский К. И. Федорино горе. Ростов-на-Дону: Антураж, 2017. 8 с.

² См.: Бианки В. В. Рассказы о животных. М.: Малыш, 2023. 91 с.

³ См.: Чехов А. П. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1965. 567 с.

ношения к объекту высказывания: *танцы-шманцы, гоголь-моголь, шашлык-машлык*. Это связано с тем, что лингвистический строй русского языка длительное время находился в зависимости от тюркских языков [2], где было принято заменять согласную в повторяемом слове на букву *м* или буквосочетание *шм*. Такой вид редупликации, называемый эхо-редупликацией, встречается в повседневной разговорной речи и не характерен для художественного или публицистического дискурсов.

Одной из особенностей русскоязычной редупликации является аффиксация, предполагающая присоединение ко второму слову суффиксов и приставок: *сестра-присесть, Маня-Манюша, дева-девонька, подруга-подруженька*.

Лексические редупликаты часто имеют устоявшийся характер в повседневной речевой практике. Всем известны фразеологизмы с неполным удвоением слов, носящие разговорный характер: *Дурак дураком. Сидеть сиднем. Чин чинарем. Нос к носу. Лицом к лицу. Плечом к плечу. Свят-свят-свят*. Повтор слова в данных устойчивых сочетаниях указывает на постоянство признака и стереотипность ситуации.

В повседневном общении нередко удвоения существительных: *ребёнок-ребёнок, работа-работа*. Подобные редупликаты являются формальными, а их функциональный потенциал направлен на передачу значения «истинный, настоящий».

Некоторые исследователи выделяют синонимические редупликаты, образованные путём соединения семантически схожих слов: *грусть-тоска, ум-разум, путь-дорога, любо-дорого*. Синонимической редупликации подвержены слова, представляющие собой культурно значимые концепты [3]. Подобные примеры характеризуются как особый вид тавтологических построений, где второе слово в составе редупликата лишь уточняет значение первого.

Заключение

Таким образом, лексическая редупликация как стилистический приём широко распространена и многофункциональна. Редупликацию можно рассматривать как весьма продуктивное явление, имеющее особую традицию в русском языке и выполняющее стилистически и семантически значимую функцию.

В настоящее время расширяются сферы использования данного явления, в связи с чем трансформируются механизмы функционирования редупликации в языковой картине мира, обновляется её семантический потенциал и совершенствуются словообразовательные возможности. Это мотивирует исследователей к изучению новых аспектов редупликации в русском языке.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсентьева Е. Ф., Валиуллина Р. Б. Редупликация в современном английском и русском языках // Филология и культура. 2013. № 1. С. 12–15.
2. Зарипова А. М. Национально-культурная специфика редупликации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16. № 4. С. 34–37.
3. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
4. Казаченко О. В., Ковальчук О. В. Дивергентная редупликация как феномен языковой игры // Уральский филологический вестник № 2. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 29. С. 165–172.
5. Кириллова В. Ю., Иванова А. М., Семенова Г. Н. Особенности классификации и функционирования редупликаций в разносистемных языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 71–77.
6. Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2000. 261 с.
7. Мехеда М. И. Тематическая дифференциация редупликативов в русском и английском языках // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 183–189.

8. Минакова А. А. Типы и функции повторов в поэтических текстах Евгения Евтушенко: автореф. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2012. 22 с.
9. Минлос Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 184 с.
10. Основы африканского языкознания / под ред. В. А. Виноградова. М.: Восточная литература, 2000. 414 с.
11. Плотникова А. В. Функциональная классификация повторной номинации // Актуальные вопросы филологических наук: материалы II Международной научной конференции, Чита, июль 2013 г. Чита: Молодой учёный, 2013. С. 74–78.
12. Саньярова Н. С. Редупликация в системе разноуровневых средств повтора в русском языке [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2018. № 12. URL: <http://e-kon-sept.ru/2018/185034.htm> (дата обращения: 10.11.2023).
13. Урбаева А. П. Многообразие видов повтора в современном немецком языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2007. 16 с.
14. Федяева Е. В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределённого количества // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 33 (73). С. 469–472.
15. Шляхтина Е. В. Редупликация в художественном тексте (на материале произведений британских и американских писателей) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 142–150.

REFERENCES

1. Arsenteva E. F., Valiullina R. B. [Reduplication in Modern English and Russian Languages]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2013, no. 1, pp. 12–15.
2. Zaripova A. M. [National-Cultural Specificity of Reduplication in the English and Turkish languages based on social networks]. In: *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2019, vol. 16, no. 4, pp. 34–37.
3. Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya* [Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Problems of Teaching]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1979. 240 p.
4. Kazachenko O. V., Kovalchuk O. V. [Divergent Reduplication as a Phenomenon of Linguistic Creativity]. In: *Ural'skij filologicheskij vestnik № 2. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin No. 2. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], 2020, no. 29, pp. 165–172.
5. Kirillova V. Yu., Ivanova A. M., Semenova G. N. [Features of the Classification and Functioning of Reduplications in Different System Languages]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2019, no. 3 (103), pp. 71–77.
6. Kryuchkova O. Yu. *Reduplikaciya kak yavlenie russkogo slovoobrazovaniya: dis. ... d-ra filol. nauk* [Reduplication as a Phenomenon of Russian Word Formation: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Saratov, 2000. 261 p.
7. Mekheda M. I. [Thematic Differentiation of Reduplicatives in Russian and English]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2010, no. 1, pp. 183–189.
8. Minakova A. A. *Tipy i funkcii povtorov v poeticheskikh tekstah Evgeniya Evtushenko: avtoref. ... kand. filol. nauk* [Types and Functions of Repetitions in the Poetic Texts of Evgeny Evtushenko: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Majkop, 2012. 22 p.
9. Minlos F. R. *Reduplikaciya i parnye slova v vostochno-slavyanskikh yazykah: dis. ... kand. filol. nauk* [Reduplication and Paired Words in East Slavic Languages: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2004. 184 p.
10. Vinogradov V. A., ed. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of African Linguistics]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 414 p.
11. Plotnikova A. V. [Functional Classification of Repeated Nomination]. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Chita, iyul' 2013 g.* [Current Issues of Philological Sciences: Materials of the II International Scientific Conference, Chita, July 2013]. Chita, Molodoj uchyonyj Publ., 2013, pp. 74–78.

12. Sanyarova N. S. [Reduplication in the System of Multi-Level Means of Repetition in the Russian Language]. In: *Koncept: nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"], 2018, no. 12. Available at: <http://e-koncept.ru/2018/185034.htm> (accessed: 10.11.2023).
13. Urbaeva A. P. *Mnogoobrazie vidov povtora v sovremennom nemeckom yazyke: avtoref. kand. filol. nauk* [The Variety of Types of Repetition in the Modern German language: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2007. 16 p.
14. Fedyaeva E. V. [Reduplication as One of the Means of Representing an Indefinite Quantity]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2008, no. 33 (73), pp. 469–472.
15. Shliakhtina E. V. [Reduplication in Literary Prose (Based on the Works of British and American Writers)]. In: *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2020, no. 4 (23), pp. 142–150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сатретдинова Альфия Хамитовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Астраханского государственного медицинского университета;
e-mail: alfijasatretdinova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alfiya Kh. Satretdinova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of the Russian Language, Astrakhan State Medical University;
e-mail: alfijasatretdinova@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сатретдинова А. Х. Семантико-функциональные особенности лексической редупликации в русском языке // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 75–80.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-75-80

FOR CITATION

Satretdinova A. H. Semantic and Functional Features of Lexical Reduplication in Russian. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 75–80.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-75-80

УДК: 81.373.2:338.48

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-81-92

ЛАПИДАРНЫЕ НОМИНАТИВЫ В СТРУКТУРЕ ФРЕЙМОВОЙ МОДЕЛИ РЕКЛАМЫ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ

Старыгина Н. Ф.*Уральский государственный лесотехнический университет**620100, г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, д. 37, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить и проанализировать облигаторные фреймовые модели в туристическом рекламном тексте.

Процедура и методы. Проанализированы русскоязычные туристические рекламные тексты печатной и интернет-рекламы (журналы «Турист», «GEO», «Вокруг света», газета «В каждый дом» за 2019–2022 гг.; официальные сайты турагентств «Anex tour», «TUI Travel», «Coral Travel», «ПЕГАС Турист», «Лагуна»), извлечённые методом сплошной выборки; использовано контекстное и компонентное описание функционально-семантических категорий, структурных компонентов, а в качестве основного – метод моделирования субфреймов.

Результаты. Исследование обнаружило ряд облигаторных компонентов в структуре фрейма туристического рекламного текста. Рекламная коммуникация туруслуги эксплицируется через субфрейм *перемещение*, включая слоты верхнего уровня *способ перемещения*, *локативные* и *темпоральные номинативы*.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведённый анализ материала расширяет представление о специфике функционально-семантического потенциала фреймовой модели туристских услуг как центрального компонента рекламного туристического текста, а также актуализируются внутривидовые сведения о каждом слоте субфрейма *перемещение*, включая номинативы вспомогательных терминалов (т. е. общего функционала дополнительных услуг (страхование, трансфер и пр.)).

Практическая значимость определяется прикладным адаптированным характером полученных материалов, а именно созданием качественной и эффективной текстовой рекламы сферы туризма.

Ключевые слова: вспомогательные терминалы, номинативы, слоты верхнего уровня, субфрейм, туруслуга, туристический контекстный кластер, фрейм

LAPIDARY NOMINATIVES IN THE STRUCTURE OF A FRAME MODEL OF ADVERTISING TOURIST SERVICES

N. Starygina*Ural State Forest Engineering University**ul. Sibirskij trakt 37, Ekaterinburg 620100, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and analyze obligatory frame models in tourist advertising texts.

Methodology. The Russian-language tourist advertising texts of printed and online advertising (magazines «Tourist», «GEO», «Around the world», newspaper «To every house» for 2019–2022; official websites of travel agencies «Anex tour», «TUI Travel», «Coral Travel», «PEGASUS Tourist», «Laguna») were extracted by means of continuous sampling method and analyzed; the study relies on contextual and component description of functional-semantic categories, structural components, and modeling subframes method is used as the main one.

Results. The study revealed a number of obligatory components in the frame structure of a tourist advertising text. The advertising communication of the travel service is explicated through the movement subframe, including such top-level slots as *method of movement*, *locative* and *temporal nominatives*.

Research implications. The theoretical significance of the work lies in the fact that the analysis of the material expands the idea of the specifics of the functional and semantic potential of the frame model of tourist services as a central component of the advertising tourist text, and also updates the intra-structural information about each slot of the *movement* subframe, including the nominatives of auxiliary terminals (i.e., the general functionality of additional services (insurance, transfer, etc.)). The practical significance is determined by the applied adapted nature of the received materials, namely the creation of high-quality and effective text advertising of the tourism sector.

Keywords: auxiliary terminals, nominatives, top-level slots, subframe, tour service, tourist contextual cluster, frame

Введение

Коммуникативное представление современной туристики, её целеполагание, смысловая интерпретация как культурно-языкового и общественно-функционального эвристического явления не может не отражаться в рекламных массмедиа. Жанровое разнообразие и синхронизированные новаторские тенденции последних вовлекают профессиональные учреждения в процесс их языкового развития, лингвистической экспертизы, экспликации и конструирования полезных вербальных моделей в туристическом контекстном кластере (в дальнейшем – ТКК).

ТКК может реализовываться в разных целевых группах, поэтому его язык должен быть адаптирован под определённую социальную и культурную среду. ТКК должен быть ориентирован на потребности и интересы потенциальных покупателей, а также учитывать тенденции в поведении и предпочтениях потребителей. В рекламных текстах сферы туризма часто используются лексико-семантические особенности русского языка, вызывающие положительные эмоции и ассоциации. Это и понятно, объяснимо: наиболее эффективными являются ТКК, которые демонстрируют преимущества туруслуги, убеждают потенциального покупателя сделать выбор в пользу данного продукта.

Развитие современных рекламных медианосителей требует от лингвистов создания эффективных текстовых моделей,

которые будут отражать социальные и культурные изменения в обществе, учитывать разнообразие потенциальных аудиторий. Так, необходимым условием современной интерпретации ТКК является использование номинативных конструкций, фреймовые контенты которых особенно заметны в его центральном компоненте – туристской услуге. Целью последней является «удовлетворение потребностей туристов в организации и осуществлении путешествий, отдыха и рекреации, в том числе в услугах перевозки, размещения, питания, экскурсий» [1, с. 8]¹.

Турфирма (адресант) и потенциальный потребитель-турист (адресат) как полифункциональные актанты рекламной коммуникации определённым образом влияют на туруслугу, модифицируя её, создавая номинативное текстовое пространство для презентации, при этом не конкурируют, а признают паритетные отношения всех участников ТКК. Коммуникатор / рекламодаделец / адресант и путешественник / потенциальный потребитель / адресат – утилитарные вербально-предметные понятия, дефиниции, туристская услуга (в дальнейшем – ТУ) предполагает конституирующие, когнитивные, тезаурусные

¹ См. также: Карпов С. О. Особенности туристических услуг // Полевской информационно-туристический портал. URL: <http://polevskoy-turcentr.ru/turusluga-about.html> (дата обращения: 19.06.2023).

характеристики и имманентно-регулятивные аспекты в рекламных контекстах.

С этих позиций представляется интересным интерпретировать семантические фреймовые модели ТУ в ТКК, где она функционирует с другими структурными моделями в качестве фрейма, представляя множество облигаторных характеристик. Необходимо отметить, что туристический фрейм предельно существен именно в рекламном туристическом сегменте, так как он «основная категория фреймовой семантики, представляющая концептуальное единство в долговременной памяти, и вместе с этим он соединён с языковым знаком, через который актуализируется» [5, с. 5], а также является инструментом лексико-грамматического значения слова. «Фреймы не изолированные конструкторы, а элементы иерархии, где одни фреймы являются элементами других», представляющие «структурные знания» [6; 13].

Активными исследователями фреймовых теорий являются известные отечественные и зарубежные учёные: И. Гофман, С. Хейс, М. Р. Л. Петрук, М. Минский, Ч. Филлмор и др. Гипотезы, идеи и актуальные положения последних трёх наиболее актуальны в рамках темы нашего анализа, их авторские интенции сопровождают представление о том, что фрейм – это качественная презентация определённых сведений, их публичное позиционирование, «сценарий стереотипной ситуации», позволяющей упорядочить и структурировать весь объём предоставляемой информации [12; 14; 15]. Ч. Филлмор, опираясь на теорию фреймового анализа, определяет фрейм как структуру, отражающую языковое сознание говорящего, когнитивный аналог семантического поля, который сфокусирован как бы на аспект значения, а семантическое поле – на значимостный аспект его единиц [12].

Поликодовое пространство фрейма услуг туристского кластера

С учётом разработанной концепции о представлении тех или иных картин объективной действительности, их интеллектуального индексирования в многоуровневый семантический контент (строго структурируя все фреймовые ячейки), представляется возможным адаптировать ТКК применительно к ядерным и вспомогательным моделям туруслуги.

Как свидетельствует проанализированный материал туристических рекламных объявлений, фреймовая модель туруслуги может быть представлена как поликодовое пространство с визуализацией неких образов желаемого будущего, включая соучастников рекламной коммуникации: адресанта/турфирмы и адресата/туриста. Апробационное преимущество упомянутой триады (турфирма – туруслуга – турист) указывает на лапидарные номинативы – это лаконично-выразительные персуазивные индикаторы (их свойства и особенности) услуг перемещения, размещения и питания (то, что составляет комплекс туристского продукта).

В целом, фреймовая модель туруслуг допускает персуазивные особенности как с позиций вербального пространства в ТКК, так и поликодового. Учитывая базовую креолизованность анализируемых контекстов, важно отметить, что воздействовать на потенциального потребителя (главная цель адресанта/рекламодателя – продать тур!) можно через интертекстуальные смыслы, включая невербальные (шрифты, цвета, символы, знаки, рисунки, фото и т. д.) компоненты. Поликодовые указатели, апеллируя к фактам и цифрам для придания сообщению большей достоверности, важности, а также надёжности и авторитетности турфирмы, оказываемых ею услуг, демонстрируют не только эмоциональные, манипулятивные персуазивные признаки, но и опираются на рациональный подход в ТКК. Так, например, в контекстах часто упоминаются прецедентные феномены, в том числе имена известных

литературных, исторических деятелей: *Жак Паганель, Магеллан, Святогор, Садко* и пр.

Кроме этого, в качестве вспомогательных персуазивных характеристик поликодового пространства фрейма могут включаться страницы отзывов на тот или иной тур. В случае положительного отзыва предыдущих гостей-туристов также расширяется диапазон рациональных стратегий, которые побуждают адресата принять решение в пользу конкретного путешествия, средства размещения или посещения ресторана (например, обозначение цифрой или специальным значком-звёздочкой рейтинга отеля, кафе и др.).

Ещё раз уточним: лапидарные номинативы в ТКК обладают интегративными свойствами: с одной стороны, они реализуются с помощью разнообразных персуазивных характеристик поликодового пространства, с другой – персуазивных вербальных средств. Последнее представляется более нагруженным за счёт лексико-семантических номинативов.

Можно предположить, что любая туристская организация самостоятельно вправе определять свои имиджформирующие активы, а в ТКК – похожая семантическая ценность – детализируется через конкретные фреймовые номинаторы, которые, как показал анализ, разнообразно, стилистически неоднородно реализуются непосредственно через языковые лексико-семантические, лексико-грамматические средства [4]. Поскольку семасиологическое ядро фрейма указывает на передвижение туристов в пространственно-территориальных локациях, на поселение/размещение в отельно-гостиничных комплексах; на предоставление горячего питания; страховых, медицинских услуг и пр., можно типизировать вышеперечисленные номинативы с учётом обязательных и аксессуарных особенностей. В целом, иерархическая упорядоченность туристских фреймов предполагает использование нетипичных субфреймов, внутри субфреймовых компонентов – турслотов. Последние представляют наполненный

информационный блок с признаковым туристским контентом, семантические коннотации которого вновь отсылают к первоначальным субфреймам ТКК. Под субфреймами понимаются уровни, представляющие собой набор тематически единых признаков, являющиеся цепочками иерархически расположенных слотов [11].

Для более детального анализа зафиксированных данных конкретизируем содержательный функционал субфрейма *Перемещение* в контекстах. Субфрейм *Перемещение* в ТКК имеет структуру, состоящую из трёх слотов верхнего уровня: способ перемещения туристов, место пребывания туристов и их временные границы. Слот *Способ перемещения туристов* описывает, каким образом туристы перемещаются между различными местами пребывания. Это слот может выражать номинативные значения транспортных услуг (обозначать наименование различных видов транспорта – поезд, самолёт и пр.). Слот *Место пребывания туристов* указывает на текущее местоположение туристов, содержит информацию о том, где туристы отдыхают, какие места они посещают и т. д. Слот *Временные границы* определяет темпоральный интервал, в течение которого туристы находятся в конкретном месте. Указанный слот информирует о дате и времени пребывания туристов, длительности их путешествия.

Кроме этого, в субфрейме *Перемещение* могут формироваться дополнительные подуровневые слоты, в ТКК они представлены в виде сопутствующих услуг: трансфер, страхование и пр., которые также насыщают информационный блок турпродукта.

Субфрейм *Перемещение*.

Слот верхнего уровня:

Способ перемещения

Как свидетельствуют проанализированные контексты, явные идентификаторы процесса движения в ТКК указывают на тип транспортного судна (наземные, воздушные, водные средства) и маркируются:

1. Девербативами (**вылеты, авиаперелёты** и др.), рис. 1 (фрагменты 1, 2).

Авиаперелет а/к «Аэрофлот»
вылет по понедельникам в Софию
8д/7н 15д/14н

авиаперелет а/к «Сибирь» в Пловдив
8д/7н, 11д/10н, 12д/11н
курорт Боровец, Банско, Пампорово.
Гарантия мест в лучших отелях!

Вылеты еженедельно
по субботам по 27.03.04
а/к «Сибирь» а/п «Домодедово»,
М-Мюнхен-М

Курорт	Отель	8д/7н	15д/14н
Майрхофен	Anonymous Pensions	477 Eu	633 Eu
	Landhaus Heim 3*	545 Eu	771 Eu
Санкт-Антон	Berghof 4*	799 Eu	1288 Eu
	Landhaus Raffl 5* deluxe	657 Eu	911 Eu
Ишгль	Goldener Adler 4*	1371 Eu	2420 Eu

Вылеты еженедельно по субботам по 27.03.04
а/к «Кавминводывиза»
а/п «Шереметьево-2», М-Зальцбург-М

Рис. 1 / Fig. 1. Фрагменты 1, 2. Девербативы. Субфрейм Перемещение. Слот Способ перемещения / Fragments 1, 2. Deverbatives. Subframe Moving. Slot Moving method

Источник: Вокруг света. 2021. № 10.

2. Сокращёнными формами (**ж/д, а/к, автотуры** и т. п.), рис. 2.

Вылеты по субботам до,
М-Гренобль-М а/к **ТК «Россия»**
Лучшие курорты французских Альп:
Куршевель, Мерибель, Валь-Торанс, Валь Д'Изер,
Шамони, Тинь, Авoriaз, Альп Дю Эз.
Резиденции "Pietre & Vacances".
Гарантированные номера

от 599 Eu

Рис. 2 / Fig. 2. Сокращённые формы. Субфрейм Перемещение. Слот Способ перемещения / Abbreviated forms. Subframe Moving. Slot is the way to move

Источник: Вокруг света. 2022. № 6 (2977).

3. Номинацией популярных транспортных компаний («Аэрофлот», «РЖД» и т. п.), рис. 3 (фрагменты 1, 2, 3).

и «Аэрофлоте» «SAS»

Новая эра. Терминал 2
Korean Air открывает рейсы из терминала 2
Международного аэропорта Инчхон

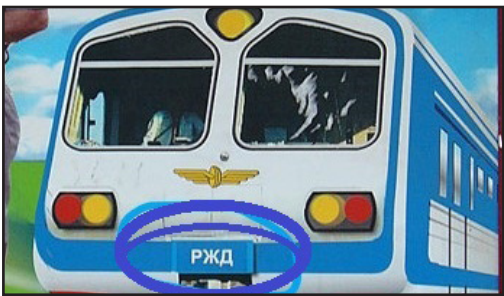

Рис. 3 / Fig. 3. Фрагменты 1, 2, 3. Номинация популярной транспортной компании. Субфрейм Перемещение. Слот Способ перемещения. Интернет-сайты туркомпаний "Anex tour", "TUI Travel", "Coral Travel" 2020 г. / Fragments 1, 2, 3. Nomination of a popular transport company. The subframe is moving. Slot is the way to move. Internet sites of travel companies "Anex tour", "TUI Travel", "Coral Travel", 2020

Источник: ANEX Tour [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anextour.com>; TUI Travel [Электронный ресурс]. URL: <https://www-tui.ru>; Coral Travel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coral.ru> (дата обращения: 19.06.2023).

4. Номинацией туркомпаний, рис. 4 (фрагменты 1, 2)

Водоходь

125047, Москва,
Оружейный пер., 13, стр. 1
Тел: (095) 730-5885, 251-4787
Факс: (095) 209-0651
E-mail: info@vodohod.ru
www.vodohod.com Рязань 0028004

ПолеТур
ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО
г. Екатеринбург,
ул. Мамина-Сибирика, д. 130
тел./факс (343) 204-97-57
www.poletour.ru

Рис. 4 / Fig. 4. Фрагменты 1, 2. Номинация туркомпаний. Субфрейм Перемещение. Слот Способ перемещения / Fragments 1, 2. Nomination of a travel company. Subframe Moving. Slot Moving method

Источник: Турист. 2020. № 06.

5. Указанием типа транспортного средства, рис. 5 (фрагменты 1, 2).

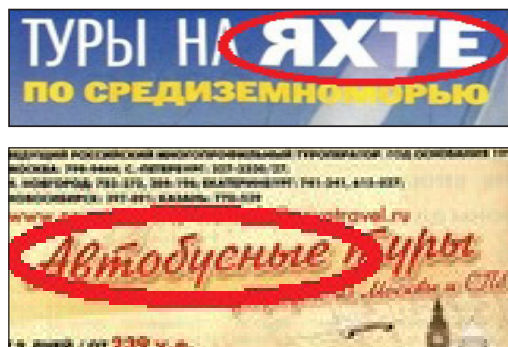

Рис. 5 / Fig. 5. Фрагменты 1, 2. Тип транспортного средства. Субфрейм Перемещение. Слот Способ перемещения / Fragments 1, 2. Type of vehicle. The subframe is moving. Slot is the way to move

Источник: GEO. 2020. № 7.

Как показали вышеуказанные данные, перечисленные номинативные маркёры слота верхнего уровня при описании туристской услуги в рекламной коммуникации свидетельствуют о достоверном и оригинальном наполнении их в ТКК. Вариативность последних подтверждает имманентную разницу самих номинаторов, непосредственно указывающих на вспомогательные терминалы, косвенные признаки: место продажи туров, установленный маршрут, конкретное название билета и др.

Нам представляется, что предлагаемая модификация обоснована рядом факторов. Во-первых, желанием рекламодателя-адресанта (то есть непосредственно турфирмой) убедить будущего путешественника, что его отдых будет разнообразным и качественным. Очевидно, что «фирменный» сервис (комфорт, удобство и т. д.) может зависеть от типа используемого транспортного средства, а с другой стороны, – от фактического спроса на конкретное транспортное средство. Поэтому наиболее желанными, но небюджетными видами транспорта для туристов являются самолёт и водные средства (теплоход, яхта и т. п.), последний к тому же используется нечасто по причине слабо развитой ин-

фраструктуры водного туризма в России в целом. Но оба способа характеризуют быстроту передвижения, рекреационный характер отдыха для путешественников, более экономичные варианты – поезд и автобус, так как они являются менее затратными.

Субфрейм Перемещение. Слот верхнего уровня: Место перемещения (локативная характеристика)

Семантика субфрейма Перемещение слота верхнего уровня *Место пребывания туристов* отображает локативную характеристику, представляющую языковую интерпретацию мыслительной категории пространства [2, с. 4]. В этом смысле для фреймовой структуризации туруслуги в ТКК были определены пространственные сирконстанты в виде директивов-старта путешествий (место начала тура, рис. 6), реже – директивов-финиша (место конечной точки тура, рис. 7), директивов старта и финиша одновременно (рис. 8), а также дистрибутив (несколько локативов поездки) как множественность / континуум географических объектов (рис. 9). В контекстах указанные категории представлены следующим образом:

1. Директив-старт

Рис. 6 / Fig. 6. Локативные маркёры. Субфрейм Перемещение. Слот Место пребывания / Locative markers. The subframe is moving. Slot The place of stay

Источник: В каждый дом. 2021. № 23.

2. Директив-финиш

Рис. 7 / Fig. 7. Локативные маркёры. Субфрейм Перемещение. Слот Место пребывания / Locative markers. The subframe is moving. Slot Place of stay
Источник: Турист. 2021. № 02.

3. Директив-старт / директив-финиш одновременно

Рис. 8 / Fig. 8. Локативные маркёры. Субфрейм Перемещение. Слот Место пребывания / Locative markers. The subframe is moving. Slot Place of stay
Источник: В каждый дом. 2021. № 20.

4. Дистрибутив

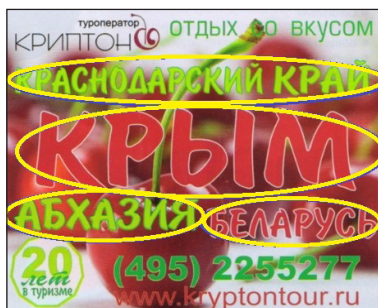

Рис. 9 / Fig. 9. Локативные маркёры. Субфрейм Перемещение. Слот Место пребывания / Locative markers. The subframe is moving. Slot Place of stay
Источник: Вокруг света. 2019. № 11.

Анализ обнаружил, что слот верхнего уровня Место пребывания туристов субфрейма Перемещение в ТКК опирается на релевантные топонимические характеристики. Так, территориальные дестинации указывают на всевозможные географические объекты, не исключая промежуточные, фазовые. Последние также позиционируют турфирму, её виды деятельности (турпродукты), конкретизируют места отдыха за счёт страноведческих и регионоведческих номинаций: страна (*Турция, Сербия, ОАЭ* и пр.), регионы (*Крым, Абхазия, Урал, Сибирь* и др.), острова (*Сейшелы, Маврикий, Мальдивы* и т. п.). Кроме этого, упомянутые номинативы характеризуются этнокультурной спецификой, смысл которой предполагает поли-территориальные локативы, включая топонимические туробъекты (рис. 10, фрагменты 1, 2, 3). В ТКК были зафиксированы:

- топонимы-инсулоны (географические номинативы полуостровов, островов, архипелагов) – *Валаам, Кольский, Сахалин, Пхукет, Краби* и др.;
- топонимы-гидронымы (географические номинативы водоёмов):
 - номинации рек (потамонимы) – *Хуанхэ, Волга, Кама, Амур, Нил, Нева* и т. п.;
 - номинации морей (пелагонимы) – *Мраморное море, Чёрное море, Эгейское море* и пр.

- номинации озёр и прудов (лимнонимы) – *Байкал, Рица, Тургояк, Селигер, Патриаршие* и др.;
- номинации океанов или их частей (океанонимы): *Северно-ледовитый океан, Индийский океан, Тихий океан* и т. п.

– топонимы-оронимы (номинации географического рельефа: гор и горных массивов) – *Домбай, Эльбрус, Пиши, Белая, Пильная, Губаха* и т. д.

Топонимикон даёт «возможность эксплицировать некоторые особенности духовной и материальной жизни населения определённой территории, представить дополнительные сведения о развитии русского языка», повышает социальную ценность реалий ландшафта, обретающих новое наполнение в современной коммуникации [7, с. 152].

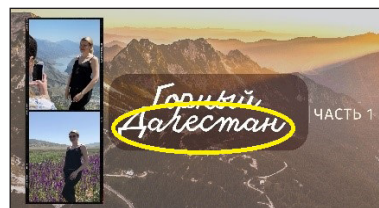

Рис. 10 / Fig. 10. Фрагменты 1, 2, 3.

Политерриториальные локативные маркёры (топографические туробъекты). Субфрейм Перемещение. Слот Место пребывания / Fragments 1, 2, 3 Polyterritorial locative markers (topographic tour objects). The subframe is moving. Slot Place of stay

Источник: Турист. 2021. № 7.

Субфрейм Перемещение. Слот верхнего уровня: Время перемещения (темпоральная характеристика)

В основе семантики континуума субфрейма *Перемещение* в ТКК остаётся важнейший слот верхнего уровня, представленный текстовой категорией темпоральности. Темпоральность – это функционально-семантическая категория со значением времени, выражение которой реализуется разноуровневыми языковыми средствами, учитывая некоторые инвариантные признаки. Бондарко А. В. подчёркивает, что темпоральность, базирующаяся на функционально-семантическом поле, охватывает группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств, а Левченко М. Н. и Скрипник К. В. конкретизируют субъектно-оценочную его характеристику, опираясь на темпоральную детерминацию, системную темпоральную архитектуру (актуально для художественного текста), темпоральный тип текста, хронологическую последовательность описываемых событий и пр. [3; 8].

По нашим наблюдениям, темпоральные дескрипторы фрейма туруслуги эксплицируются в ТКК следующим образом (рис. 11, фрагменты 1, 2):

1. Исходная дата путешествия: «Абхазия: 22.07, 30.12, 05.08»; «Вылеты в ОАЭ:

28.05, 22.11»; «Прямые рейсы из Москвы в Египет – 11.10–17.11» и пр. Указанные темпоральные модели определяются с помощью числовых конструкций «начало путешествий», номинируя при этом число, месяц, реже – год планируемой поездки (обычно выражается различными предложно-падежными формами количественных имён числительных).

2. Продолжительность путешествия: «10 дней в Турции», «Дагестан – 3 дня, Осетия – 3 дня», «Фетхие – Олюдениз – Саригеме от 7 ночей», «Соль Илецк – 8 суток»; «Санкт Петербург 1 июля, 6 ночей», «Курорты Краснодарского края! С 1 июня по 30 сентября», «DREAMS BEACH Шарм-Эль-Шейх Египет 10 июля, 10 ночей», «Новый Афон Абхазия 3 июля, 6 ночей» и т. д.

Значения актуализируются темпоральными маркёрами в сочетаниях с прагматическими констативами (смыслами, манифестирующими позицию отправителя по отношению к направленности интерпретации различных временных факторов [9; 10]): количественное имя числительное + собственное имя существительное – номинация курортного локатива. Прагматические констативы выражают общее количество дней путешествия (3/8/10), частные указатели – разделённые на день/ночь (10/6), реже – демонстрируют имплицитную аппликацию (с 1 по 30).

3. Периодичность поездки: «В Дагестан – по вторникам и пятницам»; «Вьетнам. Вылеты из Москвы: понедельник, среда»; «Греция из Перми с воскресенья!», «Москва – каждые 2 часа – каждый день» и т. п.

Особенности темпоральных маркёров реализуются с помощью всевозможных грамматических средств (морфологических, синтаксических, морфемных и т. д.): местоимений, имён существительных, наречий, их сочетаниями (в разных предложно-падежных формах, в зависимости от разных частеречных функций, в разных словоупотреблениях в ТКК).

4. Имперфективность промоакции (конкретный период времени, на который распространяется стоимость пакетного

тура, рис. 11, фрагменты 1, 2, 3, 4): «В расчётку на 6 месяцев без переплаты на ГОА»; «Подарочные сертификаты на туры по России еженедельно»; «Горящие туры только по воскресеньям в Минск», «Достойные цены с понедельника по пятницу на каникулы в ОАЭ, Тагру» и т. п.

ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
Пермский край «КЛЮЧИ» www.kluchy.ru
Помощь при: артритах, остеохондрозе, «пяточной шпоре»,
артрозах, сколиозе, болезнях мягких тканей.
Забудь про дачу! поймай удачу!
на заезд до 15 мая – скидка 15% – сертификат с ПОДАРОК!
26 июня по 20 августа Акция «Раннее бронирование!»
ул. Малышева, 29, оф. 513. Тел.: 376-44-30, 376-44-37
ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА

База отдыха «Незабудка» приглашает
на комплексные программы
оздоровительного отдыха в мае
14-19 мая «Бархатное очищение
и омоложение организма»
динамическая йога, дыхательные
гимнастики, разгрузочное питание.
Вы получите заряд бодрости, энергии
и массу положительных эмоций.
17-21 мая «Женский клуб». Выходные
для поддержания красоты и усиления
привлекательности. Работа с лицом,
телом и эмоциями
21-26 мая «Антистресс». Прощаемся
с хронической усталостью и бессон-
ницей. Укрепление мышц тазового дна

ИНДОНЕЗИЯ
БАЛИ
о.ЛОМБОК, о.КОМОДО
Круизы по Восточным о-вам
Джакарта – Денпасар
Специальный рождественский рейс
Москва – Денпасар – Москва на 04.01.0 15.01.0
ПРИГЛАШАЕМ АГЕНТСТВА К СОТРУДНИЧЕСТВУ
www.sun-city.ru 935-9144 • 935-9147
e-mail: info@sun-city.ru 935-5555 • 935-5050

ЭКОНОМИЧНЫЕ
автобусные туры
на Черное море
16 дн. от 11 500 р. с прожив.
Абхазия (Гагра)
Соль-Илецк от 8 000 р.
8 дн. проезд + проживание
ул. Пушкина, 10, оф. 104
8-902-26-72-743, 207-34-47
турфирма VISTA

Рис. 11 / Fig. 11. Фрагменты 1, 2, 3, 4.
Темпоральные маркёры. Субфрейм
Перемещение. Слот Время пребывания /
Fragments 1, 2, 3, 4. Temporal markers. The
subframe is moving. Slot Time of stay

Источники: В каждый дом. 2021. № 9; Вокруг
света. 2019. № 10.

Анализ показал, что *Темпоральные маркёры* слота верхнего уровня субфрейма *Перемещение* многообразны. Они содержат признаки стартовых, рекурсивных, ретранслируемых атрибутивов, не исключая имперфектную, когнитивную рекламную интенцию в виде УТП (уникального торгового предложения). Всё перечисленное, являющееся ядром фреймовой модели *Туруслуг* в контекстах, предопределяет не менее важные, существенные для полноценного, комплексного анализа структурных ТКК компонентов (субфреймов *размещение* и *питание*).

Заключение

Таким образом, лапидарные номинативы в туристическом рекламном тексте представляют собой совокупность obligatorных лексико-семантических признаков, актуализирующихся в чрезвычайно важном компоненте – туристской услуге (наряду с соучастниками рекламной коммуникации – адресантом и адресатом).

Комплексная организация лапидарных номинативов в ТКК опирается на их персуазивные характеристики. С одной стороны, транслируется поликодовая

информация (иконическая), учитывая семиотическую и коммуникативную направленность подобных текстов, с другой – вербальная, указывающая на ядерные фреймовые инструменты.

Номинативная основа туруслуги опирается на фреймовые структурные модели, основу которых составляет субфрейм *перемещение*, включая слоты верхних уровней: способ перемещения туристов, их место отдыха и время путешествия (темпорально-локативные особенности). Наиболее продуктивными являются лексико-грамматические корреляции текстовой категории локативности (директив-старт, директив-финиш и дистрибутив), так как они комбинируют действующие языковые признаки и прагматические, формирующие имидж турфирмы, её репутацию.

Дальнейшей перспективой исследования можно считать полиаспектное семантическое описание субфреймов *размещение* и *питание* в ТКК как менее изученное, в котором будут отражены особенности функционально-семантического субфрейма *перемещение* и учтены его упомянутые характеристики.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асхабова Х. М., Горностаева Ж. В. Структура и виды туристских услуг // Форум молодых ученых. 2021. № 8 (60). С. 7–11.
2. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика: доклады VIII Международной конференции. М.: СпортАкадемПресс, 2001. Т. 1. С. 4–13.
3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. СПб: Наука, 1996. 263 с.
4. Голомидова М. В. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 263–278. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043.
5. Диденко В. В. Выявление валентных слотов фрейма толерантность (в немецкой, американкой и русской лингвокультурах) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/414/1.
6. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / под общ. ред. Е. Ф. Серебrenниковой. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. 285 с.
7. Ильин Д. Ю. Региональные топонимические названия в туристическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 152–158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.15.
8. Левченко М. Н., Скрипник К. В. Инварианты темпорально-локативной архитектоники рекламного слогана (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 185–193. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-185-193.

9. Мурашова Е. А. Лексические прагматические маркёры темпорального позиционирования // Язык и культура. 2015. № 2 (30). С. 64–75. DOI: 10.17223/19996195/30/7.
10. Мурашова Е. А. Лексические эмотивы (на материале донских казачьих пословиц и поговорок) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 71–79. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.71.
11. Соколова (Гусельникова) О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 236–239.
12. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
13. Фурер О. В. Фреймовый способ описания лексической семантики // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8. С. 178–180.
14. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision / ed. P. H. Winston. New York: McGraw Hill, 1975. P. 211–277.
15. Petrush M. Frame Semantics // Handbook of Pragmatics / eds. J. Verschuieren, J.-O. Ostman, J. Blommaert and C. Bulcaen. Philadelphia, Amsterdam: Benjamins, 1996. P. 1–13.

REFERENCES

1. Askhabova Kh. M., Gornostaeva Zh. V. [Structure and types of tourist services]. In: *Forum molodykh uchenykh* [Forum of young scientists], 2021, no. 8 (60), pp. 7–11.
2. Bondarko A. V. [Text linguistics in the system of functional grammar]. In: *Tekst. Struktura i semantika: doklady VIII Mezhdunarodnoy konferentsii* [Text. Structure and semantics: reports of the VIII International Conference]. Moscow, SportAkademPress Publ., 2001, vol. 1, pp. 4–13.
3. Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Temporalnost. Modalnost* [Theory of functional grammar: Temporality. Modality]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 263 p.
4. Golomidova M. V. [Toponymic image-building for urban locations]. In: *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, no. 3, pp. 263–278. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043.
5. Didenko V. V. [Revealing of potential slots of the frame tolerance (in German, American and Russian linguocultures)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 414, pp. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/414/1.
6. Serebrennikova Ye. F., ed. *Dinamika i statika v poznanii real'nosti yazyka: podkhody, fenomeny, sposoby reprezentatsii* [Dynamics and statics in the knowledge of the reality of language: approaches, phenomena, methods of representation]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2021. 285 p.
7. Ilyin D. Yu. [Regional toponyms in tourism discourse]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2016, vol. 15, no. 4, pp. 152–158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.15.
8. Levchenko M. N., Skripnik K. V. [Invariants of temporal and local architectonics of advertising slogan (English)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 3, pp. 185–193. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-185-193.
9. Murashova Ye. A. [Lexical pragmatical markers of temporal positioning]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2015, no. 2 (30), pp. 64–75. DOI: 10.17223/19996195/30/7.
10. Murashova E. A. [Lexical emotives (based on Don Cossack proverbs and sayings)]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2019, no. 5, pp. 71–79. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.71.
11. Sokolova (Gusel'nikova) O. V. [The category of frame in cognitive linguistics]. In: *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Astrakhan State Technical University], 2007, no. 1, pp. 236–239.
12. Fillmore Ch. [Frames and the semantics of understanding]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23: Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Iss. 23: Cognitive aspects of language]. Moscow, Progress Publ., 1988. P. 52–92.
13. Furer O. V. [Frame method of describing lexical semantics]. In: *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2009, no. 8-1, pp. 178–180.
14. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. In: Winston P. H., ed. *The Psychology of Computer Vision*. New York, McGraw Hill, 1975, pp. 211–277.

15. Petruch M. Frame Semantics. In: Verschueren J., Ostman J.-O., Blommaert J., Bulcaen C., eds. *Handbook of Pragmatics*. Philadelphia, Amsterdam, Benjamins, 1996, pp. 1–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Старыгина Наталья Феликсовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Уральского государственного лесотехнического университета;
e-mail: felixovna.711@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya F. Starygina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof, Department of Russian and Foreign Languages, Ural State Forest Engineering University;
e-mail: felixovna.711@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Старыгина Н. Ф. Лапидарные номинативы в структуре фреймовой модели рекламы туристских услуг // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 81–92.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-81-92

FOR CITATION

Starygina N. F. Lapidary Nominatives in the Structure of a Frame Model of Advertising Tourist Services. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, pp. 81–92.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-81-92

УДК 800

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-93-102

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ КИНОТЕКСТОВ В АСПЕКТЕ ИХ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Трофимчук П. И.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить, чем отличается прецедентный феномен от реминисценции и аллюзии, представить собственную классификацию прецедентных феноменов советского и российского кинотекста.

Процедура и методы. На основе сравнительного анализа дефиниций «аллюзия», «реминисценция», «прецедентный феномен» были выявлены различия и определены функции этих явлений в тексте. На основе типологического метода определено, что языковая личность должна быть хорошо подготовлена к восприятию кинотекстов или различных креолизованных текстов.

Результаты. Составлена классификация прецедентных феноменов российского и советского кинотекста, определён источник происхождения, приведён конкретный пример.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение интертекстуальности и прецедентных единиц.

Ключевые слова: аллюзия, интертекст, кинотекст, прецедентный феномен, реминисценция

THE PROBLEM OF TYPOLOGY OF FILM TEXTS IN THE ASPECT OF THEIR PRECEDENCE

P. Trofimchuk*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal how the precedent phenomenon differs from reminiscence and allusion, to present its own classification of the precedent phenomena of the Soviet and Russian film text.

Methodology. Based on a comparative analysis of the definitions of “allusion”, “reminiscence”, “precedent phenomenon”, their differences were revealed and the functions of these phenomena in the text were determined. Based on the typological method, it was determined that a linguistic personality should be well prepared for the perception of film texts or various creolized texts.

Results. The classification of the precedent phenomena of the Russian and Soviet film texts has been compiled, the source of origin has been determined, and a specific example has been given.

Research implications. The results of the study contribute to the study of intertextuality and precedent units

Keywords: allusion, intertext, film text, precedent phenomenon, reminiscence

Введение

Изучая феномен прецедентности в науке о языке, важно понять, чем прецедентный феномен отличается от реминисценции и аллюзии. Очевидно, что мы имеем дело с интертекстуальными связями между текстами, которые помогают определить подтекстовую информацию. Термин «интертекстуальность» не новый в современных филологических науках. Так, ещё в начале XX в. Б. В. Томашевский выделил понятие межтекстовых «схождений». Сам

термин был введён Ю. Кристевой в 1968 г. Явление интертекстуальности присутствует в культуре, искусстве, литературе и языке. Интертекстуальность можно рассматривать с точки зрения литературоведения: исследовать творческий диалог авторов, направления, художественные приёмы. В рамках лингвистических исследований интертекстуальность прежде всего определяется как факт присутствия в одном тексте элементов другого текста. Как справедливо отмечает В. П. Москвин, речь, в которой используется интертекст, обращена к текстам прошлого, к истории [14, с. 54]. Следует также отметить, что аллюзии, реминисценции, прецедентные единицы являются формами интертекста и интертекстуальность является ассоциативной базой для этих приёмов.

Разграничение понятий «аллюзия», «реминисценция», «прецедентный феномен»

Лингвисты, изучающие прагматику, лингвокультурные парадигмы, язык культуры, часто обращаются к понятиям «аллюзия», «реминисценция» и «прецедентный феномен». Как отмечает Е. Н. Золотухина в работе «Категория интертекстуальности в современном русском языке», нередко исследователи сталкиваются с проблемой отделения аллюзии от реминисценции [9, с. 30]. Так, например, Т. Б. Цырендоржиева объединяет эти смежные понятия в единую категорию аллюзивных средств языка. В работе Ю. А. Воронцовой находим: «реминисценция является способом актуализации прецедентного текста» [4, с. 3]. В статье «Интертекст и интертекстуальность» Т. С. Глушак и А. А. Мирский утверждают, что аллюзия является разновидностью реминисценции [9, с. 29]. Отметим также, что в исследовании «Интертекстуальность и особенности её реализации в речевом жанре “духовный дневник”» Е. С. Смирнов и П. А. Колобаев определяют аллюзию и реминисценцию как стилистические приёмы [16, с. 3888].

И. Р. Гальперин формулирует определение понятия «аллюзия» так: «Непрямая ссылка в

виде слова или фразы на исторический, литературный, мифологический, библейский или бытовой факты в процессе речи или письма» [6, с. 35]. Л. Н. Лунькова обращает внимание, что аллюзия «несёт определённый набор ассоциаций и дополнительных смыслов» [13, с. 77]. Н. Д. Белоножко утверждает, что аллюзия «содержит намёк на оценочное отношение или имплицитную характеристику адресата» [1, с. 16].

В современной науке о языке нет и единого определения понятия «реминисценция». Каждый учёный наполняет термин новым смыслом, рассматривает его с разных сторон. Например, Н. А. Фатеева утверждает, что реминисценция является отсылкой к узнаваемому событию из жизни другого автора [18, с. 121–134]. Т. М. Мелтасова понимает под реминисценцией «использование изменённого или неизменённого «чужого» литературного текста» [8, с. 102]. Эту точку зрения поддерживает и Ю. А. Воронцова. Отмечают «ненамеренные или бессознательные переклички авторского текста с ранее написанными текстами» Е. Н. Золотухина [9, с. 27–31] и Н. Д. Белоножко [1, с. 21]. В статье «Текстовые реминисценции как языковое явление» А. Е. Супрун подчёркивает, что использование знакомых текстов в других текстах улучшает «способ передачи мыслей в производимом тексте и способствует его адекватному пониманию и большей эффективности» [17, с. 21].

Следует сказать, что Е. Н. Золотухина в работе, посвящённой категории интертекстуальности, справедливо заявляет, что «основное отличие аллюзии и реминисценции заключается в намеренности / ненамеренности использования автором данного интертекстуального включения» [9, с. 30]. Опираясь на мнения исследователей, к которым мы обратились, а также на данные Малого академического словаря русского языка и Большого академического словаря русского языка, сформулируем определения понятиям «аллюзия» и «реминисценция», определим их функцию в тексте, приведём конкретные примеры из отечественных кинотекстов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1
Определения / Definitions

Аллюзия	
Определение	Языковой приём, который основывается на намеренном намёке на слова, фразы, тексты различных стилей, несёт в себе оценочное отношение автора к выражаемому явлению
Функции в тексте	1) значение аллюзии является формой для нового значения; 2) выполняет предсказательную функцию; 3) структурирует текст; 4) активизирует в сознании читателя «затекстовые пласты»
Пример	В кинотекстах «Афоня» (1975 г.), «Не горюй» (1968 г.) режиссёра Георгия Данелии можно встретить надпись «Ушац» на стенах в общественных местах. Это фамилия студента МАрХи. Михаил Ушац, согласно легенде студенческого сообщества, часто вырезал или писал свою фамилию на разных вещах. Широкой публике такая мелочь в декорациях к кинофильмам непонятна. На наш взгляд, автор кинотекста выражает иронию
Реминисценция	
Определение	Ненамеренное заимствование текста или события, творческая форма употребления цитаты, которая преломляется сквозь призму адресата и преобразовывает известный опыт в новые формы и символы
Функции в тексте	1) воссоздание исторической эпохи; 2) расширение границ текста; 3) связывает различные эпохи; 4) освещение общественно-политических и социальных проблем; 5) активизация в сознании читателя творческих возможностей
Пример	Художественный фильм «Жена Чайковского» (2022 г.) режиссёра Кирилла Серебренникова

Источник: составлено автором.

Изучив труды, посвящённые вопросам прецедентности (Е. В. Бобырёва, Н. Д. Бурвикова, С. Г. Вокарчёв, Н. А. Голубева, Д. Б. Гудков, М. А. Ефремова, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, В. П. Москвин, И. М. Михалёва, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин, Ю. А. Сорокин), отметим, что учёные дают определение понятию «прецедентный феномен», опираясь на трактовку Ю. Н. Караулова и Ю. Е. Прохорова. Так, В. В. Красных в статье «Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований» выделяет три критерия определения прецедентных феноменов: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в познавательном и эмоциональном плане; 3) обращение к ним постоянно возобновляется в речи [10, с. 7]. Доктор филологических наук отмечает, что текстовые реминисценции могут быть представлены

прецедентными именами и прецедентными высказываниями. В. В. Красных утверждает, что они являются не единицами языка, а единицами дискурса, т. е. в нашем понимании при употреблении прецедентных единиц важны контекст употребления и речевая ситуация.

Основываясь на трудах Л. Талми и Д. Б. Гудкова, Н. А. Голубева подчёркивает, что важнейшим условием продуктивности и функционирования прецедентных единиц является структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества [7, с. 98]. Отмечаем, что прецедентные тексты от реминисценций и аллюзий отличаются ориентацией на конкретную личность и постоянное обращение.

Учёные по-разному классифицируют прецедентные феномены. Например, Ю. Н. Караулов вводит поня-

тие «прецедентный текст», вслед за ним В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова вводят понятие «прецедентное высказывание»; «прецедентный прагморефлекс» актуализирует Ю. Е. Прохоров, «прецедентное имя» – Д. Б. Гудков, а «прецедентный феномен» и «прецедентную ситуацию» вводит В. В. Красных. Ю. Е. Прохоров говорит об «автопрецедентах», которые представляют собой ассоциацию, обладающую высокой степенью индивидуальности. Е. В. Бобырёва, изучая религиозный дискурс, выделяет внутреннюю прецедент-

ность и внешнюю. Говоря о внешней прецедентности, доктор филологических наук указывает на «классы прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации» [2, с. 60].

Прецедентные феномены, которые существуют в пространстве кинотекста

На основе изученных трудов представим собственную классификацию прецедентных феноменов советского и российского кинотекста (табл. 2 и табл. 3).

Таблица 2 / Table 2

Прецедентные феномены в пространстве кинотекста / Precedent phenomena in the space of film text

Прецедентные тексты	
Источник происхождения	Пример из кинофильма
Хрестоматийные произведения художественной литературы	«Диалог у новогодней ёлки» Юрия Левитанского, который поют на пикнике герои кинофильма «Москва слезам не верит» (1980 г.) режиссёра Владимира Меньшова
Анекдот	Анекдот рассказывает главный герой киносериала «Склифосовский» (2012 г., реж. Андрей Селиванов и Юлия Краснова) Олег Брагин: «Приходит ветеринар к терапевту. Терапевт: "На что жалуетесь?" Ветеринар: "Нет, ну так каждый может!"»
Реклама	Фраза вора-рецидивиста Жоржа Милославского: «Храните деньги в сберегательной кассе!» из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» (1973 г.) Леонида Гайдая. Рекламный слоган использовался с 1959 г.
Произведения устного народного творчества	Поговорки, которые произносит Круглый в кинофильме «Брат» (1997 г.) режиссёра Алексея Балабанова: «Кто в Москве не бывал, красоты не видал». «Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе»
Библейские тексты	Фразы в диалогах Отца Анатолия с Отцом Филаретом в кинофильме «Остров» (2006 г.) режиссёра Павла Лунгина: «Блаженны вы, когда будут гнать и поносить и всячески неправедно злословить за имя мое...» (толкования на Мф. (5:11) (Иоанн Златоуст). «Избави мя от клеветы человеческия» (толкования на Пс. (118:134) (Свт. Афанасий Великий)
Публицистические тексты историко-философского и политического характера	В кинофильме «Любка» (2009 г.) режиссёра Станислава Митина соседка Раиса Фёдоровна Кондакова нарочито громко читает новости в газете про «Дело врачей»: «...врачи-преступники признались, что они воспользовались болезнью члена Политбюро ЦК ВКП (б) товарища Жданова, неправильно диагностировав его заболевание, скрыв имеющийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжёлому заболеванию режим и тем самым умертвили его»
Картины	Картина Питера Брейгеля «Охотники на снегу» (1565 г.) в кинофильме Андрея Тарковского «Солярис» (1971 г.), которая привносит целый ряд метафизических образов и смыслов.

Продолжение Таблицы 2

Прецедентная ситуация	
Источник происхождения	Пример из кинофильма
Реальное событие, которое оставило след в истории какого-либо лингвокультурного сообщества	Кинофильм «Безопасные связи» (2020 г.) режиссёра Константина Богомолова, который снят в формате screenlife. Три истории, рассказывают о людях, застрявших в самоизоляции во время пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19.
Случай из жизни какого-то известного человека	В кинофильме «Последняя сказка Риты» (2012 г.) режиссёра Ренаты Литвиновой главная героиня, Риточка Готье, смертельно больна. Она врач, но не знает своего диагноза. Её подруга, Надежда Михайловна, тоже врач, она знает, что Рита скоро умрёт, но не может ничем ей помочь. Маргарита Готье ложится в ту больницу, где работает Надя. В процедурном кабинете Риточка произносит фразу: «А я хочу, чтобы моя смерть была нарядная женщина с бокалом шампанского. И пусть она говорит всё по делу и не морочит мне голову. Ладно?». Так всё и случилось: перед смертью женщина в роскошном платье приносит Маргарите бокал шампанского, Рита делает несколько глотков, поворачивается на левый бок и умирает. Этот эпизод напоминают смерть Антона Павловича Чехова. Многие знают эту историю с бокалом шампанского. Существовал такой врачебный этикет, согласно которому лечащий врач, находясь у смертного одра коллеги (именно коллеги, а не просто пациента, это важно), и видя, что на спасение нет никакой надежды, должен поднести ему шампанского. «Швёерер, проверив у Антона пульс, велел подать бутылку. Антон приподнялся на постели и громко произнёс: «Ich sterbe». Выпив бокал до дна, он с улыбкой сказал: «Давно я не пил шампанского», повернулся на левый бок – как всегда он лежал рядом с Ольгой – и тихо уснул» [15, с. 561]
Прецедентное имя	
Источник происхождения	Пример из кинофильма
Мифоним	Название туристической фирмы «АИД» в кинофильме «Петровы в гриппе» (2021 г.) режиссёра Кирилла Серебренникова. Аид – верховный бог подземного царства мёртвых
Имена собственные реальных исторических лиц	«Маяковский. Два дня» (2013 г.) режиссёров Дмитрия Томашпольского и Алёны Демьяненко
Имена литературных персонажей	Экранизации русской или зарубежной художественной литературы
Прецедентное высказывание	
Источник происхождения	Пример из кинофильма
Цитаты из текстов различного характера, например, из произведений художественной литературы	«Дым отчества нам сладок и приятен» – произносит Новосельцев, когда начинает кашлять от сигареты «Marlboro», которой его угощает Самохвалов. У прецедентного высказывания достаточно длинный путь. Эту фразу вкладывает в уста Чацкому А. С. Грибоедов в комедии «Горе от ума» (1824 г.). Александр Сергеевич заимствует строку из стихотворения «Арфа» (1798 г.) Г. Р. Державина. А Гавриил Романович заимствует идею о сладости дыма отчества у Гомера из поэмы «Одиссея» (VIII в. до н. э.)

Источник: составлено автором.

Прецедентные феномены, источником происхождения которых являются советские и российские кинотексты

Очевидно, что прецедентные феномены используются не только в рамках кино-

текста, но и сами произведения кинематографа способны порождать прецедентные единицы, ведь «человек, который воспринимает искусство, тоже его творит» [12, с. 244].

Таблица 3 / Table 3

Прецедентные феномены, источников происхождения которых являются советские и российские кинотексты / Precedent phenomena, the sources of which are Soviet and Russian film texts

Сфера употребления	Прецедентный феномен
Новостные заголовки	« Восток — дело тонкое : как Москва Эрдогана на коня усадила» ¹ . Прецедентное высказывание из кинофильма «Белое солнце пустыни» (1969 г., реж. Владимир Мотыль)
Другие кинотексты	В киносериале «Склифосовский» повторяется прецедентная ситуация из кинофильма «Служебный роман». Подчинённый Олег Брагин садится в кресло своей начальницы Марины Нарочинской во время её отсутствия со словами: «Нина, пригласите ко мне в кабинет самого лучшего, самого честного, самого бескомпромиссного, смелого, будущего нашей отечественной хирургии, хирурга от Бога... не хо-хо-хо, а от Бога! Как это кого? Брагина Олега Михайловича». В это время в кабинет заходит Марина Владимировна и между героями происходит «диалог наоборот»
Общественные культурные мероприятия	« Джентльмены удачи » достали « золотой шлем » в Малаховке» ² . Джентльменами удачи называют себя малаховские моржи, которые решили повторить сцену из любимого фильма на «Люберецкой лыжне 2019». На наш взгляд, этот прецедентный феномен можно квалифицировать как прецедентную ситуацию.
Ответы на вопросы подписчиков в пространстве публичной страницы в социальных сетях	Священник Русской православной церкви, блогер Николай Михайлович Бабкин в рубрике «Вопрос-ответ» в социальных сетях часто использует видеофрагменты из советских и российских кинофильмов. На наш взгляд, такой метод можно справедливо использовать в рамках ассоциативного эксперимента. На вопрос: «Добрый день, батюшка. Почему сейчас ограничивают Дары Святого Духа?» – священник отвечает видеорядом из комедии «Кин-дза-дза!» (1986 г., реж. Георгий Данелия). А именно словами пацака Би: «У тебя дома жена, сын двоечник, за кооперативную квартиру не заплачено, а ты тут мозги пудришь. Плохо кончится, родной». После видеофрагмента Николай Бабкин добавляет: «Спуститесь с небес на землю». В конкретном случае границы прецедентности размыты, т. к. мы можем квалифицировать феномен и как прецедентное высказывание, и как прецедентную ситуацию.
Разговорно-обиходная речь	В бесплатном сервисе быстрого обмена сообщениями WhatsApp в группе соседей по подъезду на новость, выступающую раздражителем, об очередной ссоре жителей и управляющей компании участник группы отвечает: « Вторая часть Марлезонского балета! ». Эта фраза стала крылатой благодаря фильму «Д'Артаньян и три мушкетёра» (1978 г.).

¹ Восток – дело тонкое: как Москва Эрдогана на коня усадила // Новости Казахстана: [сайт]. URL: <https://ratel.kz> (дата обращения: 10.11.2023).

² «Джентльмены удачи» достали «золотой шлем» в Малаховке // Без формата. Новости Люберец и Подмосковья [сайт]. URL. <https://luber-ci.bezformata.com/listnews/udachi-dostali-zolotoj-shlem/72606349> (дата обращения: 10.11.2023).

Окончание Таблицы 3

Сфера употребления	Прецедентный феномен
Элементы декора	Для привлечения посетителей владельцы ресторанов оформляют интерьер в стиле советского кино. Например, в Ярославле открыт гостинично-ресторанный комплекс «Иоанн Васильевич». Концепция заведения основана на сюжете одноимённой кинокомедии Леонида Гайдая и воплощена в деталях интерьера, названии и оформлении залов, меню, кухне. На стенах в коридоре посетители могут встретить прецедентные высказывания из кинофильма.
Мультфильмы	В мультфильм «Бременские музыканты» были перенесены образы мелких правонарушителей из советского кинематографа: Труса, Балбеса и Бывалого. В мультфильме они появляются в качестве разбойников с большой дороги под предводительством Атаманши. На наш взгляд, квалифицировать конкретный феномен как прецедентное имя невозможно, так как под прецедентным именем понимается такое имя, которое широко известно носителям языка, связано с определённым текстом или ситуацией. Здесь правомерно использование понятия «прецедентный образ». На этот термин указывает И. В. Высоцкая в статье «Спорные вопросы теории прецедентности», приводя в пример прецедентное имя «дядя Сэм» и описательное высказывание «птица-тройка» Н. В. Гоголя [5, с. 126].
Мода	Собственной жизнью, независимой от самих фильмов, начинают жить фрагменты, клипы, цитаты. Можно отметить детали реквизита или костюмы героев, апроприированные массовой культурой в качестве модных аксессуаров. Иногда и высокая мода использует прецедентные единицы в создании коллекций одежды. Например, зимой 2021 г. в интернете активно обсуждались образы, выпущенные такими производителями, как Gucci, Prada, Burberry, Jil Sander. Носитель русской культуры с лёгкостью узнает верхнюю одежду поделщиков Доцента и мелкого уголовного Василия Али-Бабаевича из кинофильма «Джентльмены удачи», а также костюм Людмилы Прокофьевны Калугиной из «Служебного романа».
Креолизованные интернет-мемы	Чаще всего в интернет пространстве мы встречаем креолизованные тексты, которые комментируют политическую ситуацию в стране и в мире. Некоторые тексты жёстко комментируют не только высказывания политиков, но и их жизненную ситуацию, например болезнь В. В. Жириновского. Интерес здесь представляет тот факт, что автор перефразирует цитату из произведения М. А. Булгакова: «Собрались вы, скажем, бомбить Киев и вдруг у вас 75% поражения лёгких, и вот ваша бомбёжка закончилась». На картинке, которая размещена рядом с фразой, мы видим кадр из кинофильма «Мастер и Маргарита» (2005 г., реж. Владимира Бортко), на месте Берлиоза оказывается лидер партии ЛДПР, который ведёт диалог с Воландом.

Источник: составлено автором, фото автора.

Заключение

На основе изученной научной литературы и составленной классификации было установлено, что понятия «аллюзия», «реминисценция» и «прецедентный феномен» следует различать. Прецедентная единица носит сверхличностный характер, обладает вариативностью, имеет тенденцию к посто-

янному обращению и использованию языковой личностью, при применении важно учитывать контекст. Употребление прецедентных единиц связано с картиной мира определённого этноса или конкретной личности, которая принадлежит этносу.

Статья поступила в редакцию 11.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоношко Н. Д. Аллюзия как оценочное средство языка: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 150 с.
2. Бобырева Е. В. Религиозная коммуникация: содержательное пространство и основные характеристики религиозного дискурса // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2009. Вып. 7. С. 90–100.
3. Вашунина И. В. Креолизованный текст: смысловое восприятие. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
4. Воронцова Ю. А. Реминисценции в текстах современных средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 233 с.
5. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1. С. 117–137.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2020. 137 с.
7. Голубева Н. А. О развитии направлений прецедентной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 92–103.
8. Евгеньева Н. А. Функции реминисценции как формы проявления интертекстуальности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 101–105.
9. Золотухина Е. Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2009. 207 с.
10. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. 1997. Вып. 2. С. 5–13.
11. Колокольцева Т. Н., Москвин В. П. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. М.: Флинта, 2021. 352 с.
12. Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2019. 271 с.
13. Лунькова Л. Н. Текст: интеллектуальное дежа-вю. М.: Флинта, 2018. 238 с.
14. Москвин В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 54–61.
15. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова // пер. О. Макаровой. М.: КоЛибри, 2014. 896 с.
16. Смирнов Е. С., Колобаев П. А. Интертекстуальность и особенности её реализации в речевом жанре «духовный дневник» (на материале текстов протопресвитера А. Шмемана): теолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3886–3891.
17. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.
18. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 280 с.

REFERENCES

1. Belonozhko N. D. *Allyuziya kak ocenochnoe sredstvo yazyka: na materiale anglijskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Allusion as an Evaluative Means of Language: On the Material of the English Language: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2013. 150 p.

2. Bobyreva E. V. [Religious Communication: Content Space and Main Characteristics of Religious Discourse]. In: *Sovremennyye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i shkole* [Modern Problems of Linguistics and Methods of Teaching the Russian Language at Universities and Schools], 2009, no. 7, pp. 90–100.
3. Vashunina I. V. *Kreolizovannyj tekst: smyslovoe vospriyatie* [Creolized Text: Semantic Perception]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., 2020. 206 p.
4. Vorontsova Yu. A. *Reminiscencii v tekstah sovremennykh sredstv massovoj informacii: dis. ... kand. filol. nauk* [Reminiscences in the Texts of Modern Media: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Belgorod, 2004. 233 p.
5. Vysotskaya I. V. [Controversial Issues in the Theory of Precedent]. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2013, no. 1, pp. 117–137.
6. Galperin I. R. *Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, URSS Publ., 2020. 137 p.
7. Golubeva N. A. [About Development of Vectors of Precedent Linguistics]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2020, no. 3, pp. 92–103.
8. Yevgenyeva N. A. [Functions of Reminiscence as a Form of Manifestation of Intertextuality]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2013, no. 11 (160), pp. 101–105.
9. Zolotukhina E. N. *Kategoriya intertekstual'nosti v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [The Category of Intertextuality in the Modern Russian language: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Kaluga, 2009. 207 p.
10. Krasnyh V. V. [System of Precedent Phenomena in the Context of Modern Research]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, Consciousness, Communication], 1997, no. 2, pp. 5–13.
11. Kolokoltseva T. N., Moskvina V. P. *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov* [Intertextuality and Figures of Intertext in Discourses of Different Types]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 352 p.
12. Leontyev A. A. *Prikladnaya psiholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoj kommunikacii* [Applied Psycholinguistics of Speech Communication and Mass Communication]. Moscow, Smysl Publ., 2019. 271 p.
13. Lunkova L. N. *Tekst: intellektual'noe dezha-vyu* [Text: Intellectual Deja Vu]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 238 p.
14. Moskvina V. P. [Intertextuality: Category Apparatus and Typology]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2013, no. 6 (81), pp. 54–61.
15. Rayfield D. Anton Chekhov – A Life (Rus. ed.: Makarova O., transl. Zhizn' Antona Chekhova. Moscow, KoLibri Publ., 2014. 896 p.).
16. Smirnov E. S., Kolobaev P. A. [Intertextuality and Features of Its Realisation in the “Spiritual Diary” Speech Genre (by the Material of Texts by the Protopresbyter A. Schmemmann): A Theolinguistic Aspect]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 12, pp. 3886–3891.
17. Suprun A. E. [Text Reminiscences as a Linguistic Phenomenon]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 1995, no. 6, pp. 17–29.
18. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимчук Полина Ильинична – аспирант кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;
e-mail: polya.trofimchuk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina I. Trofimchuk – Postgraduate Student, Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education;
e-mail: polya.trofimchuk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Трофимчук П. И. Проблема типологизации кинотекстов в аспекте их прецедентности // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 93–102.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-93-102

FOR CITATION

Trofimchuk P. I. The Problem of Typology of Film Texts in the Aspect of Their Precedence. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 93–102.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-93-102

УДК 81'372

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-103-110

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА СЛЕЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО И Б. РЫЖЕГО

Силаева М. В.

Государственный университет просвещения

141014 г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить сходства и различия функциональных особенностей образа слезы в художественной системе В. Маяковского и Б. Рыжего.

Процедура и методы. В статье приводится анализ работ, посвящённых исследованию образной системы В. Маяковского и Б. Рыжего. Основное содержание исследования составляет анализ лирических текстов. Особое внимание уделяется подтекстовым связям лирики поэтов с философией христианства. Методология состоит в раскрытии источников единых мотивов и образов художественной системы поэтов.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о разном функциональном значении образа слезы в поэтическом мире В. Маяковского и Б. Рыжего. При очевидных совпадениях в эстетике поэтов раскрываются причины различной семантики образа слезы, что позволяет создать более полное представление об авторской концепции Маяковского и Рыжего.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлено проблематика по малоисследованному творчеству Б. Рыжего. Результаты могут быть использованы в вузах при изучении курса истории русской литературы XX в. и для составления комментариев к изданию стихов Б. Рыжего.

Ключевые слова: Борис Рыжий, Маяковский, поэзия, слеза, христианская культура

THE FUNCTIONAL SIGNIFICANCE OF THE IMAGE OF TEARS IN THE WORKS OF V. MAYAKOVSKY AND B. RYZHY

M. Silaeva

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this study is to identify similarities and differences in the functional features of the image of a tear in the artistic system of V. Mayakovsky and B. Ryzhy.

Methodology. The article provides an analysis of the works devoted to the study of the figurative system of V. Mayakovsky and B. Ryzhy. The main content of the study is the analysis of lyrical texts. Special attention is paid to the subtext connections of the poets' lyrics with the philosophy of Christianity. The methodology consists in revealing the sources of common motifs and images of the artistic system of poets.

Results. According to the results of the study, a conclusion was made about the different functional significance of the image of a tear in the poetic world of V. Mayakovsky and B. Ryzhy. With obvious coincidences in the aesthetics of the poets, the reasons for the different semantics of the image of tears

are revealed, which allows us to create a more complete picture of the author's concept of Mayakovsky and Ryzhy.

Research implications. The problems of the little-explored work of B. Ryzhy have been updated. The results can be used in universities when studying the course of the history of Russian literature of the twentieth century and to compile comments on the publication of poems by B. Ryzhy.

Keywords: Boris Ryzhy, Christian culture, Mayakovsky, poetry, teardrop

Введение

Слёзы как явление культурной жизни той или иной эпохи появляются ещё в древние времена. Как образ античного мира, запечатлённый в скульптуре или иконографии, он был нетипичным. «Слёзы не являются характерным феноменом для древнегреческой культуры, которую, хотя и несколько односторонне и схематично, но всё же не без оснований принято называть “светлой” и “жизнеутверждающей”, – сказано в работе Д. Ю. Дорофеева [6, с. 131]. Слёзы станут едва ли не основной приметой внутренних душевных процессов, катарсиса с приходом христианства. Святые отцы обладают даром чистых слёз, лишённых принадлежности к физиологическим процессам. Человеку же свойственно доверять слезам все свои тайны: от страдания до абсолютного счастья. Тема функционального значения образа слезы в творчестве В. Маяковского и Б. Рыжего принципиально не исследовалась. Как один из проходящих образов в контексте христианской культуры он затрагивался в работе М. Вайскопфа [5].

Современное маяковское исследование сосредоточено на исследовании синтеза культур и метапредметных связей в творчестве поэта [1]. Актуальный вектор исследовательской мысли был продемонстрирован, в частности, на Международной научной конференции «Маяковский – 2023» (ИМЛИ РАН), посвящённой юбилею поэта. Преемственность, очевидные поэтические параллели в творчестве В. Маяковского и Б. Рыжего видятся сегодня перспективными [4; 7; 8]. Так, в исследовании Н. Л. Быстрова выделяется сходный у двух поэтов «мотив поэтического дара как страдания» и целый ряд технических совпадений, относящихся к лексическим и

синтаксическим способам создания художественного пространства [4, с. 52].

Однако более убедительной видится позиция К. М. Комарова, основанная не на факте подражания одного поэта другому, а на преемственности, на схожих позициях и реакциях на окружающую действительность. Обращаясь, в частности, к текстологическому методу, автор проводит параллели в области темы детства, любви к животным, в теме жизни и смерти, притяжённости к русской культуре. Исследователь отмечает: «Примерно с середины 1993 г. Маяковский постепенно уходит из стихов Рыжего. С течением времени, обретая свой индивидуальный голос, Рыжий стал нейтрален к Маяковскому, его заслонили другие фигуры. Однако глубокие психосоматические, эстетические и мировоззренческие интенции, роднящие его с Маяковским, оставались с поэтом до конца его короткого, но чрезвычайно продуктивного творческого пути» [7, с. 63]. Больше значимых попыток соотнесения творческого наследия поэтов не предпринималось.

Однако исследований, посвящённых лирике Б. Рыжего, становится всё больше. Так, в работе Т. А. Арсеновой «Стихотворение Бориса Рыжего “Север”: история создания, фольклорные и литературные источники» представлена история создания стихотворения «Север», поэтический диалог Б. Рыжего и А. Кузина. В ходе подробного литературоведческого анализа стихотворения автор находит переключки с литературным наследием отечественной и зарубежной литературы [2]. В статье «Борис Рыжий и “Торный родник”: детали к картине литературной жизни Екатеринбурга 1990-х гг.» [3] представлена история возникновения и разви-

тия литературного объединения «Горный родник» и его роль в жизни Б. Рыжего. Одним из очевидных достоинств работы является большое количество документальных материалов. В сентябре 2024 г. поэту исполнилось бы 50 лет, и этот факт не останется незамеченным в научном сообществе. Развитие сходных мотивов, построение образной системы у Маяковского и Рыжего нуждается в глубоком исследовании. Особого внимания заслуживают функциональные особенности образа слёзы в поэтической системе поэтов.

Образ слезы в лирике В. Маяковского

Образ слезы в поэтике В. Маяковского сопряжён с христианской культурой. Сегодня уже нет необходимости доказывать очевидную притяжённость поэта Вечным истинам христианства. Семья Маяковских, потеряв кормильца, была вынуждена распродавать имущество, однако три маленькие иконы не подвергались материальной оценке, они оставались с ними всегда. В творчестве поэт масштабно использовал реминисценции и аллюзии на Священное Писание.

Маяковский искал в Библии возможность разрешения собственных внутренних противоречий. Поэтому часто смело соотносил лирического героя со Спасителем, стараясь подражать Его любви и духовной силе. Не случайно герой-поэт выбирает себе в паству не благопристойных людей, а отверженных грешников – в этом можно видеть следование заветам Спасителя:

*И бог заплачет над моею книжкой!
Не слова – судороги, слипшиеся комом;
и побегит по небу с моими стихами под мышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым¹.*

Представление Бога своим другом обусловлено стремлением Маяковского приблизить Всевышнего к человеку, а мир

земной к миру небесному. Поэтому вполне естественным видится контекст, на фоне которого появляется образ слезы – крест и распятие: «я – где боль, везде; / на каждой капле слёзовой течи / распял себя на кресте»². Это поистине «мозг всей Вселенной, умиротворяющей и щедрой – для всех сырых и нищих духом» [9, с. 252]. Очистительный характер слезы усугубляет страстное желание героя страдать ради освобождения от греха всего человечества.

В учениях Святых отцов церкви написано о многоаспектности слёз, так как плачут и униженные, и возгордившиеся, и обездоленные, и счастливые. Однако особое место занимает понятие «дара слёз». Это **слёзы божественного происхождения**, они текут произвольно, человек не прикладывает ни физических, ни эмоциональных усилий к их появлению. Но подобная благодать должна снизойти до открытого к ней человека. У современных людей, особенно воспитанных суровой городской действительностью, сердце ожесточённое, не восприимчивое к божьему дару. Человек не видит греха, а значит, и не способен к покаянию. Это и становится причиной ожесточения сердца³. Произвольный характер слёз героя Маяковского всегда противопоставлен абсолютному равнодушию человечества.

Лирический герой физически одинок в своём страдании. Однако на уровне духа его восприятие катастрофы мира разделяет окружающая природа и городская действительность: «на ресницах морозных сосул / слёзы из глаз – / да! – / из опущенных глаз водосточных труб»⁴; «слезают слёзы с крыши в трубы»⁵; «с неба, изодранного о штыков жала, / слёзы звёзд просеивались, как мука в сите»⁶.

² Там же. С. 109.

³ См.: Евфимов Е. Путь слёз. М.: Паломник, 2012. 220 с.

⁴ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 115.

⁵ Маяковский В. В. Кое-что про Петербург // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 74.

⁶ Маяковский В. В. Война объявлена // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 91.

¹ Маяковский В. В. А всё-таки // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 60.

Эти слёзы – свидетельство разделённых или принятых на себя страданий.

*Брошусь на землю,
камня корою
в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая¹.*

Герой всегда стремится очистить город всеми доступными ему способами. И в данном случае можно наблюдать процесс омыwania слезами греховной городской действительности.

Очищение собственной души, человечества, мира находит отражение либо в образе слезы, либо в запечатлённом процессе (рыдания, плача и т. п.). Так, в стихотворении «По мостовой моей души изъезженной...» только лирический герой способен узреть в сегодняшнем дне повторяющуюся во все времена картину распятия, где городская действительность становится Голгофой:

*Иду
один рыдать,
что перекрёстком,
ра́спяты
городовые².*

Лексема *слеза* становится производной для создания неологизма, определяющего состояние героя: «Я сам. / Глаза наследнённые бочками выкачу». То же предельное напряжение передано схожим неологизмом: «Почти окровавив исслезённые веки, / вылез, / встал, / пошёл / и с нежностью, неожиданной в жирном человеке, / взял и сказал: / «Хорошо!»³

В редких случаях Маяковский отступает от христианского образа *слёзы* как олицетворения страдания за человечество. Тогда он вкладывает в этот образ **суть творче-**

ства, природа которого по определению сопряжена со страданием.

*Когда обиженный выбежал дирижёр,
приказал музыкантам плакать.
И сразу тому, который в бороду
толстую сёмгу вкусно нёс,
труба – изловчившись – в сытую морду
ударил горстью медных слёз⁴.*

Этот мотив унаследует и виртуозно разовьёт поэт конца XX в. Борис Рыжий.

Образ слезы в поэзии Б. Рыжего

В интервью Б. Рыжий вспоминал, как ещё в подростковом возрасте восхищался поэзией Маяковского, и в разговоре с сестрой цитировал строчки из тетраптиха «Облако в штанах»: «Дождь обрыдал тротуары, / лужами сжатый жулик, / мокрый, лижет улиц забитый бульжником труп, / а на седых ресницах / – да! / – на ресницах морозных сосулек, / слёзы из глаз / – да! / – из опущенных глаз водосточных труб»⁵. Думается, не случайно, спустя годы, поэт цитирует именно эти строчки. Слеза как неперемнная реакция на действительность, а иногда и важная часть этой действительности была свойственна лирике Рыжего.

Аллюзией на Маяковского становится стихотворение «Вечер»: «Я вышел в улицу. Квартал, / ко рту прижав платочком осень, / ребёнком нежным крепко спал» (ср.: «Я вышел на улицу, / выжженный квартал / надел на голову как рыжий парик»⁶). В этом же стихотворении: «Кружилась ночь, дрожали слёзы / в железных веках фонарей»⁷. Фонарь – это особая примета города, страдающая или сострадающая. **Слёзы стано-**

¹ Маяковский В. В. Надоело // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 140.

² Маяковский В. В. По мостовой моей души изъезженной... // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 76.

³ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 239.

⁴ Маяковский В. В. Кое-что по поводу дирижёра // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 116.

⁵ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 51.

⁶ Маяковский В. В. А всё-таки // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 67.

⁷ Рыжий Б. Б. Вечер // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 31.

входят частью уродливой городской действительности. В них не запечатлевается горе или отчаяние, они естественны: «Мне очень / хочется быть / полусупившимся собаководом – / выгуливать пресные слёзы / на впадинах щёчных»¹. Если в лирике Маяковского фонарь отражает пугающую суть городского мира, то в образной системе Рыжего фонарь не обладает оценочной категорией. Это единственная вертикаль, способная, пусть схематично, но всё-таки отобразить устремлённость человека к небу. То, что было присуще в начале XX в. возвышающимся над церквями крестам, в конце столетия стало функциональной особенностью фонарей, определившей гораздо более низкий уровень человеческих возможностей в поиске Бога.

Не удивительно, что образы фонаря и слёз часто выступают в тандеме: «Глотают слёзы / вдоль дороги фонари, / словно дети, с жизнью в ссоре»². Ассоциация состояния страны в 1990-е гг. с детской обидой предельно точно передаёт отчаяние, в котором пребывали люди в конце XX в. Как известно, Б. Рыжий тоже очень болезненно переживал разрушение жизни и целого мира. Богатый промышленный город Свердловск превратился в самоуничтожающийся мир нищих, бандитов и зависимых людей. «Боже, как себя порою жалко – / надо жить, а я лежу и плачу»³. Поэтому слёзы становятся реакцией на осознание масштабов утраты. В общем плаче сливаются предметы городской действительности и природа: «Кусты заламывали кисти, / Как слёзы осыпались листья»; «фея пробежит по переулку и слезами руки обольёт»⁴.

Однако слёзы выступают и в диаметрально противоположном аспекте. Они

могут олицетворять искренность чувств: «И говорю: люблю тебя, да-да, / до самых слёз»; «не прохладно проститься с тобой, / чтоб в слезах, а не без»; «только в музыку верил, / да и то не до слёз»⁵. В этом случае со слезы снимается пафос страдания. У архимандрита Епифания (Евфимула) есть «двойная теория слёз, которые происходят от наших собственных усилий (как вода) и которые являются даром слёз (как дождь)»⁶. Дождь, как правило, ассоциируется со слезой и плачем как у Маяковского, так и у Рыжего: «Дождь обрыдал тротуары»⁷. (ср.: «Дай с дождями рыдать / на плече у тебя»⁸). Таким образом с помощью психологического параллелизма в окружающем мире раскрываются мощные светлые потенции.

Лирическим субъектам свойственны метаморфозы, когда они физически меняют свой облик под натиском чувств. Анималистический образ у Маяковского появляется в тот момент, когда героя обуравляет ревность – он превращается в медведя. Герой Рыжего, страдая от одиночества, становится волком: «Встану, сверкну, как гроза и .../ Не надо!.. Вдруг ещё небо размою / Своими слезами»⁹. Страдания неуправляемой силы пробуждают в человеке звериное начало.

Не менее важной видится параллель, обусловленная темой творчества. Она всегда сопряжена со страданиями как у Маяковского, так и у Рыжего («гвоздями слов прибит к бумаге я»¹⁰, «Кроме прозы, / всё, что я писать пытался, тут же / размы-

¹ Рыжий Б. Б. В кварталах дальних и печальных... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 38–39.

² Рыжий Б. Б. Новогодняя ночь // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 43.

³ Рыжий Б. Б. Пробуждение // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 74.

⁴ Рыжий Б. Б. Фонарь над кустами // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 112.

⁵ Рыжий Б. Б. Как некий – скажем – гойевский урод... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 338.

⁶ Евфимулос Е. Путь слёз. М.: Паломник, 2012. С. 46.

⁷ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 11.

⁸ Рыжий Б. Б. Фонари – чья рука их сорвёт, как цветы... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 65.

⁹ Рыжий Б. Б. Облака пока не поблуднели... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 28.

¹⁰ Маяковский В. В. Флейта-позвоночник // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 258.

вали слёзы»¹). У Маяковского эти строчки звучат в контексте библейского мотива: поэт ассоциирует себя со Спасителем по линии собственного мессианского предназначения, наполненности любовью к человечеству, способности творить. У Рыжего слёзы творчества – это страдание того, кому суждено знать больше других. С детства у поэта был шрам, который начинался около переносицы и проходил через всю щёку. Собственное увечье станет олицетворением вечных мук Художника в эпоху безвременья: «Видишь этот рубец – / Он оставлен слезой»². О природе слёз как источнике тайных знаний и памяти человеческого рода читаем у Игнатия Брянчанинова: «Слёзы естественны падшему человеческому естеству. До падения оно не ведало слёз, – ведомо ему было одно чистейшее наслаждение райским блаженством. Оно утратило это блаженство: ему оставлены слёзы как выражение сочувствия к блаженству, как свидетельство падения, ... как надежда возратить когда-нибудь это блаженство»³.

Заключение

Соотнесение исканий поэтов эпохи перемен только начинает свой путь. В. Маяковский жил и творил в ожидании революции духа. После социалистической революции поэт старался отстаивать свои представления об идеале и служении человечеству. Его культурный код был так или иначе связан с литературой

Серебряного века, поэтому он всегда обращался к Священному Писанию, к образам Спасителя, Божьей Матери как к носителям абсолютной истины. Слёзы, плач, рыдание, отражающие страдания лирического героя, всегда имеют библейский подтекст. Герой, обострённо переживающий несовершенство мира, через светлые слёзы обретает силу. О ней пишет святитель Игнатий (Брянчанинов): «В слезах таинственно живёт утешение»⁴. Он не уйдёт с пути, определённого ему свыше.

Борис Рыжий тоже жил и творил, но в надежде на возвращение прежних времён. 1990-е гг. не обещали преобразований, только разрушение. Любовь поэта к Маяковскому обнажила многие линии сопоставления мотивов и образов. Но естественная для Маяковского культура христианского мира находилась на внушительном расстоянии от мира Б. Рыжего. Поэтому одинаковые образы наполняются у поэтов разным содержанием. Слёзы лирического героя Рыжего – это в психологическом параллелизме отражённое знание об оставленности, обречённости людей в России. Творчество поэта всегда наполнено созидательным страданием. Пожалуй, только это питало Б. Рыжего. Оба поэта трагически ушли из жизни. В. Маяковский в – 37 лет, Б. Рыжий – в 27. Им не хватило сил справиться с потерями, поэтому их слёзы ушли в вечность: «...я в мир пришёл, чтоб навсегда проститься»⁵.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипова Г. А. Маяковский: я еду удивлять! Марш поэта по стране. М.: Лингвистика: Бослен, 2021. 320 с.
2. Аксенова Т. А. Стихотворение Бориса Рыжего «Север»: история создания, фольклорные и литературные источники // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 95–104.

¹ Рыжий Б. Б. Стихи для пустого альбома // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 44.

² Рыжий Б. Б. Сын, подойди к отцу... // Рыжий Б. Б. Оправдание жизни. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 14

³ Святитель Игнатий Брянчанинов. О слезах // Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений и писем: в 8 т. Т. 1. / под общ. ред. О. И. Шафранова. 2-е изд., испр. и доп. С. 301

⁴ Святитель Игнатий Брянчанинов. О слезах // Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений и писем: в 8 т. Т. 1. / под общ. ред. О. И. Шафранова. 2-е изд., испр. и доп. С. 301.

⁵ Рыжий Б. Б. Нет, главное, пожалуй, не воспеть... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 119.

3. Арсенова Т. А. Борис Рыжий и «Горный родник»: детали к картине литературной жизни Екатеринбургa 1990-х гг. // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 122–136. DOI 10.26105/PBSSPU.2022.9.1.010.
4. Быстров Н. Л. Маяковский в ранней поэзии Бориса Рыжего // В. В. Маяковский: русская и национальная литературы: материалы 20-й Юбилейной международной научно-практической конференции. К 130-летию со дня рождения В. В. Маяковского, Ереван, 28–30 сентября 2023 г. Ереван: Копи Принт, 2023. С. 52–61.
5. Вайскопф М. Во весь логос: религия Маяковского. М.: Иерусалим, 1997. 175 с.
6. Дорофеев Д. Ю. Слезы и смех античной философии: к эволюции образа Гераклита и Демокрита // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. № 4. С. 126–136.
7. Комаров К. М. «Маяковский – вот это да...» Борис Рыжий и Владимир Маяковский // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: сборник статей и докладов. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный учёный»), 2015. С. 48–63.
8. Силаева М. В. Образы природы в лирике В. Маяковского и Б. Рыжего // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 1. С. 72–76.
9. Тихомирова А. О. Модификация художественного пространства в рассказе А. М. Горького «Женщина» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Войловой К. А., Москва, 26 февраля 2024 г. / отв. ред. О. В. Шаталова М.: Постатор, 2024. С. 249–254.

REFERENCES

1. Antipova G. A. *Mayakovskij: ya edu udivlyat'! Marsh poeta po strane* [Mayakovsky: I'm going to Surprise! The Poet's March across the Country]. Moscow, Lingvistika: Boslen Publ., 2021. 320 p.
2. Aksenova T. A. [Boris Ryzhey's Poem "North": History of Creation, Folklore and Literary Sources]. In: *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2022, no. 4, pp. 95–104.
3. Arsenova T. A. [Boris Ryzhy and "Mountain Spring": details to the picture of the literary life of Yekaterinburg in the 1990s]. In: *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2022, no. 1, pp. 122–136. DOI 10.26105/PBSSPU.2022.9.1.010.
4. Bystrov N. L. [Mayakovsky in the Early Poetry of Boris Ryzhey]. In: *V. V. Mayakovskij: russkaya i nacional'naya literatura: Materialy 20-I YUbilejnoy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Mayakovskogo, Erevan, 28–30 sentyabrya 2023 g.* [V. V. Mayakovsky: Russian and National Literature: Materials of the 20th Anniversary International Scientific and Practical Conference. To the 130th Anniversary of the Birth of V. V. Mayakovsky, Yerevan, September 28–30, 2023]. Erevan, Kopi Print, 2023, pp. 52–61.
5. Vajskopf M. *Vo ves' logos: Religiya Mayakovskogo* [In Full Logos: Religion of Mayakovsky]. Moscow, Ierusalim Publ., 1997. 175 p.
6. Dorofeev D. Yu. [Tears and Laughter of Ancient Philosophy: Towards the Evolution of the Image of Heraclitus and Democritus]. In: *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2016, vol. 17, no. 4, pp. 126–136.
7. Komarov K. M. ["Mayakovsky – wow..." Boris Ryzhy and Vladimir Mayakovsky]. In: *Boris Ryzhiy: poetika i hudozhestvennyj mir: sbornik statej i dokladov* [Boris Ryzhiy: Poetics and the Artistic World: Collection of Articles and Reports]. Ekaterinburg, Fabrika komiksov (imprint "Kabinetnyj uchyonyj") Publ., 2015, pp. 48–63.
8. Silaeva M. V. [Images of Nature in the Lyrics of V. Mayakovsky and B. Ryzhey]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the State University of Humanities and Technology], 2021, no. 1, pp. 72–76.
9. Tihomirova A. O. [Modification of Artistic Space in the Story of A. M. Gorky "Woman"]. In: *Russkij yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora Vojlovoj K. A., Moskva, 26 fevralya 2024 g.* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: A Collection of Scientific Papers based on the Results of the International Scientific Conference dedicated to the Memory of Doctor of Philology, Prof. K. A. Voilova]. Moscow, Postator Publ., 2024, pp. 249–254.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Силаева Марина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета русской филологии Государственного университета просвещения;
e-mail: sofyaberyozkina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Silaeva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, Federal State University of Enlightenment;
e-mail: sofyaberyozkina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Силаева М. В. Функциональное значение образа слезы в творчестве В. Маяковского и Б. Рыжого // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 103–110.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-103-110

FOR CITATION

Silaeva M. V. The Functional Significance of the Image of Tears in the Works of V. Mayakovsky and B. Ryzhy. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 103–110.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-103-110

УДК 82-22

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-111-120

КОМЕДИЯ В. П. КАТАЕВА «ДОРОГА ЦВЕТОВ»: АЛЛЮЗИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

Халилов Р. О.*Независимый исследователь,**г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и исследовать аллюзии и социальной компонент действительности в художественной структуре комедии В. Катаева «Дорога цветов».

Процедура и методы. Проанализированы критика, рецензии, статьи авторов советского и постсоветского периодов. Выполнена архивно-исследовательская работа рассматриваемого периода. При исследовании использовались возможности текстологического, структурного, социологического методов изучения литературы. Проведён выборочный анализ произведения, выявлен художественный слой произведения, в котором использованы аллюзии научных работ Л. С. Выготского, компоненты социальной действительности. Определены художественные элементы и приёмы, позволившие автору выразить скрытую за внешним действием идею.

Результаты. Итоги исследования возмещают отсутствие критического подхода к пьесе, в советский период связанного с литературной политикой, в новейшее время – с отсутствием исследовательского интереса к драматургии В. Катаева. С появления комедии на публике и по настоящее время считалось, что комедия «Дорога цветов» – это сатирическая комедия, высмеивающая демагога Завьялова, рассказывающего о фантастическом советском будущем, цинично использовавшего свою публичность в пошлых целях. Однако проведённый анализ позволил установить, что внешнее сатирическое действие является прикрытием основного замысла автора. Результаты исследования показали, что авторское критическое выражение, строящееся на аллюзионном и социальном материале, расположенном в художественной структуре сатирического действия, направляет внимание читателя / зрителя на научные работы Л. С. Выготского и обобщённый образ либералов Завьяловых, расширяющих багаж знаний из работ учёного.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявленный исследованием аллюзионный и социальный аспект комедии послужит новому пониманию «Дороги цветов» в контексте комедийной драматургии начала 1930-х гг. Средства и приёмы драматургии, а также скрытая тема произведения, выявленные в исследовании, расширят представление о комедиографическом творчестве В. П. Катаева. Материалы исследования могут быть использованы на лекциях по драматургии 1920–30-х гг., семинарах, посвящённых драматургии В. П. Катаева. Результаты работы могут быть использованы художественными руководителями театров, режиссёрами, сценографами в постановке драматургических произведений Катаева на сцене.

Ключевые слова: В. Катаев, «Дорога цветов», Л. С. Выготский, Ницше, сверхчеловек, Спиноза, СССР, Энгельс

V. P. KATAEV'S COMEDY "THE ROAD OF FLOWERS": ALLUSIONS AND SOCIAL COMPONENT

R. Khalilov*Independent Researcher, Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and investigate the allusions and the social component of reality in the artistic structure of V. Kataev's comedy "The Road of Flowers".

Methodology. The criticism, reviews, and articles of the Soviet and post-Soviet authors are analyzed. The archival research work of the period under consideration has been carried out. Textual, structural, and sociological methods of studying literature were used in the study. A selective analysis of the work was carried out, the artistic layer of the work was revealed, in which allusions of L. S. Vygotsky's scientific works, components of social reality were used. The artistic elements and techniques that allowed the author to express the idea hidden behind the external action were determined.

Results. The results of the study compensate for the lack of a critical approach to the play, in the Soviet period associated with literary politics, in recent times – with the lack of research interest in V. Kataev's dramaturgy. From the appearance of the comedy in public to the present, it was believed that the comedy "The Road of Flowers" is a satirical comedy ridiculing the demagogue Zavyalov, who talks about the fantastic Soviet future, cynically using his publicity for vulgar purposes. However, the analysis made it possible to establish that the external satirical action is a cover for the main idea of the author. The results of the study showed that the author's critical expression, based on the allusive and social material located in the artistic structure of the satirical action, directs the reader/viewer's attention to the scientific works of L. S. Vygotsky and the generalized image of the Zavyalov liberals, expanding the knowledge base of the scientist's works.

Research implications. The allusive and social aspect of comedy revealed in the study will serve to understand the "Road of Flowers" in the context of comedy dramaturgy of the early 1930s. The means and techniques of dramaturgy, as well as the hidden theme of the work revealed in the study, will expand the idea of V. P. Kataev's comedic work. The research materials can be used in lectures on dramaturgy of the 1920s–30s, seminars dedicated to the dramaturgy of V. P. Kataev. The results of the work can be used by artistic directors of theaters, directors, set designers in staging Kataev's dramatic works on stage.

Keywords: "The Road of Flowers", V. Kataev, USSR, L. S. Vygotsky, Nietzsche, overman, Spinoza, Engels

Введение

Работу над комедией «Дорога цветов» В. Катаев закончил в октябре 1933 г.¹ Пьеса впервые опубликована в пятой (майской) книге журнала «Красная новь»². Эпизод из комедии был напечатан ранее, четвёртого марта того же года в «Литературной газете»³. Начиная с первой публикации комедии в 1934 г. и до последней прижизненной в 1986 г. «Дорога цветов» без редакционных изменений переиздавалась неоднократно: в брошюрах для читателей и работников театра⁴, в сборнике пьес

1955 г.⁵, в составе томов собрания сочинений В. Катаева 1971⁶, 1986⁷ гг. До Великой Отечественной войны комедию «Дорога цветов» активно ставили столичные театры, театры РСФСР и союзных республик⁸.

Премьера «Дороги цветов» состоялась в театре им. Евг. Вахтангова 13 мая 1934 г. в постановке О. Н. Басова и И. М. Раппопорта. Судя по отзывам в прессе, нельзя сказать, чтобы комедия была при-

¹ Катаев В. Дорога цветов. Комедия в четырёх действиях. М.: Художественная литература, 1934. 135 с.

² Катаев В. Дорога цветов // Красная новь. 1934. № 26. Май. С. 3–40.

³ Катаев В. Дорога цветов // Литературная газета. 1934. № 26. 4 марта. С. 3.

⁴ Катаев В. Дорога цветов. Комедия в четырёх действиях. М.: ЦЕДРАМ, 1934. 64 с.; Катаев В. Дорога цветов. Комедия в четырёх действиях. М.: ЦЕДРАМ,

1935. 82 с.; Катаев В. Дорога цветов. Комедия в четырёх действиях. М.: ЦЕДРАМ, 1935. 51 с.; Катаев В. Дорога цветов. Комедия в четырёх действиях. М.: ЦЕДРАМ, 1936. 60 с.

⁵ Катаев В. Пьесы. М.: Советский писатель, 1955. С. 193–276.

⁶ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Пьесы. М.: Художественная литература, 1971. С. 127–202.

⁷ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 247–319.

⁸ Шаргунов С. Катаев: Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 289.

нята особенно доброжелательно¹. Вместе с тем благосклонная оценка газеты «Правда», которая выразила своё одобрение художественному воплощению идеи автора, способствовала успешному продвижению постановки по СССР и за рубежом².

Первые литературоведческие рецензии на комедию «Дорога цветов» появляются после Великой Отечественной войны. В 1950-е и 1960-е гг. выходят книги о жизни и творчестве Катаева: Т. Н. Сидельниковой³, Ф. И. Луценко⁴, Б. Брайниной⁵, Л. И. Скорино⁶. В книгах представлен биографический, литературно-исторический материал, произведения Катаева сопровождаются литературоведческими исследованиями. О драматургии Катаева авторы говорят кратко. Анализ «Дороги цветов» ограничивается упоминанием произведения, кратким анализом сатирического действия, характеристикой образов. В монографиях 1950-х и 1960-х гг. о советской комедии М. Микулашек⁷, В. Фролов⁸ в «Дороге цветов» анализируют художественные и идейные особенности сатиры. М. Микулашек выделяет разнообразие и оригинальность средств комедийности в пьесе. Исследователи отмечают вклад драматургии В. П. Катаева в развитие советской комедии. Киселев в монографии

1973 г. «Проблемы советской комедии»⁹, обращаясь к драматургии В. П. Катаева в контексте развития советской комедии, «Дорогу цветов» не упоминает. В издании «Театр и драматургия» (1959 г.) Л. Климова в очерке, посвящённом драматургии Катаева, давая краткую характеристику образам в «Дороге цветов», считает, что «сатирическое начало в этой пьесе значительно сильнее, чем в водевиле “Миллион терзаний”»¹⁰. Б. Е. Галанов в вышедших 1982 и 1989 гг. книгах о жизни и творчестве В. П. Катаева¹¹ комедию «Дорога цветов» обходит вниманием. В диссертации 1999 г. «Социохудожественный феномен В. П. Катаева» М. Литовская исследованию драматургии В. П. Катаева выделяет второстепенное место. Исследователь считает, что в «Дороге цветов» общественная проблема так же, как и в последующих комедиях, «заменяется частными конфликтами, обличением отдельных недостатков у отдельных людей» [5, с. 78–80]. В книге В. Огрызко «Циник с бандитским шиком»¹² 2015 г. о В. П. Катаеве множество социально-политических и литературно-исторических фактов, интересных комментариев. Драматургия Катаева представлена обзорным описанием. «Дорогу цветов» автор не упоминает. Книга С. Шаргунова «Погоня за вечной весной» 2017 г. о жизни и творчестве Катаева отличается глубокими литературоведческими замечаниями, множеством биографических фактов. О «Дороге цветов» рассказано два занимательных случая, не имеющих отношения к формально-содержательной стороне комедии¹³.

¹ Левидов М. Рупор и колокольчик // Литературная газета. 1934. № 67. 28 мая. С. 3; Дмитриевский В. Дорога цветов // Труд. 1934. № 114. 17 мая. С. 4; Дир. Дорога цветов. Премьера в Днепропетровске // Известия. 1934. № 88. 14 апреля. С. 4; Голубов В. Куда ведёт «Дорога цветов» // Советское искусство. 1934. № 23. 17 мая. С. 2.

² Дмитриев С. Дорога цветов (Театр им. Вахтангова) // Правда. 1934. № 127. 10 мая. С. 6; Сольц. Дорога цветов // Правда. 1934. № 186. 8 июля. С. 6.

³ Сидельникова Т. Н. Валентин Катаев. Очерк жизни и творчества. М.: Советский писатель, 1957. С. 79–83.

⁴ Луценко Ф. И. Творчество Валентина Катаева. Воронеж, 1959. С. 10.

⁵ Брайнина Б. Я. Валентин Катаев: Очерк творчества. М.: Гослитиздат, 1960. С. 196.

⁶ Скорино Л. И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В. П. Катаева. М.: Советский писатель, 1965. С. 208–210.

⁷ Микулашек М. Пути советской комедии 1925–1934 гг. Прага: ТИСК, 1962. С. 210–213.

⁸ Фролов В. О. советской комедии. М.: Искусство, 1954. С. 118–120.

⁹ Киселев Н. Н. Проблемы советской комедии. Томск: Томский университет, 1973. 201 с.

¹⁰ Климова Л. П. Театр и драматургия. Катаев-драматург // Труды ГИИИ театра, музыки и кинематографии. Вып. 1 Л.: Искусство, 1959. С. 133.

¹¹ Галанов Б. Е. Валентин Катаев: Очерк творчества. М.: Детская литература, 1982. 113 с.; Галанов Б. Е. Валентин Катаев: Размышления о Мастере и диалоги с ним. М.: Художественная литература, 1989. 318 с.

¹² Огрызко В. В. Циник с бандитским шиком. М.: Литературная Россия, 2015. 700 с.

¹³ Шаргунов С. Катаев: Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 288–291.

Проведя исследование доступных нам публикаций о комедии «Дорога цветов», можно с уверенностью сказать, что за весь период существования комедии авторы ограничивались анализом внешнего сатирического действия [3; 12]. По нашему мнению, многие советские исследователи творчества В. П. Катаева обращали внимание на скрытый за яркой сатирой аллюзионный и социальный аспект «Дороги цветов». Но существующие литературно-идеологические традиции в СССР не способствовали дискуссии на острые темы, деликатную тему советские специалисты обходили молчанием. В постсоветское время драматургия Катаева для исследователей потеряла актуальность, не вызвала интереса. С момента появления комедии «Дорога цветов» в публичном пространстве мы не встретили ни одной публикации, затрагивающей тему данного исследования.

Социо-аллюзионный материал комедии в художественной структуре произведения

В диссертации «Социохудожественный феномен В. П. Катаева» М. А. Литовская, объясняя сложившийся тип взаимодействия власти и писателя в СССР, говорит, что «социальное не просто подспудно влияло на творческое развитие, но требовало обязательного выполнения многих навязанных функций, приведения индивидуальных художественных задач и решений в соответствие с “текущим моментом”...» [4, с. 3]. Являясь писателем и на текущий момент сотрудником (1932–1937 гг.) газеты «Правда» издательства ЦКВП(б), В. Катаев выполнял социальный заказ, выражал критическое отношение к научной деятельности советского учёного Л. С. Выготского.

Отход В. И. Ленина по болезни от дел весной 1923 г. положил начало внутрипартийной борьбы за власть. Разгром Сталиным оппозиционного движения во второй половине 1920-х гг. (Зиновьев, Каменев, Троцкий и др.) сопровождался

политическими чистками во власти, партии, во всех областях народно-хозяйственной, социально-культурной жизни СССР. В начале 1930-х гг. власть разворачивает борьбу с направлениями и учёными психологической науки, отошедших от марсистко-ленинского пути развития (Сапир, Шпильрейн, Корнилов, Боровский, Франкфурт, Штерн, Шпет, Выготский, Лурия и др. [8, с. 18–20]). Ограничение занятий наукой, отстранение от должностей, запрет на публикации опальных учёных на несколько десятилетий отложили свободное развитие науки. Не избежал враждебного отношения со стороны власти и видный советский учёный Л. С. Выготский. В апреле 1934 г. (за месяц до премьеры и первой публикации «Дороги цветов») в журнале «Книга и пролетарская революция» издательства ЦКВП(б) «Правда» выходит разгромная статья «О “Культурно-исторической теории психологии” Выготского и Лурия». По пунктам раскритиковав научную позицию Л. С. Выготского и Лурия, автор заключает: «Безусловно, Выготский и Лурия объективно являются проводниками буржуазного влияния на пролетариат. Не зная марксизма, не владея методом диалектического материализма, они постоянно были в плену то у одних, то у других “модных” буржуазных психологических течений, искажая и извращая положения марксизма»¹.

Аллюзионный и социальный аспект авторского выражения в комедии «Дорога цветов» является органической частью внешнего действия, вместе с тем находящейся в области содержания и понятной узкому кругу членов партии, власти и специалистов, он замаскирован от массовой аудитории. Прикрытый ярким внешним действием авторский замысел развивается согласно последовательному раскрытию следующих один за другим художественных эпизодов, создавая целостное авторское выражение. Необходимые для исследования элементы текста выделены

¹ Размыслов П. О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурия // Книга и пролетарская революция. 1934. № 4. С. 78.

жирным шрифтом. Фрагменты и цитаты из текстов, используемые в анализе, расположены в нужном для исследования порядке.

Лектор Завьялов называет имена и терминологию, которые он использует в подготовке своих выступлений на массовую аудиторию. Завьялов разговаривает по телефону с персонажем «из какого-то бюро выступлений»¹.

Завьялов. Как же, как же! (Берёт трубку.) Я слушаю вас. Очень хорошо. Стоит ли? Ну ладно, как хотите. У вас есть под рукой карандашик? Так вы пишите: «Иван Завьялов прочтёт доклад на тему “Человек будущего”». Тезисы: «Этические нормы прошлого. Основы христианской морали. Понятия добра и зла. Любовь по **Энгельсу**. “Хорошо” и “плохо” **Спинозы**. Идеи Фурье». ... (В телефон.) «Что такое “свобода личности”. Сен-Симон и его время... **Сверхчеловек Ницше**». (Поле.) Кто?².

Проведём сопоставление речи Завьялова и цитат из пяти научных работ учёного Л. С. Выготского. Исследователь научного наследия Л. С. Выготского Е. Ю. Завершнева говорит, что идеи и научные мысли профессора из его фундаментального труда 1926–1927 гг. (опубликованного впервые в 1982 г.) «Исторический смысл психологического кризиса» (далее – ИСПК) присутствуют в предшествующих и последующих ИСПК работах [2, с. 119]. В частности, по словам Завершневой, концовка ИСПК с небольшой вариативностью и единой темой фигурирует в пяти работах Л. С. Выготского. Исследователь перечисляет эти работы: «Таких работ – с цитатами из Л. Д. Троцкого, тезисами о переплавке человека и ссылкой на теорему 17 этики Б. Спинозы – как минимум пять: “Педагогическая психология”, “Психология искусства”, “Психологическая наука”, “Социалистическая переделка человека”, а также доклад “Психология в нашей школе. Как надо сейчас преподавать психологию” ...» [2, с. 129].

Исследуемые места пяти работ Л. С. Выготского расположены в самом конце произведений и составляют объём приблизительно в одну страницу текста. Выявленные совпадения с текстом «Дороги цветов» выделены жирным шрифтом. Фрагменты из работ Л. С. Выготского расположены в необходимом для исследования порядке.

1. «Психология в нашей школе. Как надо сейчас преподавать психологию» (1924 г.): «Здесь самые смелые мечтания могут отстать от действительности в течение, может быть, и недолгих лет. Троцкий говорит по этому поводу о создании нового человека, **сверхчеловека**, но не в **ницшеанском** смысле этого слова, не новую биологическую породу, а социально-организованного, просветлённого насквозь во всех тайниках самых стихийных сил организма, освобождённого от самого страшного рабства – самому себе – и от самой горькой зависимости – от своих нервов и психики, подчинившего себе игру внутренних сил организма, как и внешних сил природы, – **сверхчеловека**» [2, с. 130].

2. «Психология искусства» (1925 г.): «И возможности будущего так же непредвидимы и неисчислимы наперёд для искусства, как и для жизни; как сказал **Спиноза**: “Того, к чему способно тело, никто ещё не определил”»³.

3. «Педагогическая психология» (1926 г.): «Наряду с техникой, – говорит Троцкий, – педагогика – в широком смысле психологического формирования новых поколений – станет царицей общественной мысли. ... человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину самосознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода, влив подспудное и подпольное, и тем самым поднять себя на новую ступень, – создать более высокий” общественно биологический тип, если угодно – **сверхчеловека**»⁴.

¹ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 262.

² Там же. С. 262–263.

³ Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 331.

⁴ Выготский Л. С. Педагогическая психология. Краткий курс. М.: Работник просвещения, 1926. С. 348.

4. «Психологическая наука в СССР» (1928 г.): «Но, конечно, это психология будущего – эта теория и практика **сверхчеловека** – будет напоминать нашу современную психологию только по имени, или на великом языке **Спинозы**: non aliter scilicet quam inter se conveniunt canis, signum coeleste, et canis animal latrans, т. е. как созвездие Пса напоминает собаку, лающее животное»¹.

Сопоставляя текст ранних работ Л. С. Выготского и текст «Социалистической переделки человека» (1930 г.), Е. Ю. Завершнева замечает, что «...тезисы о переплавке человека уже не связаны с работами Л. Д. Троцкого (ссылка на него нет); в соответствующем фрагменте текста Л. С. Выготский цитирует Ф. Энгельса...» [2, с. 131].

5. «Социалистическая переделка человека» (1930 г.): «Когда говорят о переделке человека, о создании нового человека, высшего типа человеческой личности и поведения, то при этом неизбежно затрагиваются те представления о новом типе человека, которые связаны с учением **Ницше о сверхчеловеке**»². Далее Л. С. Выготский указывает на ошибочность теории Ницше и через несколько абзацев заканчивает статью: «В этом смысле **Энгельс** говорил, прослеживая процесс развития от обезьяны до человека, что труд создал самого человека. С тем же основанием можно было бы сказать, что новые формы труда создают нового человека, и этот новый человек только по имени будет напоминать старого человека, “ветхого Адама” – точно так, как по великолепному выражению **Спинозы**, пёс, лающее животное, напоминает небесное созвездие Пса»³.

Состав терминов, объединённых единой темой (сверхчеловек) располо-

женных в самом конце каждой из пяти работ, принадлежащих одному автору – Л. С. Выготскому – совпадает с перечнем имён и терминологией речи Завьялова. Данной аллюзией, понятной узкому кругу специалистов, представителям партии и власти, автор «Дороги цветов» указывал на научные работы Л. С. Выготского.

Для обычного читателя / зрителя наличие имён учёных, упоминаемых Завьяловым, служит лишь пониманием мнимой эрудиции: пустых фраз и демагогических высказываний персонажа. Между тем понятная узкому кругу аудитории, деятелям марксистско-ленинского направления науки аллюзия на произведение Л. С. Выготского определена эмоционально-смысловой связью художественного образа с реальным учёным из социальной действительности. Используя сатирического персонажа в качестве рупора обращённой к читателю / зрителю информации, автор преследует цель критического обобщения, указывающего на образ Завьяловых, увлекаемый новыми идеями из научных работ Л. С. Выготского.

Аллюзия, связанная с отсылкой к научным работам Л. С. Выготского, сопровождается развитием. Необходимые для исследования слова выделены жирным шрифтом.

Завьялов общается с персонажем «из какого-то бюро выступлений»⁴ на тему публичного выступления:

Завьялов. Как же, как же! (Берет трубку.) Я слушаю вас. Очень хорошо. Стоит ли? Ну ладно, как хотите. У вас есть под рукой карандашик? Так вы пишите: «Иван Завьялов прочтёт доклад на тему “Человек будущего”». Тезисы: «Этические нормы прошлого. Основы христианской морали. Понятия добра и зла. Любовь по Энгельсу. “Хорошо” и “плохо” Спинозы. Идеи Фурье». ... (В телефон.) «Что такое “свобода личности”. Сен-Симон и его время... Сверхчеловек Ницше». (Поле.) Кто?»⁵.

¹ Выготский Л. С. Психологическая наука в СССР // Общественные науки СССР. 1917–1927 / под ред. В. П. Волгина, Г. О. Гордона, И. К. Луппола. М.: Работник просвещения, 1928. С. 45.

² Выготский Л. С. Социалистическая переделка человека // ВАРНИТСО. Ежемесячный общественно-политический журнал. 1930. № 9–10. Сентябрь-октябрь. С. 43.

³ Там же. С. 44.

⁴ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 262.

⁵ Там же. С. 262–263.

Средствами монтажа составленные в определённую последовательность, оторванные от смысла диалога Завьялова слова и фразы отсылают к трактату Ницше «Генеалогия морали», главе «Трактат первый. „Добро и Зло“, „Хорошее и дурное“»¹. В работе с произведением Ницше автор пользовался дореволюционным переводом. Руководствуясь содержательным контекстом своего выражения, В. Катаев, по нашему мнению, употребил более точный перевод работы Ницше. Советские издания Ницше («„Добро и Зло“, „Хорошее и плохое“»²) переводили так же, как В. Катаев, но есть переводы-аналоги дореволюционным³. В этой главе Ницше рассматривает вопросы классового и расового разделения общества, развивает тему избранных рас, высших и низших сословий. Несмотря на то, что Л. С. Выготский и Ф. Ницше на многие вопросы научного изучения человека смотрели по-разному, но было и общее [2, с. 130–131]. Скрытой аллюзией автор имел в виду влияние научного творчества Ницше на Л. С. Выготского, выражал критическое отношение к разрабатываемой учёным теме этнопсихологии [7]. Автор критической статьи «О „культурно-исторической теории психологии“ Выготского и Лурия» (апрель 1934 г.) обратил внимание на научные усилия Л. С. Выготского по выявлению в СССР отсталых наций: «Доклад Выготского „О методических основах психологического изучения культурно своеобразных народов“ сделанный им АКВ, по существу был направлен к тому, чтобы доказать наличие примитивного мышления у угнетённых прежде национальностей...»⁴.

¹ Ницше Ф. Генеалогия морали: Памфлет / пер. с нем. В. А. Вейнштока. СПб.: Вестник знания, 1908. С. 8.

² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали / Пер. с нем. К. А. Свасьян. М.: Олма-Пресс, 2011. С. 236; Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай Вагнер / пер. с нем. Н. Н. Полилов, К. А. Свасьян. М.: Культурная революция, 2012. С. 242.

³ Ницше Ф. Генеалогия морали. СПб.: Азбука классика, 2006. С. 15.

⁴ Размыслов П. О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурия // Книга и proletарская революция. 1934. № 4. С. 82.

Деликатность проблемы, затрагиваемой автором в данном эпизоде, требовала особой драматургической техники, позволяющей осуществить недоступность этой темы обычному читателю / зрителю. Критическая позиция автора «Дороги цветов» связана с борьбой за советского человека, с ещё только формирующейся культурой и недостаточно глубоким образованием, получающего свои знания из работ Л. С. Выготского, для которого мысль о наличии в СССР наций «примитивного мышления»⁵ могла быть неизвестно как интерпретируема. Пример освещения этой проблемы художественно отражён в диалоге Завьялова о сортировке людей. Из диалога лектора:

Завьялов. Зачем же все? Я не сказал – все. У каждой индивидуальности своя форма борьбы. Нельзя же всех обкорнать под одну гребёнку. Каждому своё, дорогой доктор. Пусть рабочий работает, учитель учит, колхозник сеет, инженер строит, лекарь лечит. Это их форма борьбы, так сказать – дорога. Но есть личности, переросшие свою среду, свой класс, люди высокого интеллекта, широких горизонтов, люди смелой и новой мысли. У них другая дорога. Дорога цветов⁶.

Данный эпизод в контексте произведения Ницше и в связи с работой Л. С. Выготского по этнопсихологии влечёт за собой обобщение, фокусирует внимание читателя / зрителя на вопросе некритического освоения, вульгарной интерпретации Завьяловыми идей учёного Л. С. Выготского. Более того, негативная линия власти по отношению к научной деятельности Л. С. Выготского, использующего в своих работах иностранных, в том числе немецких, учёных [2, с. 128] была связана с приходом Гитлера к власти в Германии (назначение Гитлера рейхсканцлером Германии в 1933 г. [9, с. 204–211]), где идеи о низших и высших расах стали одним из основных источников нацистской идеологии [11, с. 192–207]. Только в период

⁵ Там же.

⁶ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 256.

с января 1933 по декабрь 1934 гг. в газете «Правда» (Орган центрального комитета партии) вышло осуждающих, негативных материалов по отношению к Германии около пяти тысяч [1, с. 94]. Обращает на себя внимание пронизательность В. Катаева (публичное появление «Дороги цветов», май 1934 г.), для раскрытия темы сортировки людей выбравшего фразу Ницше «Каждому своё»¹ уже в 1937 г. [10, с. 51], которая будет встречать заключённых на входной группе фашистского концлагеря Бухенвальд².

Следующим шагом раскрытия критического выражения является вовлечение в художественную структуру произведения из социальной действительности человека по фамилии Преображенский. На первый взгляд, всего один раз произнесённая лектором Завьяловым фамилия Преображенский ни о чём не говорит:

Завьялов. Что это за дурак всё время на трубе играет?

Таня. Пионер Ваня, из сорок шестого номера.

Завьялов. Способный ребёнок.

Пауза.

Надо позвонить Преображенскому... Да, телефона нет. Квартира новая, а телефона нет.

Таня. Районная подстанция перегружена. Обещают – через два месяца³.

Вместе с тем связь художественного образа с человеком из социальной действительности, несомненно, понятна узкому кругу читателей / зрителей. По громкому процессу контрреволюционной троцкистской группы И. Н. Смирнова, В. А. Тер-Ваганяна, Е. А. Преображенского и других видный общественный и политический деятель Е. А. Преображенский в январе 1933 г. был исключён из партии, арестован, в октябре освобождён, в декабре того же года восстановлен в партии, однако счи-

тался неблагонадёжным⁴. Злободневность авторского выражения определяется хронологическим сочетанием известных событий жизни Е. А. Преображенского и «Дороги цветов»: пьеса закончена в октябре 1933 г., премьера и первая публикация – май 1934 г.

Находящийся в области содержания, понятный партийцам и власти, включённый в круг общения Завьялова персонаж Преображенский изобличает связь таких, как Завьялов, с людьми из оппозиции к власти.

Художественным элементом, завершающим цельность критического выражения, является многозначность названия газеты «Правда»:

Завьялов (читает бумагу). Ничего не понимаю. «Ввиду того, что правление издательства постановило задержать тираж вашей книги...» Что такое?! «...протестов советской общественности... статьи в сегодняшнем номере газеты “Правда”... пожаловать для расторжения договора...» Сегодняшняя «Правда»! Где сегодняшняя «Правда»?

Маша. Что такое?

Лаутская. Что? Что?

Завьялов. Ради бога, сегодняшнюю «Правду»!

Маша. Вот.

Завьялов. Давай сюда, давай сюда! (Ищет.)

Здесь нету. Здесь нету. Здесь нету.

Лаутская. Вот!

Завьялов. Где? Что?

Лаутская. Статья. Большая рецензия. «Пошляк у микрофона» – о лекциях Завьялова «Человек будущего»⁵.

Диалог своей монологичностью («...протестов советской общественности... статьи в сегодняшнем номере газеты “Правда”... пожаловать для расторжения договора...»,

¹ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 256.

² Поливин Г. Это было в Бухенвальде // Сибирские огни. 1958. № 9. Сентябрь. С. 124–125.

³ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 282.

⁴ Чернев А. Д. 229 кремлёвских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. М.: Редакция журнала «Родина», Научный центр «Руссика», 1996, с. 241; Роговин В. З. Власть и оппозиции. М.: Товарищество «Журн. “Театр”», 1993. С. 307–310.

⁵ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 316–317.

«Сегодняшняя “Правда”!»¹⁾ обращённый к читателю / зрителю, обусловлен многозначностью названия газеты «Правда». В период создания «Дороги цветов» В. Катаев работал в газете «Правда»²⁾ (главный редактор (1930–1937 гг.) издательства ЦКВП(б) «Правда» Мехлис Лев Захарович) уже полтора года, т. е. с конца лета 1932 г., и ещё оставался в газете до осени 1937 г. Являясь одновременно сотрудником издательства ЦКВП(б) «Правда» и автором пьесы, а также не имея отношения к науке, В. Катаев для подготовки материалов к «Дороге цветов», вероятно, обращался к специалистам журнала «Книга и пролетарская революция» издательства ЦКВП(б) «Правда», где за месяц до премьеры и первой публикации «Дороги цветов», т. е. в апреле 1934 г., вышла статья «О “культурно-исторической теории психологии” Л. С. Выготского и Лурия»³⁾, за консультациями. Другими словами, обращённая к читателю / зрителю фраза персонажа, использующая название газеты «Правда», означает, что материалы, задействованные для создания произведения, построены на проверенных источниках и профессиональной информации. Очевидно, основным пониманием слова «Правда» для читателя / зрителя был авторитетный голос газеты «Правда» издательства ЦКВП(б) «Правда», сложившийся в результате деятельности

властей, обеспечивших монополию газеты в информационной сфере полит-идеологического вещания в СССР [6].

Заключение

Аллюзии и социальный компонент комедии, являясь неотъемлемой частью сатирического действия, замаскированные от обычного читателя / зрителя, были понятны партийцам, власти, деятелям науки. Используемый автором материал, встроенный в сюжет произведения, представляет собой согласованную структуру: совпадение имён и термина из научных работ Л. С. Выготского и фрагмента речи Завьялова; монтаж слов и фраз, образующие название работы Ницше, и работа Л. С. Выготского по этнопсихологии; пример освоения Завьяловыми работы Л. С. Выготского по этнопсихологии; не внушающая доверия в политическом отношении фамилия Преображенский; многозначность названия газеты «Правда». Состав и последовательность критического выражения указывали на социально-идеологическую опасность, скрывающуюся за обобщающим образом либералов Завьяловых, пополняющих умственный багаж работами Л. С. Выготского.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева О. И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты «Правда» (январь 1933 – июнь 1941 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 92–97.
2. Завершнева Е. Ю. Исследование рукописи Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 119–137.
3. Киселев Н. Н. Проблемы советской комедии. Томск: Томский университет, 1973. 201 с.
4. Литовская М. Социохудожественный феномен В. П. Катаева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 51 с.
5. Литовская М. Социохудожественный феномен В. П. Катаева: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 493 с.
6. Макеев В. О. Газета «Правда» как источник советской пропаганды // Молодой учёный. 2022. № 27. С. 121–124.
7. Майданский А. Д., Леонтьева А. А. Л. С. Выготский. О методических основах психологического изучения культурно своеобразных народов // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 382–401.
8. Мухина В. Лев Семёнович Выготский во времени истории: социально-исторический прессинг и поиск пути // Развитие личности. 2016. № 4. С. 10–27.

¹⁾ Катаев В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 316.

²⁾ Скорино Л. И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В. П. Катаева. М.: Советский писатель, 1965. С. 268.

³⁾ Размыслов П. О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурия // Книга и пролетарская революция. 1934. № 4. С. 78–86.

9. Мхитарян С. А. Журналистика и пропаганда нацистской Германии // Медиаисследования. Российско-армянский университет. 2020. № 7. С. 204–211.
10. Саенко А. С. Роль отдела учёта рабочей силы в подпольной работе концентрационного лагеря Бухенвальд // Вестник Калужского университета. 2020. № 1. С. 51–54.
11. Суриков И. Е. Винкельман – Ницше – Гитлер. «Немецкая античность» и складывание нацистской идеологии // История и современность. 2012. № 1. С. 192–207.
12. Фролов В. О советской комедии. М.: Искусство, 1954. 340 с.

REFERENCES

1. Grigorieva O. I. [Evolution of the Image of Germany in Soviet Propaganda: Content Analysis of Materials from the Newspaper “Pravda” (January 1933 – June 1941)]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2008, no. 61, pp. 92–97.
2. Zavershneva E. Yu. [Analysis of L. S. Vygotsky’s Manuscript “The Historical Meaning of the Crisis in Psychology”]. In: *Voprosy psichologii* [Questions of Psychology], 2009, no. 6, pp. 119–137.
3. Kiselev N. N. *Problemy sovetskoy komedii* [Problems of Soviet Comedy]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1973. 201 p.
4. Litovskaya M. *Sociohudozhestvennyj fenomen V. P. Kataeva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Socio-Artistic Phenomenon of V. P. Kataev: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2000. 51 p.
5. Litovskaya M. *Sociohudozhestvennyj fenomen V. P. Kataeva: dis. ... kand. filol. nauk* [Socio-Artistic Phenomenon of V. P. Kataev: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 1999. 493 p.
6. Makeev V. O. [The Newspaper “Pravda” as a Source of Soviet Propaganda]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young Scientist], 2022, no. 27, pp. 121–124.
7. Maidansky A. D., Leontieva A. A. [L. S. Vygotsky. On the Methodological Foundations for the Psychological Study of Culturally Distinct Peoples]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2022, no. 81, pp. 382–401.
8. Mukhina V. S. [Lev Semenovich Vygotsky in time and history: Socio-historical pressing and search for a way]. In: *Razvitie lichnosti* [Development of Personality], 2016, no. 4, pp. 10–27.
9. Mkhitaryan S. A. [Journalism and Propaganda of Nazi Germany]. In: *Mediissledovaniya. Rossijsko-armyanskij universitet* [Media Research. Russian-Armenian University], 2020, no. 7, pp. 204–211.
10. Saenko A. S. [The Role of the Labor Accounting Department in the Underground Work of the Buchenwald Concentration Camp]. In: *Vestnik Kaluzhskogo universiteta* [Bulletin of Kaluga University], 2020, no. 1, pp. 51–54.
11. Surikov I. E. [Winkelman – Nietzsche – Hitler. “German Antiquity” and the Formation of Nazi Ideology]. In: *Istoriya i sovremennost’* [History and Modernity], 2012, no. 1, pp. 192–207.
12. Frolov V. *O sovetskoy komedii* [About Soviet Comedy]. Moscow, Iskustvo Publ., 1954. 340 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халилов Руслан Османович – независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация;
e-mail: lil987654321@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan O. Khalilov – Independent Researcher, Moscow, Russian Federation;
e-mail: lil987654321@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Халилов Р. О. Комедия В. П. Катаева «Дорога цветов»: аллюзии и социальный компонент // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 111–120.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-111-120

FOR CITATION

Khalilov R. O. V. P. Kataev’s Comedy “The Road of Flowers”: Allusions and Social Component. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, pp. 111–120.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-111-120

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-121-130

«ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. НАБОКОВА 1920–Х ГОДОВ: ПЕТЕРБУРГ VS БЕРЛИН

Чжу Цзывэй*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь**518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1, Китайская Народная Республика**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать поэтику «городского текста» в поэтическом и прозаическом творчестве В. В. Набокова 1920-х гг.

Процедура и методы. Основное содержание составляет рассмотрение «метагеографических» аспектов поэзии и малой прозы Набокова, в которых появляются образы Петербурга и / или Берлина. При проведении исследования использованы биографический, сравнительный, культурно-исторический методы анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в первой половине 1920-х гг. Петербург у Набокова не только предстаёт в художественно переосвоенных воспоминаниях в образах, связанных с реальной топонимикой, но и получает метафизическое измерение. В эти же годы и позднее Берлин оказывается у Набокова городом не прошлого, но настоящего счастья, «романтизированным» посредством приёмов оптической иллюзии. Но оппозиция Петербурга и Берлина снимается в набоковском творчестве, с одной стороны, за счёт того, что сквозь немецкий город у него «просвечивает» город русский (в природном и культурном плане), а с другой – посредством универсализации хронотопа: конкретный город исчезает, на смену ему приходит наполненное любовью пространство авторского сознания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представление о художественном мире Набокова, в частности, о бытовании в его творчестве таких культурно-литературных феноменов, как «петербургский» и «берлинский текст».

Ключевые слова: Берлин, В. В. Набоков, городской текст, литература русского зарубежья, Санкт-Петербург

“URBAN TEXT” IN NABOKOV'S 1920S WORKS: ST. PETERSBURG VS BERLIN

Zhu Ziwei*Shenzhen MSU-BIT University**International University Park Road 1, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province 518172, People's Republic of China**Lomonosov Moscow State University**Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse the poetics of the “urban text” in V. V. Nabokov's poetic and prose works in the 1920s..

Methodology. The main content is consideration of the “metageographic” aspects of Nabokov's poetry and short prose, in which images of St. Petersburg and / or Berlin appear. The research uses biographical, comparative, cultural-historical methods of analysis.

Results. The analysis showed that in the first half of the 1920s Nabokov's Petersburg not only appears in artistically reinterpreted memories in images associated with real toponymy, but also receives a metaphysical dimension. In the same years and later, Berlin in Nabokov's works is a city not of the past, but of the present happiness, "romanticized" by means of optical illusion. But the opposition between St. Petersburg and Berlin is removed in Nabokov's works, on the one hand, due to the fact that through the German city Nabokov "sees" the Russian city (in natural and cultural aspect), and on the other hand, due to universalization of the chronotope: a particular city vanishes, replaced by the space of the author's consciousness filled with love.

Research implications. The results of this research expand the scope of Nabokov's artistic world, especially about the existence in his works of such cultural and literary phenomena as the "Petersburg" and "Berlin text".

Keywords: Berlin, V. V. Nabokov, urban text, literature of Russia abroad, St. Petersburg

Введение

В. В. Набоков родился в Петербурге и значительную часть времени до своего отъезда из России он провёл в этом городе. Образ Петербурга появляется в набоковском творчестве преимущественно в первой половине 1920-х гг. Как считает С. С. Аванесов, «...писатель занимает активную позицию в самом акте воспоминания, полагаясь на работу памяти, но в то же время направляя её в русло поисков смысла прошлого» [1, с. 358]. Во второй же половине двадцатых, несмотря на то, что память о России по-прежнему занимала важное место в русскоязычной прозе писателя, на первый план у него выходит образ другого города.

В 1984 г. В. Н. Топоров в исследовании, посвящённом «петербургскому тексту» русской литературы, отметил, что «особо должен решаться вопрос о соответствующих текстах Набокова» [8, с. 83]. Топоров считал, что в набоковских произведениях присутствует как бы закрытый «петербургский текст». Через 15 лет финский учёный Тамми Пекка в своей статье "The St. Petersburg Text and Its Nabokovian" проанализировал различные приёмы демонстрации «петербургского текста» у Набокова [11, р. 65–90]. А. С. Долинин в своей монографии «Истинная жизнь писателя Сирина» обосновал наличие «петербургского текста» в некоторых набоковских произведениях с точки зрения интертекстуальных включений [4, с. 346–366]. Все вышеупомянутые учёные счи-

тали, что Набоков, безусловно, внёс свой вклад в «петербургский текст» русской литературы, но при этом, формулируя свои концептуальные выводы, они пропустили те его произведения, что были созданы после 1924 г., когда Петербург оказался на периферии набоковского внимания. Однако нужно отметить, что отсутствие знака не означает отсутствие значения. Дело в том, что во второй половине 1920-х гг. петербургская тема играла важную роль в творчестве русских писателей-эмигрантов, всей литературы русского зарубежья в целом. Набоков, с одной стороны, прокладывая свой путь, а с другой – отвергая ограничивающий писателя культурный национализм, напротив, стремился существовать в пространстве иного, западного урбанизма. Иными словами, образ Петербурга в прозе Набокова второй половины 1920-х гг. тоже существует, но через «минус-приём».

Потенциальное соревнование: два Петербурга

«В январе 1923 г. в Берлине вышел сборник стихов В. Набокова "Горный путь" ... куда вошло 128 стихотворений, написанных в 1918–1921 гг. Постоянной темой сборника являются, как правило, ностальгия и снова тоска по утраченной России» [10, с. 108]. И в начале 1920-ых гг. Набоков писал 5 стихотворений, в которых однозначно присутствует образ Петербурга: «Петербург» («Так вот он, прежний чародей...») (1921), «Петербург» («Он на трясинах»

не был построен...») (1922), «Петербург» («Мне чудится в Рождественское утро...») (1923), «Санкт-Петербург» (1924), «Петербург» («Единый путь – и множество дорог...») (1924). Их объединяет мотив тоски по оставленной Родине: *О, сколько прелести родной / в их смехе, красочности мёртвой, / в округлых знаках, букве ять, / подобной церковке старинной! / Как, на чужбине, в час пустынный / всё это больно вспоминать!*¹

Петербург в изображении Набокова – это мёртвый город. Его смерть вызвана народным бунтом, первооснова которого имеет инфермальную природу. В «Петербурге» 1921 г. *в людей проник болезненных растений / слащавый дух, / подобный тени*². И «слащавый дух», и «тень» вызывают ассоциацию с чем-то дьявольским. В «Петербурге» 1922 г. это будет «болотный бес», вышедший из бездны и влекущий за собой «замороженных мертвецов»³. Смерть города проявляется в его опустении, обездвиженности, однозвучности, монохромности и т. д. Набоков описывает Петербург по принципу контраста: город его воспоминаний, по которому он бродит в мечтах, полностью противоположен Петербургу нынешнему. Набоковский Петербург парадоксальным образом захвачен адскими силами, но в каком-то плане пребывает в благом послесмертии, он «растаял и отлетел»⁴ («Петербург» 1923 г.), его Нева, «как Лета льётся»⁵ («Санкт-Петербург» 1924 г.). Прежний Петербург – это город русской культуры, символом которой является Пушкин, не раз прямо упомянутый в этом цикле, присутствующий мотивами «Медного всадника», угадывающийся в ритме, размере, образах набоковских стихотворений. Петербург Набокова – это Фонтанка, Морской про-

спект, Мойка, река Нева, Исаакиевский собор, Юсуповский дворец и т. д. – топонимы «родного»⁶ города, увиденного сквозь призму счастливого сознания, которое пытается вспомнить Петербург и одновременно запомнить, сохранить в памяти то, что однажды возродится, но будет всё-таки иным. Причём Петербург для него – именно Петербург: никакие переименования города Набоков не принимает. Так, в стихотворении «Ленинград» (1924) новое название он иронически возводит к Елене Троянской, замечая при этом, что этот город совсем не похож на Трою.

Но главное – Набоков тоскует по Петербургу. Эта тоска будет отзываться и в последующих его произведениях. Например, в комментарии к «Евгению Онегину» он пишет: «*Létniy Sad: Le Jardin d'Été, a public park on the Neva embankment, with avenues of crow-haunted shade trees (imported elms and oaks) and noseless statues of Greek deities (made in Italy); there, a hundred years later, I, too, was walked by a tutor*»⁷ («Летний сад – Le Jardin d'Été – общественный парк, выходящий на Неву, с аллеями облюбованных воронами тенистых деревьев (завезённых дубов и вязов) и с безносными статуями греческих божеств (сделанными в Италии); туда, сто лет спустя, меня тоже водил гулять гувернёр».)

После 1924 г. Петербург уходит в творчестве Набокова на второй план. Во второй половине 1920-х гг. и в 1930-е гг. в его русскоязычной прозе Петербург уже не является основным пространством, где происходят события. Так, например, в романах «Машенька» (1926) и «Дар» (1938) Петербург лишь возникает в памяти героев, а в романах «Защита Лузина» (1930) и «Подвиг» (1932), равно как и в рассказах «Письмо в Россию» (1924) и «Адмиралтейская игла» (1933), Петербург появляется всего лишь во второстепенных

¹ Набоков В. В. Петербург // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 577.

² Там же. С. 579.

³ Там же. С. 587.

⁴ Там же. С. 598.

⁵ Набоков В. В. Санкт-Петербург // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 623.

⁶ Набоков В. В. Петербург // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 579.

⁷ Pushkin Aleksandr. Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated by Vladimir Nabokov. New York: Bollingen Foundation, 1964. P. 41.

фрагментах. Одна из причин снижения частоты задействования образа Петербурга в набоковской прозе состоит в его реакции на перенасыщенность литературы русского зарубежья художественными воспоминаниями об этом городе.

В начале 1920-х гг. многие писатели-эмигранты разрабатывали петербургскую тему. Так, например, в 1922 г. издательство «Слово (Берлин)» опубликовало сборник З. Н. Гиппиус «Стихи. Дневник 1911–1921». Поэтесса рассматривала Петербург как символ русской нации и культуры, по которому в 1917 году был нанесён сокрушительный удар. В 1922 г. в Берлине был издан сборник В. Ф. Ходасевича «Тяжёлая лира», в котором Петербург изображён пребывающим в состоянии смуты и хаоса. В 1928 г. Г. В. Иванов напечатал роман «Петербургские зимы», в котором он описал полную трагизма жизнь в Петербурге и тех художников и писателей, которым пришлось жить в этом городе. Петербургская тема появлялась также в произведениях И. А. Бунина, Г. В. Адамовича, Н. Н. Берберовой, Игоря Северянина и др.

Петербург в стихотворениях З. Н. Гиппиус отчасти схож с Петербургом стихотворений Набокова. Так, например, в гиппиусовском «Петербурге» («В минуты вещих одиночеств...») (1919), как и в набоковском «Петербурге» (1921), почти один и тот же лексико-семантический набор: «одиночество», «стылый», «покорный», «рабий», «гниль», «мутный», «пропасть» – у Гиппиус; «томимый», «умер», «скорбен», «замученный», «бледный», «испуг», «пустой», «пустынный» – у Набокова. Там и там город выступает в качестве почти олицетворённого адресата для поэта: *Мой город строгий, город милый! Я ненавижу, – не тебя ль?¹ – О, город бледный, где же ныне / твои туманы...²* Для Гиппиус и Набокова Петербург – средоточие русской культуры,

которое погибло, но имеет возможность восстать. В обоих стихотворениях живёт память о пушкинском «Медном всаднике»: герой набоковского «Петербурга» бродит по городу со своей тенью, вспоминает о петербургском ледоходе (как бы «наводнении» пушкинской повести); в гиппиусовском «Петербурге» поэтесса ожидает спасения Петербурга и надеется на то, что «последний вал»³ морского потопа развеет inferнальную мглу над Медным всадником.

По мере того, как развивались русские зарубежные издательства, воспоминаний о Петербурге, художественных претворений его образа становилось всё больше. В этом прежде всего проявлялась ностальгия по утраченному со стороны разных поколений писателей-эмигрантов. «Покинувшие родину продолжали оставаться носителями её культуры, с которой они знакомили граждан страны своего нового местопребывания, таким образом значительно приобщив Запад к достижениям отечественной культуры» [6, с. 105]. Постепенно изображение Петербурга стало стереотипным. Например, реки и каналы Петербурга в прозе эмигрантов были либо тёмные, либо печальные и проч. Общим местом стали и переклички с поэмой «Медный всадник». В 1925 г. Набоков в письме к Глебу Струве жаловался на русских эмигрантов: «Берлинская литература хромает. ... Сергей Горный всё тот же нестерпимо-однообразный популяризатор частных воспоминаний»⁴. В романе «Подвиг» Набоков об этом явлении писал так: «У Бубнова бывали писатели, журналисты, прыщеватые молодые поэты, – всё это были люди, по мнению Бубнова, среднего таланта, и он праведно царил среди них, выслушивал, прикрыв ладонью глаза, очередное стихотворение о тоске по родине или о Петербурге (с непременно присутствием Медного Всадника) и затем

¹ Гиппиус З. Н. Петербург // Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 336.

² Набоков В. В. Петербург // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 576.

³ Гиппиус З. Н. Петербург // Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 336.

⁴ Набоков В. В. Письма В. В. Набокова к Г. П. Струве. 1925–1931 // Звезда. 2003. № 11. С. 121

говорил, тиская бритый подбородок: “Да, хорошо”; и повторял, уставившись бледно-кариими, немного собачьими глазами в одну точку: “Хорошо”, с менее убедительным оттенком; и, снова переменив направление взгляда, говорил: “Неплохо”; а затем: “Только, знаете, слишком у вас Петербург портативный”¹. В конце 1930-х гг. в романе «Дар» Набоков написал: «...он прочёл толково-бытовым говорком повесть из петербургской жизни накануне революции, с героиней, нюхавшей эфир, шикарными шпионами, шампанским, Распутиным и апокалиптически-апоплексическими закатами над Невой»². Наконец, спустя много лет Набоков заметил следующее: «Полагаю, отстранённый наблюдатель немало потешился бы, разглядывая этих почти бесплотных людей, имитировавших посреди чужих городов погибшую цивилизацию, – далёкие, почти легендарные, почти шумерские миражи Москвы и Петербурга, 1900–1916 (что уже тогда, в двадцатых и тридцатых годах, звучало подобно 1916–1900 до Р. Х.)»³. Иными словами, в конце 1920-х годов для Набокова петербургская тема была в высшей степени избитой.

Антипод Петербурга – Берлин

По мнению Е. М. Шастиной, «для Набокова Берлин – чужбина, антипод любимого “воздушного” и “призрачного” Петербурга, который сверкает в серебристом и золотистом цвете, ассоциируется с теплотой, величием, детским смехом и праздничностью» [9, с. 208], но после 1924 г. образ Петербурга исчезает из творчества Набокова, и его место занимает образ другого города – Берлина. С 1924 по 1925 гг. Набоков написал четыре рассказа: «Благодать» (1924), «Гроза» (1924),

«Письмо в Россию» (1925), «Путеводитель по Берлину» (1925), действие которых происходит в Берлине.

Берлин в рассказе «Благодать» – город счастья, чьё пространство есть «субъективная проекция реальности» [5, с. 23] главного героя. Образ города создаётся посредством соединения мотивов, противоположных с точки зрения характеристики материи: рукотворная реальность Берлина – «черепичные крыши», «толстокожие автобусы», «трамвайный вагон»⁴ – соседствует с образами осени, дующей сильными ветрами и проливающейся на город частыми дождями. В мире, исполненном благодати, радостное настроение проявляется, например, в «железном и нежном гудении ветра»⁵. Эпитеты этой фразы контрастны в своём контекстуальном значении, но приложены к одному объекту и даже созвучны, а потому составляют единство, которое создано сознанием героя. Берлин – это город, увиденный через оптику как минимум двух искажений. В конце «Благодати» герой смотрит на город через трамвайное стекло в «частых каплях дождя»⁶. Взгляд сквозь стекло, дождь и ветер, ставшие единством («волны ... прохлады обдавали грудь»⁷, «летал дождь»⁸) превращают для героя Берлин в город, соединяющий верх и низ, небо и землю: капли дождя на чёрном стекле напоминают ему «подёрнутое бисером звёзд ночное небо»⁹, – и одновременно ему кажется, что «влажные ветви хлещут по окнам»¹⁰ трамвая. Берлин – это как бы текущий город (очертания города меняются благодаря «неверным внутренним переливам стекла»¹¹): финальные «ток... ток...»¹² рассказа (из-за их отточенности не имеющего конца) – это и звукоподра-

¹ Набоков В. В. Подвиг // Владимир Набоков: Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 201.

² Набоков В. В. Дар // Владимир Набоков: Собрание сочинений русского периода в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. С. 84.

³ Набоков В. В. Память, говори // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 560.

⁴ Набоков В. В. Благодать // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 110, 111, 114.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

жательные слова (звук падения на крышу трамвая срываемых ветром каштанов), и существительные со значением перемещения электрических зарядов (трамвай, движущийся посредством электричества) и течения воды или воздуха. Трамвай подобен лодке, плывущей через вечерний город, как по реке Шпрее.

Старушка из «Благости» читает путеводитель по Берлину (другим читателем которого оказывается ветер). И план из этой книги выпадает «ступеньками»¹. Город, таким образом, оказывается чем-то вроде «лестницы в небо», приобретает метафизическое измерение. Путеводитель по Берлину – это и зачаток будущего одноимённого набоковского рассказа, композиция которого одновременно кольцевая и ступенчатая. Рассказ начинается со входа героя и его приятеля в пивную и там же завершается, но каждая из пяти частей при этом приближает читателя к авторской мысли о ценности собирания того, что будет когда-то вспоминаться. Причём повествователь собирает будущие воспоминания не для себя, а для мальчика, что живёт в пивной. Железные трубы, стареющие трамваи, львы на вывеске пивной и в зоологическом саду, люди, выполняющие работы, посетители пивной и её обстановка – всё это останется в детской памяти. Каждая из частей рассказа содержит образ стекла-зеркала. Труба оказывается подобной подзорной трубе, наставляемой в будущее или прошлое; окна трамвая, как «ласковые зеркала будущих времён»²; в фургоне в ящиках едут «ровные ряды пустых бутылок, собранных по кабакам»³; витрины дома земноводных, как окна подводной лодки; в пивной – зеркало, в котором рассказчик видит мальчика. Эти зеркала – границы между временами и при этом средства преодоления этих границ. Одна из них – граница между Берлином и Петербургом.

Рассказчику витрины дома земноводных напоминают о капитане Немо, глядящем на Атлантиду с лежащей на песке «пурпурной звездой о пяти концах»⁴. И он сам, как Немо, т. е. Никто (инкогнито и социально-культурный никто, как сразу все эмигранты), вглядывается в Петербург – Атлантиду, жертву «опытов глуповатых утопий»⁵. То же «мерцание» Петербурга сквозь реальность Берлина присутствует и в «Благости», климат которого в рассказе вместо континентального напоминает у Набокова петербургский морской.

По мнению А. С. Долинина, «Набоков идёт наперекор общему мнению, отказываясь видеть в послевоенной ситуации признаки эпохального сдвига, кризиса западной культуры, конца или заката Европы. В его докладе звучат язвительные намёки на эсхатологические прогнозы Шпенглера, которыми тогда увлекались русские эмигранты» [3, с. 9]. Шпенглер считал, что Европу, в том числе и Берлин, в ближайшее время ожидает упадок и гибель. А Берлин в набоковской прозе представляет собой живой и оживлённый город, в прозе других русских писателей-эмигрантов – часто наоборот. Для многих из них Берлин, и вообще Запад – это нечто, что однозначно уступает, если не противостоит русской культуре. Запад, согласно разделяемой ими мысли О. Шпенглера, начинает переживать свой закат. Например, В. Ф. Ходасевич в стихотворении «Под землёй» (1923) написал о жизни берлинского «униженного и оскорблённого»: *И вот, из полутьмы глубокой / Старик сутулый, но высокий, / В таком почтенном сюртуке, / В когда-то модном котелке, / Идёт по лестнице широкой, / Как тень Аида – в белый свет, / В берлинский день, в блестящий бред*⁶. Для героя стихотворения Берлин – это город, где лежит «чужой гранит», над которым «синяя пустыня» и в котором нет места

¹ Набоков В. В. Память, говори // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум. 2004. С. 112.

² Набоков В. В. Путеводитель по Берлину // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 178.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Там же.

⁶ Ходасевич В. Ф. Под землёй // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. М.: Согласие, 1996. С. 264.

старику, создающему «сладоострастные миры»¹. В этом же году В. Б. Шкловский опубликовал книгу «Зоо, или Письма не о любви», один из основных мотивов которой – одиночество автора, которому трудно жить в Берлине: «Никуда не едет русский Берлин. У него нет судьбы. Никакой тяги»². И. Г. Эренбург также жаловался на жизнь в Берлине. «Это – самый удобный город в Европе, и это в то же время – самый угрюмый, самый не удовлетворённый жизнью город ... где проспекты длиннее жизни, где много камня и нет архитектуры, где всё – уют и где жизнь так неуютна, так сиротлива...»³.

Все эти писатели не принимали Берлин или в крайнем случае были равнодушны к нему не из-за самого Берлина, а из-за России, которую вынуждены были оставить: «Я не могу жить в Берлине. Всем бытом, всеми навыками я связан с сегодняшней Россией. Умею работать только для неё. Неправильно, что я живу в Берлине. ... Революция переродила меня, без неё мне нечем дышать. Здесь можно только задыхаться. ... Женщины, к которой я писал, не было никогда. ... Я придумал женщину и любовь для книги о непонимании, о чужих людях, о чужой земле. Я хочу в Россию»⁴.

Набоков, напротив, стремился переродиться к западной жизни, проникнуться пространством и духом Берлина, вобрать этот город в своё сознание и сделать его частью своего художественного мира. Например, в рассказе «Письмо в Россию» (1925) писатель, начав вспоминать о Петербурге, сознательно и намерен-

но останавливает себя, чтобы говорить о Берлине. Зимний Петербург прекрасен в своём оледенении, зимний Берлин – в своей дождливой погоде. Как и в рассказах «Благодать» и «Путеводитель по Берлину», Набоков пользуется искажённой оптикой, «романтизирующей» реальность: «В сыром, смазанном чёрным салом берлинском асфальте текут отблески фонарей», сквозь окна трамвая видны «коричневые лавки», на «столбах мокрого блеска» «прокатывает автомобиль»⁵. Счастье героя, обнимающее ночной Берлин, остаётся для него в «микроме отражении фонаря»⁶. Он счастлив настолько, что даже смерть старушки, самоубийство, совершаемое ею на берлинском кладбище, не кажется ему страшным или отвратительным, оно только таинственно и пронзительно. Повествователь спокойно рассказывает и о сцене с проституткой, ведущей клиента в меблированные комнаты; и о простых танцах в кабаках, которые он иногда наблюдает. Тому и другому он отказывает в праве быть знаком падения современных нравов или пространством тёмной inferнальности. Это не Петербург Ф. М. Достоевского (хотя в тексте присутствуют «мерцающие намёки на “петербургский текст” русской культуры» [5, с. 25]), это именно Берлин Набокова, или, может быть, скрытый Петербург Набокова, потому что бинарная оппозиция этих городов у него не очевидна.

По мнению Б. В. Аверина, «не тоска по утраченному раю детства, а “сладость изгнания”, “блаженство духовного одиночества”, дар Мнемозины, обретаемый по изгнанию, – таковы коррективы, вносимые темой “тотального воспоминания” в восприятие многих набоковских сюжетов» [2, с. 163]. Набоковский герой любит Берлин, потому что настроен его любить, всё в нём. Например, там, где у Эренбурга Берлин – город холодного техницизма: «В центре Берлина метрополитен, вырываясь из-под земли ... Рельсы. Гудки локомоти-

¹ Ходасевич В. Ф. Под землёй // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. М.: Согласие, 1996. С. 264.

² Шкловский В. Б. Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элоиза // Шкловский В. Б. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1973. С. 201.

³ Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1966. С. 307.

⁴ Шкловский В. Б. Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элоиза // Шкловский В. Б. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1973. С. 225.

⁵ Набоков В. В. Письмо в Россию // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 160.

⁶ Там же. С. 162.

вов. Огни семафоров. Железная идиллия. А дальше? ... А дальше – поезда снова врываются в землю. Выходят на ежедневную учёбу взводы домов, мёрзнут кентавры, облетают деревья...»¹, – там у Набокова образы берлинской техники пронизаны лиризмом: «А знаешь ли, с каким великолепным грохотом промахивает через мост, над улицей, освещённый, хохочущий всеми окнами своими поезд? Вероятно, он дальше предместья не ходит, но мрак под чёрным сводом моста полон в это мгновение такой могучей чугунной музыки...»². Сиюминутность времени и конкретность пространства сменяются у Набокова пространственно-временным универсализмом. В его произведениях заявлено «авторское представление о целостности мира» [7, с. 217]. В финале «Письма в Россию», в последнем абзаце, после фразы «Так разрешилась берлинская ночь»³, которая как бы подвела черту под разговором о Берлине, писатель говорит о счастье, пережитом и в любом времени, и в городе вообще. Образ «каменных ступеней, спускающихся в чёрные воды канала»⁴, подходит и Берлину, и Петербургу. Выражение «Прокатят века...»⁵ переводит время рассказа на столетия вперёд. Счастье героя рассказа обусловлено не местом и временем, но причастностью божеству. Набоков оспаривает мысль Экклезиаста о том, что всё проходит. За дважды повторённой фразой «Всё пройдёт» следует также дважды повторённое выражение «счастье моё»⁶ (которое останется). Причём одно из словосочетаний «счастье моё», стоя в одном ряду с обращением «милый друг», само выглядит как обращение, то есть уверенность в счастье для героя обусловлена прежде всего его любовью.

Позже, с конца 1920-х гг. и в 1930-е гг., Берлин приобретает в прозе Набокова и иные черты – черты пошлости. Например, в рассказе «Набор» (1935) главный герой, несмотря на свой пожилой возраст, тяжёлое тело, болезненность и бедность, так же, как и герои рассказов 1920-х гг., «неприлично счастлив»⁷ (поскольку счастлив повествователь, «загримированный под читателя»⁸, передавший герою своё счастливое настроение), но сам город, имея те же приметы, что и раньше, всё-таки выглядит грубо и пошло: «Между кустами боярышника и выдержанной в стиле шалэ публичной уборной сквозила сизая улица; там стоял толстым шутком рекламный столб и проходил с бряцанием и воем трамвай»⁹. Берлин рассказа «Облако, озеро, башня» (1937) превращается в город националистской бюрократии и оклокрапии, сделавших из частной утопии земного поэтического рая антиутопию коллективистской «увеспоездки»¹⁰.

Заключение

Итак, в творчестве В. В. Набокова 1920-х гг., помимо прочего, присутствует городской «петербургский текст». Образ Петербурга в набоковских стихотворениях этого периода – образ города, живущего лишь в воспоминаниях автора, но умерщвлённого в реальности. Городское пространство захвачено inferнальными силами, пушкинская же петербургская культура, с его точки зрения, обрела благое, хоть и вынужденное посмертие. В эти же годы Набоков в противовес иным писателям-эмигрантам начинает активно осваивать пространство другого города – Берлина. Как и утраченный Петербург, обретённый Берлин для повествователя, – это город счастья. Берлин видится ему сквозь

¹ Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1966. С. 284.

² Набоков В. В. Письмо в Россию // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 161.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Набоков В. В. Набор // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 560.

⁸ Там же. С. 562.

⁹ Там же. С. 560.

¹⁰ Набоков В. В. Облако, озеро, башня // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 584.

систему намеренных оптических иллюзий, которые его «романтизируют». Берлин – это город не только с субъективно окрашенной реальностью, но и город метафизического претворения: стихии связывают в нём природное и рукотворное, небо и землю, его некрасивость и зло отменяются любовью. Берлин – это зеркальный город, который снимает для героя пространственные и временные границы. В этом городе можно увидеть и Петербург – не только в аллюзиях на русскую культуру, но и в очевидных предметных параллелях, и в сознательных климато-географических

подменах автора. Писатель принимает Берлин современным городом, отводя взгляд от консервативного Петербурга. Наконец, Набоков убирает бинарную оппозицию «Петербург – Берлин», уходя при этом от конкретных времени и пространства к универсальным. Счастье становится сознательным выбором писателя, которое он передаёт своим героям, а позже которым даже «заражает» некоторых из них. И это счастье обретается уже за пределами того или иного «городского текста».

Статья поступила в редакцию 18.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов С. С. Дитя во времени. Автобиографические сражения Владимира Набокова // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 337–363.
2. Аверин Б. В. Гений тотального воспоминания. О прозе Набокова // Звезда. 1999. № 4. С. 158–163.
3. Долинин А. С. Доклады Владимира Набокова в Берлинском литературном кружке // Звезда. 1999. № 4. С. 7–11.
4. Долинин А. С. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.
5. Леденев А. В. Северо-запад в «метагеографии» В. Набокова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2006. № 8. С. 23–29.
6. Попов М. Е. Культурная жизнь русской эмиграции в Берлине (1921–1923 гг.) // Научно-практический электронный журнал Аллея науки. 2018. № 6 (22). Т. 3. С. 104–106.
7. Степанова Н. С., Петрухина Н. М. «Личная обочина общей истории»: трансформация повествовательных моделей автобиографической прозы в творчестве В. В. Набокова // Иностранные языки в Узбекистане. 2020. № 1 (30). С. 208–218. DOI: 10.36078/1586142047
8. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 616 с.
9. Шастина Е. М. «Берлинский текст» В. В. Набоков и Э. Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48). С. 206–209.
10. Шевченко В. Г. В. В. Набоков и Крым: жизненно-биографический контекст // Вестник научных конференций. 2018. № 7–2 (35). С. 106–110.
11. Tammi P. Russian Subtexts in Nabokov's Fiction: Four Essays. Tampere: Tampere University Press, 1999. 187 p.

REFERENCES

1. Avanesov S. S. [Child in Time. Autobiographical Battles of Vladimir Nabokov]. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2020, no. 2, pp. 337–363.
2. Averin B. V. [The Genius of Total Memory. About Nabokov's Prose]. In: *Zvezda* [Star], 1999, no. 4, pp. 158–163.
3. Dolinin A. S. [Reports of Vladimir Nabokov in the Berlin Literary Circle]. In: *Zvezda* [Star], 1999, no. 4, pp. 7–11.
4. Dolinin A. S. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina* [The True Life of the Writer Sirin]. St. Petersburg, Akademicheskij projekt Publ., 2004. 400 p.
5. Ledenev A. V. [Northwest in Nabokov's "Meta-geography"]. In: *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], 2006, no. 8, pp. 23–29.
6. Popov M. E. [Cultural Life of Russian Emigration in Berlin (1921–1923)]. In: *Nauchno-prakticheskij elektronnyj zhurnal Alleya nauki* [Scientific and Practical Electronic Journal Science Alley], 2018, no. 6 (22), vol. 3, pp. 104–106.

7. Stepanova N. S., Petruhina N. M. ["Personal Margin of Common History": Transformation of Narrative Models of Autobiographical Prose in the Works of V. V. Nabokov]. In: *Inostrannye yazyki v Uzbekistane* [Foreign Languages in Uzbekistan], 2020, no. 1 (30), pp. 208–218. DOI: 10.36078/1586142047
8. Toporov V. N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury: izbrannye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003. 616 p.
9. Shastina E. M. ["Berlin Text" of V. V. Nabokov and E. Canetti]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2015, no. 6 (48), pp. 206–209.
10. Shevchenko V. G. [V. V. Nabokov and Crimea: Life-Biographical Context]. In: *Vestnik nauchnykh konferencij* [Bulletin of Scientific Conferences], 2018, no. 7–2 (35), pp. 106–110.
11. Tammi P. Russian Subtexts in Nabokov's Fiction: Four Essays. Tampere, Tampere University Press, 1999. 187 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжу Цзывэй – аспирант университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне; аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: zhuziweilove@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhu Ziwei – Postgraduate Student, MSU-PPI University, Shenzhen; Postgraduate Student, Department of History of Contemporary Russian Literature and Contemporary Literary Process at Moscow State University named after M. V. Lomonosov;
e-mail: zhuziweilove@163.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжу Цзывэй. «Городской текст» в произведениях В. В. Набокова 1920–х годов: Петербург vs Берлин // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 121–130.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-121-130

FOR CITATION

Zhu Ziwei. "Urban Text" in Nabokov's 1920s Works: St. Petersburg vs Berlin. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, pp. 121–130.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-121-130

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КУЛАГИН А. В. ВЫСОЦКИЙ: ИСТОЧНИКИ. ТРАДИЦИИ. ПОЭТИКА. М.: БУЛАТ, 2024. 269 С.

Дубова М. А.

*Государственный социально-гуманитарный университет
140410, г. Коломна, ул. Зелёная, д. 30, Российская Федерация*

BOOK REVIEW: KULAGIN A. V. VYSOTSKY: SOURCES. TRADITIONS, POETICS. M.: BULAT, 2024. 269 P.

M. Dubova

*State University of Humanities and Social Studies
ul. Zelenaya 30, Kolomna 140410, Russian Federation*

В книгу доктора филологических наук А. В. Кулагина вошли статьи, заметки, эссе, рецензии, посвящённые творчеству В. С. Высоцкого, по преимуществу написанные в последние годы и не входившие в предыдущие издания исследователя. Сегодня, когда высококоведение существует уже более трёх десятилетий, правомочно говорить о наследии барда как о большом национальном достоянии и предмете академического интереса. Оно, по справедливому замечанию учёного, имеет полное право на изучение наравне с наследием наших классиков. В связи с этим на страницах издания А. В. Кулагин предпринял попытку (и весьма успешную) выявить источники творчества Высоцкого, повлиявшие на него традиции и особенности его собственного художественного мира – его поэтику. Ещё одним «героем сборника»¹ стал Михаил Анчаров – поэт, бард, прозаик драматург, оказавший заметное влияние на Высоцкого в период становления его художественного мира.

Композиционно книга состоит из трёх частей: первая – статьи и заметки, вторая – эссе, третья – портреты и рецензии, – которые дополняются указателем произведений Высоцкого и указателем имён.

В первую часть издания вошло десять статей и заметок, преимущественно посвящённых исследованию источниковой основы произведений В. Высоцкого, их интертекстуальных связей с творчеством отечественных поэтов и писателей, в том числе современников барда. Кратко прокомментируем их содержание. Первая статья – «Сначала он, а потом мы...» Крупнейшие барды и наследие Вертинского» представляет развёрнутое (по причине отсутствия подобных работ) и аргументированное исследование преемственности традиции Вертинского А. Галичем, В. Высоцким, Б. Окуджавой. Так «мужественная»² муза Галича отзывалась на «болевы́е точки отечественной истории XX столетия»³, с которыми тесно связана лирика Вертинского, тем самым продолжив

¹ Кулагин А. В. Высоцкий: Источники. Традиции. Поэтика. М.: Булат, 2024. С. 4.

² Там же. С. 14.

³ Там же.

«единую пульсирующую нить русской культуры»¹. Б. Окуджава усвоил из его наследия «поэтизацию “маленького человека”»² с опорой на конкретно-исторический опыт современного человека (в отличие от условно-экзотического антуража Вертинского). В. Высоцкий, интерес которого к поэзии Вертинского носит биографический характер и уходит в детские годы, нашёл в ней «предмет для богатой смысловой и стилиевой игры в сторону снижения, травестирования чужого поэтического мира»³. Многогранность знаковой для бардовской песни фигуры Вертинского раскрывается сквозь призму её восприятия тремя корифеями авторской песни.

Вторая статья «Тюменская нефть»: поэтика и контекст» посвящена исследованию песни, оказавшейся обойдённой специальным вниманием высокоцковедов, хотя, по твёрдому убеждению А. Кулагина, она заслуживает «интереса и сама по себе, и в контексте лирики поэта»⁴. В статье изучается её творческая история, вписанность в творчество В. Высоцкого, контактные и типологические связи с другими его произведениями, особенности лирического сюжета и мотивно-образной парадигмы. Отдельно хочется отметить интересные авторские наблюдения над её языковыми особенностями в плоскости становления поэтического стиля Высоцкого.

Третья статья «Высоцкий и Межиров: поэтический диалог», двухчастная по своей структуре, поднимает проблему «Высоцкий и Межиров», не ставившуюся до её выхода в литературоведении. А. В. Кулагин скрупулёзно, научно выверенно, с опорой на воспоминания современников Высоцкого (В. Смехова, В. Мощенко, В. Ковтуна и др.) представляет построчное чтение стихотворений поэта с комментированием (весьма убедительным) реминисценций из межировских стихов, вскрывая глубины лирического диалога поэтов на уровне

тематики, мотивно-образной парадигмы, сюжетов, стиля, обнаруживая внутреннее родство душ и мировосприятия двух авторов. При этом не остаётся незамеченным и неоднозначное отношение Межирова к поэзии Высоцкого (критика отдельных стихотворений, стиливых приёмов), выраженное им после смерти поэта.

Четвёртая статья «Симоновская песня» Высоцкого вносит «ещё один штрих в картину сложной творческой истории этой песни»⁵. Несмотря на широкий диапазон источников песни «Райские яблоки», который включает как «фольклорно-мифологические (от Ветхого Завета до блатного фольклора), так и литературные источники»⁶, А. Кулагин выявляет ещё один – стихотворение К. Симонова «Если бог нас своим могуществом...» (1941 г.), связь с которым прослеживается, в первую очередь, на лейтмотивном уровне (мотив перемещения в рай и изгнания оттуда, любви, жены, друзей, сакральный).

Схожей по цели исследования является следующая статья: «Об одном источнике стихотворения “Из дорожного дневника”», где предпринята попытка «уточнить творческую историю стихотворения указанием на источник прежде в высокоцковедении в таком именно качестве не отмеченный»⁷ – текст Д. Маркиша «Мечется стрелка спидометра...», который, по мнению учёного, входит в поэтический фон «дорожного» стихотворения. Их сближает сама лирическая ситуация, сходство мотивов, экспрессивная образность и т. д.

Статья «Две заметки к проблеме: “Высоцкий и Шукшин”», посвящённая осмыслению роли В. Шукшина, которого Высоцкий знал с юности и с которым встречался в компании друзей, собиравшихся «на Большом Каретном», композиционно состоит из двух частей. В первой «Коля, Степан и другие» исследуются источники песенной диалогии «Два письма» (1966–1967), являющейся первым обращением поэта к сельской теме. Обозначив

¹ Там же.

² Кулагин А. В. Высоцкий: Источники. Традиции. Поэтика. М.: Булат, 2024. С. 15.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Там же. С. 82.

круг уже известных в литературоведении источников цикла, А. В. Кулагин выявляет ещё один – фильм В. Шукшина «Ваш сын и брат», снятый режиссёром и писателем по мотивам рассказов «Стёпка», «Змеиный яд» и «Игнаха приехал». Вторая часть «Несмешной клоун» посвящена выявлению источников написания стихотворения «Енгибарову – от зрителей» (1972). Учёный выдвигает гипотезу (убедительно обосновывая её) о включении в их число фильма В. Шукшина «Печки-лавочки».

В статье «Из комментария к “Песне студентов-археологов”» исследуется история самого «загадочного», по словам А. В. Кулагина, произведения В. Высоцкого. Признавая, что в творческой истории песни наиболее важные моменты пока закрыты белыми пятнами, учёный выдвигает гипотезу о написании её для фильма «Месяц май», который снимался на киностудии имени А. Довженко режиссёром Григорием Лившицем по сценарию Феликса Миронера, куда она, в конечном счёте, так и не вошла, а также убедительно обосновывает влияние на её написание романа М. Анчарова «Теория невероятности» и повести (журнального варианта будущего романа) Ю. Домбровского «Хранитель древностей».

В статье «Упал двенадцатый час...» К истории одного лирического мотива: Маяковский – Анчаров – Высоцкий» авторское внимание акцентируется на песне М. Анчарова «Цыганочка», поэме В. Маяковского «Облако в штанах» (строка из которой и послужила заглавием данной статьи) и стихотворении В. Высоцкого «Когда я об стену разбил лицо и члены...», в котором, по утверждению А. Кулагина, мотив отрубленной головы обнаруживает контактные связи с вышеназванными произведениями. Практически построчное чтение стихотворных текстов и убедительный историко-культурный и литературный комментарий позволяет учёному прийти к обоснованному логикой авторского исследования выводу о движении «мотива "падения двенадцатого часа" и "головы каз-

нённого" от Маяковского через Анчарова к Высоцкому»¹.

В статье «Об источниках стихотворения “Он вышел, зал взбесился...”» исследуется литературный генезис произведения в контексте важной для Высоцкого в 70-ые гг. XX в. темы художника и его судьбы с опорой на глубокий текстологический комментарий разных вариантов текста стихотворения.

Заключительная статья первого раздела книги «Анчаров слушает Высоцкого, и не только его. По страницам тепловести “День за днём”» композиционно завершает авторское исследование источников, традиций и поэтики произведений В. Высоцкого разговором о влиянии Анчарова на авторскую песню и интересе самого Анчарова, часто вступавшего в творческий диалог со своими современниками, к ней. Примером такого диалога и является телефильм «День за днём». Разбирая этот фильм по отдельным сериям, А. Кулагин выявляет многочисленные переклички с песнями В. Высоцкого («Песня о сентиментальном боксёре», «Про дикого вепря», «Тот, кто раньше с нею был» и др.), Визбора («Маркшейдер мне сказал: “Ты лучше ляг...”») и Галича («Красный треугольник» и др.). Таким образом, учёным формулируется вывод о том, что «неофициальная бардовская культура ... проступает в подтексте ... советского сериала, вольно или невольно обходя ... цензуру»².

Второй раздел «Эссе» включает три произведения этого жанра. Первое – «Словно семь заветных струн...» – посвящено окружению В. Высоцкого, весьма обширному в силу его актёрской и поэтической профессии, предполагавшей частые поездки и активное общение. В центре внимания исследователя оказываются семь «наиболее близких»³ поэту в разные годы его жизни людей: Левон Суменович Кочарян, старший друг Высоцкого, его со-

¹ Кулагин А. В. Высоцкий: Источники. Традиции. Поэтика. М.: Булат, 2024. С. 136.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 159.

сед по дому номер пятнадцать в Большом Каретном переулке. Второе имя – Андрей Донатович Синявский, писатель и литературовед, преподававший русскую литературу XX века в Школе-студии МХАТ, где тогда учился Высоцкий. Третий – Юрий Петрович Любимов, главный режиссёр Театра на Таганке, где Высоцкий проработал шестнадцать лет. Четвёртое имя – Михаил Леонидович Анчаров, поэт, прозаик, один из родоначальников авторской песни. Пятое имя – Марина Влади, знаменитая французская киноактриса, жена Высоцкого. Шестое – Михаил Михайлович Шемякин, художник-эмигрант, с которым Высоцкий познакомился в Париже в 70-ые гг. XX в. И, наконец, седьмое – Вадим Иванович Туманов, золотоискатель, руководитель старательской артели, человек трудной судьбы, с которым Высоцкий познакомился в 1973 г. в Москве. Автор убедительно обосновывает место и роль этих людей в жизни и творчестве Высоцкого, в формировании его мировоззрения и художественного мира его поэзии.

Второе эссе «Дорожные истории» представляет исследование эволюции темы дороги, в различных вариациях объективированной в поэзии Высоцкого, составляющей её «сюжетную сердцевину»¹, напрямую связанной с неутомимой, беспокойной, ищущей натурой поэта.

Третье эссе «Пишу тебе, Володя, с Садового кольца...» раскрывает высокую оценку творчества В. Высоцкого Ю. Визбором, посвятившим, в частности, его памяти песню «Письмо», строка из которой и легла в заглавие эссе.

Наконец третья композиционная часть книги – «Портреты и рецензии» – включает пять статей. Открывает её статья «О Н. А. Богомолоче и его книге», двухчастная по своей структуре и посвящённая крупному учёному-литературоведу, профессору МГУ, одной из ключевых фигур в изучении авторской песни, с которым автор в продолжение четверти века был лично знаком. В первой части даётся оценка

личности и исследований учёного, складывающаяся из личного общения при встречах с ним и изучения его научных трудов, встреч и общения на научных мероприятиях. Во второй – в фокусе авторского внимания оказывается книга Н. Богомолоча «Бардовская песня глазами литературоведа» – сборник статей, написанных за четыре десятилетия и опубликованных в разных изданиях (от полуподпольного самиздатского «Менестреля» до уважаемого западного «Russian Literature»).

В статье «“Шауловский” Высоцкий» А. В. Кулагиным рассматриваются работы С. М. Шаулова, посвящённые В. Высоцкому: книга А. В. Скобелева и С. М. Шаулова «Владимир Высоцкий. Мир и слово» – фактически первая монография о Высоцком, многочисленные статьи, критический обзор «О Высоцком на немецком». Учёный представляет интерпретацию творчества Высоцкого глазами С. М. Шаулова, с которым он и соглашается, и дискутирует, но однозначно признаёт, что Шаулов «почувствовал и выразил глубинный уровень присутствия Высоцкого в нашей жизни и нашей культуре вообще ... – присутствие на уровне универсалий и мифологем»².

Статья «“Нужно провести глубокий поиск...” По страницам высокоцковедческого журнала» представляет собой аналитический обзор ежеквартального научно-популярного журнала «В поисках Высоцкого», издание которого было начато высокоцковедом В. Перевозчиковым в 2011 г. (в Пятигорске, потом продолжено Ю. Гуровым в Новосибирске) и на момент выхода книги составляло сорок девять номеров. В журнале печатаются преимущественно оригинальные, впервые публикуемые материалы, которым он даёт жизнь, и регулярно появляются подборки докладов, прозвучавших на конференциях по творчеству поэта. Статья содержит интересный научный комментарий публикаций мемуарного характера, архивных материалов, текстологических наблюдений, особенно

¹ Кулагин А. В. Высоцкий: Источники. Традиции. Поэтика. М.: Булат, 2024. С. 178.

² Там же. С. 219.

стей исполнительской манеры Высоцкого, представленных в работах высокоцковедов.

Рецензия «Высоцкий и Библия»: о монографии Т. А. Бабенко» посвящена монографии «Библейская символика в поэтическом творчестве В. С. Высоцкого». Кисловодск, 2011. При неоднозначности её оценки А. Кулагиным, учёный всё же соглашается со значимостью уже самого факта её появления, так как «в ней впервые очерчены реальные контуры проблемы “Высоцкий и Библия”»¹.

Наконец, завершает этот раздел, да и весь сборник, рецензия «Дискурс прощания», что, на наш взгляд, весьма символично. Последняя статья посвящена «уходу Высоцкого как культурному феномену и дискурсу прощания с ним»². В центре авторского внимания – рецензиро-

вание номера сетевого научного журнала «Labirinth. Теория и практика культуры» (2020, № 3), который, по мнению учёного, по праву можно назвать ещё одним высокоцковедческим сборником, предлагающим особый взгляд на поэта – «через призму восьмидесятых годов»³.

Завершая разбор книги А. В. Кулагина «Высоцкий: Источники. Традиции. Поэтика», мы считаем должным подчеркнуть, что она очень своевременна и заслуживает самого пристального внимания как научной, так и просто интеллектуально неравнодушной общественности.

Несомненно, что место данного издания на книжной полке не только филолога, но и широкого круга читателей, интересующихся творчеством В. Высоцкого.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубова Марина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета;
e-mail: dubovama@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Dubova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Language and Literature, State University of Humanities and Social Studies;
e-mail: dubovama@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дубова И. А. Рецензия на книгу: Кулагин А. В. Высоцкий: Источники. Традиции. Поэтика. М.: Булат, 2024. 269 с. // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 131–135.

FOR CITATION

Dubova I. A. Book Review: Kulagin A. V. Vysotsky: Sources. Traditions, Poetics. Moscow, Bulat Publ., 2024. 269 p. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 131–135.

¹ Кулагин А. В. Высоцкий: Источники. Традиции. Поэтика. М.: Булат, 2024. С. 245.

² Там же. С. 246.

³ Там же. С. 255.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ»

Малинская Т. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “SEMANTICS AND FUNCTIONING OF LINGUISTIC UNITS IN DIFFERENT TYPES OF SPEECH”

T. Malinskaya

University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

На базе Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского 24–25 мая 2024 года проходила Международная научная конференция «Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи», организаторами которой выступили члены кафедры русского языка факультета русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского. Конференция имеет формат биеннале. География мероприятия широка: в ней приняли участие учёные таких городов России, как Киров, Кострома, Москва, Мышкин, Нижний Новгород, Рязань, Санкт-Петербург, Ярославль, а также доклады представили лингвисты других стран: Беларуси, Китая, Тунисской Республики, Алжира. Целью этого научного форума является сотрудничество в сфере современной лингвистики, анализ актуальных тенденций развития русского языка и процессов, происходящих в нём, а также укрепление межъязыковых и межкультурных связей.

На открытии пленарного заседания с приветственным словом выступил первый проректор Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского **Ходырев Александр Михайлович**, кандидат педагогических наук, доцент, который поблагодарил присутствующих за участие в международной конференции, пожелал плодотворной работы и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество.

Доклад канд. филол. наук, ведущего научного сотрудника Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН **Петровой Зои Юрьевны** и **Фатеевой Наталии Александровны**, д. филол. наук, главного научного сотрудника Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН, «Персонафикация судьбы в метафорической картине мира русской литературы (по данным «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.»)» проходил в дистанционном формате. В докладе актуализировалась многоаспектная характеристика судьбы. В выводе отражено преобладание в картине мира русской литературы негативных черт метафоризации судьбы.

Выступление д-ра филол. наук, профессора, независимого исследователя **Красиной Елены Александровны** «Лексичность–грамматичность структуры простого русского

предложения» касалось фундаментальных основ описания простого предложения в современном русском синтаксисе.

В докладе «Неглагольные двусоставные предложения в русском языке» д-ра филол. наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения **Герасименко Наталья Аркадьевна** отметила активизацию употребления неглагольных предложений в русском языке, связанную с утратой лексического или грамматического значений связочного компонента.

Доклад д. филол. наук, заведующего кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского **Рацибурской Ларисы Викторовны** «Семантика и функционирование аффиксов в современных деривационных процессах» затронул проблему функционального динамизма современного словообразования, в частности негативную оценочность у безоценочных аффиксов.

В докладе президента Тунисской ассоциации «Российское наследие», канд. филол. наук, доцента Высшего института языков г. Туниса, Университета Карфагена (Тунисская Республика) **Ельцовой Елены Николаевны** «Концепт *дerviш* в русской литературе начала XX века» проанализировано употребление концепта *дerviш* в текстах произведений русских писателей: И. А. Бунина, А. Белого, Н. Гумилёва. Лингвист сопоставила понятие *дerviш* в мусульманской традиции с авторскими интерпретациями.

Выступление д-ра филол. наук, профессора кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения **Леденёвой Валентины Васильевны** «Слово и концепт “Молитва” в проповеди “Неделя о мытаре и фарисее” священноисповедника Луки Крымского» посвящено актуальности «молитва», совмещающей в себе работу духа и работу слова. Докладчик ак-

центирует внимание на предикатах акционального употребления с анализируемой лексемой.

Доклад д-ра филол. наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения факультета филологии и медиакоммуникаций Вятского государственного университета **Калининой Людмилы Викторовны** «Семантика неуловимого: что происходит на краю сознания?» вызвал интерес полисемичностью лексемы *край*, её многогранностью употреблений и интерпретаций, а также сочетаемостными возможностями лексемы *сознание* с глаголами разных семантических групп. *На краю сознания* понимается как пространственная метафора.

В рамках конференции работали 4 секции:

1. Семантика и прагматика высказывания.
2. Семантика слова и фразеологизма в текстах разных типов.
3. Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения языковых единиц.
4. РКИ в современном лингвокультурном пространстве.

Секции объединили труды по лексикологии, словообразованию, морфологии, синтаксису, лингвокультурологии и исследованию преподавания русского как иностранного. Всего было представлено 56 докладов, которые вызвали большой интерес у аудитории. Свои работы озвучили доктора наук: Н. М. Девятова, А. В. Канафьева, М. Л. Новикова, Е. Н. Лагузова, Е. И. Беглова, И. В. Якушевич, И. Ю. Третьякова, М. А. Фокина, Э. Н. Акимова, Е. В. Алтабаева, Ю. А. Южакова; кандидаты наук: Т. А. Головина, А. Н. Клевцов, О. В. Лазарева, Т. В. Малинская, А. П. Ушакова, О. А. Климкович, А. Т. Грязнова, Д. В. Дроздова, О. Ю. Казмирчук, Л. А. Соколова, И. А. Суханова, О. А. Титов, М. А. Хлупина, Е. Н. Прусова, А. А. Дерунова, И. А. Кузнецов, М. Н. Кулаковский, Т. П. Куранова, Р. В. Разумов, М. В. Сомова, Т. Б. Колышкина, И. В. Шустина, У. Ляньлянь, Ж. К. Гапонова, Н. М. Сергеева;

аспиранты: Х. М. Канаби, В. В. Орлов, Д. В. Прокопова, М. Шохра, А. А. Олонцев, У. С. Батанова, В. И. Бурмина, А. А. Серогодская; магистранты и студенты бакалавриата: О. И. Светлакова, У. В. Белослудцева, С. Нарбаев, О. В. Крупина, М. Хусейинова, А. Н. Серова, Янь-Синь, объединённые общей целью – развитием, продвижением и популяризацией науки о языке.

На заключительном этапе международной конференции были прослушаны два доклада. Доклад **Шаповаловой Татьяны Егоровны**, д-ра филол. наук, профессора, заведующего кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, «О слове КАК в повести А. С. Пушкина “Барышня-крестянка”», который актуализирует проблему частеречной принадлежности слова КАК в зависимости от контекста и авторских интенций.

В докладе д. филол. н., профессора, независимого исследователя **Красиной Елены Александровны** и **Новоспасской Натальи Викторовны**, канд. филол. н., доцента кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов имени

Патриса Лумумбы, «Избыточность в научном и художественном дискурсе» эксплицировалось столкновение квазисемичных корней, служащих появлению плеоназма и тавтологии.

Во время подведения итогов Международной научной конференции состоялась свободная дискуссия. Лингвисты поблагодарили организаторов за прекрасное проведение важного для научного сообщества мероприятия, которое интегрировало новые теоретические и исследовательские знания, собрало представителей разных научных школ, объединило опытных и начинающих учёных.

Особый трепет и благодарность участников конференции вызвала пешая экскурсия по Ярославлю, а также поездка в Толгский монастырь, что явилось прекрасным дополнением к двухдневной научной конференции.

Выражаем слова признательности организаторам – членам кафедры русского языка факультета русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского во главе с заведующим – Лагузовой Евгенией Николаевной, д-ром филол. наук, профессором.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинская Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;
e-mail: htgytdf@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Malynskaya – Cand. Sci. (Philological Sciences), Senior Lecturer, Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;
e-mail: htgytdf@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малинская Т. В. Международная научная конференция «Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи» // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 136–138.

FOR CITATION

Malynskaya T. V. International Scientific Conference “Semantics and Functioning of Linguistic Units in Different Types of Speech”. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 136–138.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2024. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик А. Ю. Назарова

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,75, уч.-изд. л. 10,5.

Подписано в печать: 28.06.2024 г. Дата выхода в свет: 09.07.2024 г. Заказ № 2024/06-05.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А